

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

ПОЛИТОЛОГИЯ

2015. № 3

Редакционная коллегия

Н.М. Беляева (отв. секретарь), Н.В. Борисова, П.В. Панов,
К.А. Сулимов, Л.А. Фадеева (гл. редактор)

Редакционный совет

Акаха Тсунео, д.ф.н., профессор, директор Центра Восточно-азиатских исследований,
Институт международных исследований (Монтерей, США)

Бусыгина Ирина Марковна, д.п.н., профессор, Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД РФ.

Бушар Мишель, профессор, Университет Северной Британской Колумбии (Канада).

Малинова Ольга Юрьевна, д.ф.н., профессор, Институт научной информации по обще-
ственным наукам РАН.

Морозова Елена Васильевна, д.ф.н., профессор, Кубанский государственный универси-
тет.

Мацузато Кимитака, д.ю.н., профессор, Центр славянских исследований университета
Хоккайдо (Япония).

Подвинцев Олег Борисович, д.п.н., профессор, Институт философии и права УрО РАН.

Рахшмир Павел Юхимович, д.и.н., профессор, Пермский государственный националь-
ный исследовательский университет.

Росс Камерон, д.ф.н., Университет Данди (Великобритания).

Саква Ричард, профессор, Кентский университет (Великобритания).

Сморгунов Леонид Владимирович, д.ф.н., профессор, Санкт-Петербургский государст-
венный университет.

Фадеева Любовь Александровна, д.и.н., профессор, Пермский государственный нацио-
нальный исследовательский университет.

Редактор – составитель номера Н.В. Борисова

© Редакционная коллегия, 2015

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства в сфере мас-
совых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации средства массовой
информации ПИ № ФС77-27900 от 20 апреля 2007 г.
Свидетельство о регистрации средства массовой
информации ПИ № ФС77-53183 от 14 марта 2013 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Политическая теория

<i>Грановская О.Л.</i> Политическая демократия: публичная рациональность посредством объединения предпочтений	5
<i>Давыдов Д.А.</i> Критика теории социального капитала: все ли нюансы учтены?	20

Этнополитические процессы в современном мире

<i>Панов П.В., Филиппова Е.Ю.</i> Практики распределения властных позиций в российских «национальных республиках»: проблема межэтнического баланса	33
<i>Кузнецова А.В.</i> Национализм и революция: случай Ирландии	51
<i>Грабевник М.В.</i> Дискурс постколониализма и шотландский регионализм ...	66

Историческая политология

<i>Шакиров Ю.А.</i> Формирование идеологических основ ВОПД «НАШ ДОМ – РОССИЯ» в 1995–1998 гг.	79
<i>Сулейманов А.В.</i> Эволюция государственно-политической системы Турецкой республики	95
<i>Ндайишимийе Т.Г.</i> Традиции русской власти: надёжная стабильность или безальтернативная предопределённость?	104

Локальная политика в современном мире

<i>Витковская Т.Б.</i> Легислатуры в малых городах Пермского края: состав и уровень компетенций	116
<i>Angenendt Michael</i> Non-Partisan Groups in German Local Politics: Between Populism and “Politics as Usual”?	127
<i>Шалаев Н.Е.</i> Кандидаты на муниципальных выборах в Санкт-Петербурге: типология успеха	149
К сведению авторов	167

Review of Political Science

Review of Political Science is a peer-reviewed academic journal publishing original research in various subfields of political science: political theory, political sociology, political regional studies, political philosophy, comparative politics, public administration.

The main aim of the journal is to provide a forum for scholars to share and discuss the results of their work.

Review of Political Science is included in the list of the leading academic journals that are recommended by Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

Review of Political Science, founded in 2007, is published quarterly by the Department of Political Science of Perm State University, Russia.

After publishing, full-text versions of the issues are available on the journal's website, as well as on the website of the electronic library – elibrary.ru.

Editorial Board

Editor-in-Chief – Lyubov Fadeeva, Professor, Head of the Department of Political Science, Perm State University

Executive Secretary – Natalya Belyaeva, Associate Professor at the Department of Political Science, Perm State University

Members of Editorial Board:

Nadezhda Borisova, Associate Professor at the Department of Political Science, Perm State University

Petr Panov, Professor at the Department of Political Science, Perm State University

Konstantin Sulimov, Associate Professor at the Department of Political Science, Perm State University

Editorial Council

Akaha Tsuneo (Middlebury Institute of International Studies at Monterey, USA)

Busygina Irina (MGIMO University, Russia)

Bouchard Michel (University of Northern British Columbia, Canada)

Malinova Olga (INION of the Russian Academy of Sciences, Russia)

Matsuzato Kimitaka (Slavic-Eurasian Research Center of Hokkaido University, Japan)

Morozova Elena (Kuban State University, Russia)

Podvintsev Oleg (Perm Scientific Center of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences, Russia)

Rakhshmir Pavel (Perm State University, Russia)

Ross Cameron (University of Dundee, United Kingdom)

Sakwa Richard (University of Kent, United Kingdom)

Smorgunov Leonid (Saint Petersburg State University, Russia)

Fadeeva Lyubov (Perm State University, Russia)

CONTENT

Political theory

<i>Granovskaya O.L.</i> Political Democracy: Public Rationality through Aggregation of Preferences.....	5
<i>Davydov D.A.</i> Individualism in Writings of Social Capital Theory Followers: Ideological Aspect.....	20

Ethno-political processes in the modern world

<i>Panov P.V., Filippova E.Yu.</i> Practices of Allocating Offices in Russian «National Republics»: the Issues of Inter-Ethnic	33
<i>Kalashnikova A.V.</i> Nationalism and Revolution: The Case of Ireland.....	51
<i>Grabevnik M.V.</i> Post-Colonial Discourse and Scottish Regionalism.....	66

Historical politology

<i>Shakirov Yu.A.</i> The Formation of the Ideological Foundations of the All-Russian Social Political Movement «Our home – Russia» in 1995-1998.....	79
<i>Suleymanov A.V.</i> Evolution of the State-Political System of the Republic of Turkey	95
<i>Ndayishimiye T.G.</i> Traditions of Russian Power: Robust Stability or Non-... Alternative Predetermination?.....	104

Local politics in the modern world

<i>Vitkovskaya T.B.</i> Legislatures in Small Towns of the Perm Region: Composition and Competence Level.....	116
<i>Angenendt M.</i> Non-Partisan Groups in German Local Politics: Between Populism and ,Politics as	127
<i>Shkoldov N.E.</i> Candidates for St. Petersburg Municipal Elections: Typology of Success	149

Information for authors	168
--------------------------------------	------------

Политическая теория

УДК-32

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ: ПУБЛИЧНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ПОСРЕДСТВОМ ОБЪЕДИНЕНИЯ ПРЕФЕРЕНЦИЙ

*О.Л. Грановская*¹

Задача данной статьи – исследовать процедуры формирования публичной рациональности, принятые в современной концепции агрегативной демократии. Основным методом является сравнительный анализ различных процедур агрегации предпочтений и выработки политического решения. Агрегативная демократия рассматривается в контексте модели делиберативной демократии. Делается вывод, что применяемые по отдельности данные способы выработки коллективного решения являются дефицитными процедурами. Однако их недостатки отчасти компенсируются одновременным использованием делиберации и голосования.

Ключевые слова: агрегативная демократия; политические предпочтения; теория воли народа; политическая делиберация; политическое участие; процедуры принятия решений.

Делиберация и агрегативная демократия

В центре теории делиберативной² демократии находится идея оправдания посредством обсуждения. Поскольку для обоснования нормы необходима настоящая дискуссия, только политический порядок, основанный на реальном публичном диалоге между гражданами, может выработать оправданные нормы³. Политическое решение должно быть основано на компетентном обсуждении спорных

¹ Грановская Ольга Леонидовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Дальневосточного Федерального университета (Владивосток). E-mail: olg@vladivostok.com.

² «Делиберация в англо-американском употреблении этимологически основывается на латинском слове *deliberare* и означает взвешивать (в идейном смысле), размышлять или внимать совету. В английском языке слово делиберация понимается также как дискуссия или *consideration*, обсуждение» [2, 21].

³ С критикой данного тезиса можно ознакомиться в работе Томаса Христиано «Значимость публичной делиберации» [6].

проблем, то есть на дискуссии, которая ведется в соответствии с коммуникативными принципами согласованного дискурса. Только тогда ее содержание может считаться рационально мотивированным.

Нормы, которые не подтверждаются подобным образом, не могут быть обязательными для всех, а если эти нормы устанавливаются, то это не что иное, как простое порабощение и подчинение воле, то есть в идеале должна осуществляться настоящая политическая дискуссия, которая ведет к рациональному соглашению по поводу норм. Для подкрепления своей позиции Юрген Хабермас, один из основоположников теории политической делиберации, цитирует немецкого демократа Юлиуса Фройбеля:

«Мы стремимся к социальной республике, то есть, к государству, в котором счастье, свобода и достоинство каждой личности признаются как общая цель, а совершенство закона и власть общества происходят из взаимного понимания и согласия всех его членов» [10, 46].

Одной из дилемм делиберативной демократии является невозможность объяснить, как современные плюралистические сообщества могут достичь согласия по поводу всего свода законов, по которым они живут. Хабермас признает, что конвенция никогда не будет полной. В конце дискуссии всегда будет необходимо проголосовать, а это означает, что согласие так и не достигнуто.

По Хабермасу правила большинства соотносятся не с истиной, а с процессом поиска истины, а принятое большинством решение представляет собой только цезуру в неоконченном процессе приятия решения, промежуточный результат дискурсивного процесса формирования мнения. «Некоторые результаты дискуссий могут быть ошибочно приняты под институциональным прессом, но их рассмотрение продолжится».

Далее возникают следующие проблемы: *как голосование может служить индикатором оправданности?* Оправданность требует, чтобы обсуждение было действительно выполнено. Для того чтобы выйти из проблемы, давайте рассмотрим различия в двух взглядах, связывающих два корректных выхода из делиберации: назовем их контрфактуальный и актуальный делиберативные подходы.

Согласно контрфактуальному подходу, преференция оправданна, если с ней согласились в ходе условной дискуссии, которая длилась бы до тех пор, пока это возможно [13, 60]. То есть оправданность в данном случае независима от актуальной делиберации: X верен прямо сейчас, если с X условно можно согласиться. Таким образом, мы можем предугадать возможный результат или проголосовать, голосование и будет этим индикатором оправданности.

Однако Хабермас утверждает, что оправданность не возникает в результате соглашения при гипотетических условиях, а является результатом *актуального* дискурса при соответствующих условиях. Только реальный, актуальный дискурс

может сделать норму оправданной. Если это действительно так, то оправданность не может быть достигнута просто путем угадывания результата обсуждения; только если мы действительно выполнили все требования, осуществили дискуссию, которая привела к рациональному консенсусу, мы можем считать, что наши нормы оправданны [6, 262].

Эта идея понижает статус голосования так же, как указание на правильный исход дискуссии – если нет определенного окончательного ответа, то нет и никакого проверяемого индикатора этого ответа. Голосование, скорее, сокращает дискуссию и поиски оправданности.

Дискурс стимулирует соглашение в политических суждениях. Как охарактеризовал эту концепцию известный норвежский исследователь в области социальных наук Йон Элстер, теоретики делиберации представляют демократию как «форум», на котором «преференции» (или суждения) трансформируются через публичное обсуждение: споря друг с другом и отвечая на аргументы другого, мы освобождаемся от предвзятых или необоснованных суждений и приходим к суждениям, которые могут стать основой публичного согласия [8]. Однако проблема данной теории состоит в том, что приверженность к искреннему обсуждению часто не позволяет нам достичь надежного согласия.

Искренние участники делиберации часто приходят к неразрешимым разногласиям, о них нельзя договориться или пренебречь ими. Вообще, метафору «переговоров» можно использовать, когда на карту поставлены интересы или простые преференции, но не в дискуссиях, целью которых является истина. Применяя принцип публичной оправданности, человек обычно руководствуется собственными представлениями об истине и о разумности. Попытки субъекта искренне высказать то, что он считает хорошим аргументом, который не будет опровергнут разумным доводом, основываются на его собственном представлении о разумности.

Таким образом, мы всегда будем придерживаться различных мнений о том, что является публично оправданным. Искренние участники обсуждения, предлагающие основания для публичного оправдания, всегда будут несогласны друг с другом. Они будут придерживаться отличающихся друг от друга суждений о рациональности, об искренности и о многом другом. Следовательно, политический порядок, основывающийся на идеях рациональности и публичного оправдания, будет вечным спором о том, что оправданно, и не может быть никакой надежды на возможность достижения хоть чего-то, отдаленно напоминающего актуальное согласие.

Попытки представить наилучшее оправдание могут заставить участника дискуссии выдвигать все новые аргументы и блокировать консенсус. Часто консенсус может быть достигнут, если участники обсуждения договариваются насчет

цены уступок и пытаются всем угодить. Но философам хорошо известно, что это часто приводит к обесцениванию дискуссии и подмене проблемы. Философы преуспели в том, что называется «вдаваться в тонкости» – в заострении различий и в раскладывании по категориям. Это, как известно, наилучший способ поиска истины (или того, что наиболее обосновано), но это не лучший способ достижения согласия.

Делиберативной концепции противопоставляется концепция агрегативной демократии, согласно которой личные мнения и предпочтения понимаются как данность, а целью демократического процесса принятия решений является объединение индивидуальных предпочтений в социальное решение через голосование. В рамках этой модели демократия понимается как механическая агрегация голосов или частных предпочтений (*inputs*) в социальные решения или коллективные предпочтения (*outputs*).

Делиберативную демократию Элстер определяет как политику, направленную на трансформацию предпочтений с помощью рациональной дискуссии, а агрегирующую демократию – как политику, направленную на суммирование имеющихся предпочтений. Агрегативная концепция делает центральным то, что в делиберативной концепции выталкивается на периферию: представления людей о справедливости и общем благе кардинально различны, и для определения социальной или «общей воли» (Руссо) необходимо прибегнуть к голосованию.

Согласно данной концепции, публичный разум может возникнуть из набора разрозненных и конфликтующих индивидуальных суждений. Исследуются две версии этого тезиса: во-первых, сам по себе акт голосования объединяет частные суждения в одно общее публичное суждение, и, во-вторых, акт голосования является свидетельством общественной воли, которая формируется посредством объединения частной воли.

В основе наших обыденных представлений о демократии лежит именно концепция агрегативной демократии. Многие из нас рассуждают о выборах как о способе выяснения того, что думают и хотят люди. Согласно Томасу Джефферсону, объединяя людей, самоуправление требует собрать их волю, выраженную большинством, воедино; большинство, и обычно не через голосование, выражает сумму воли людей [4, 15].

Сторонники делиберативной демократии многое заимствуют из идеи общественного договора Жан-Жака Руссо, но в его концепции голосованию отводится гораздо более важная роль, нежели в упомянутой теории. Руссо понимал голосование как способ определения голоса людей. В контексте постоянного конфликта воли и суждений (а это основное допущение современной либеральной мысли), концепция агрегативной демократии может быть весьма полезна: голосование несогласных граждан помогает установить волю людей. В этом смысле результат

голосования может рассматриваться как изъявление общественного разума или общественной воли.

«Голос народа»

Прежде чем исследовать различные версии агрегативной демократии, и как, по их мнению, голосование может трансформировать различные личные намерения в согласованную общественную волю, полезным будет сосредоточиться на более узкой идее, так называемом «голосе народного суждения»:

Посредством голосования по определенной проблеме в условиях, во-первых, всеобщего права голоса, и, во-вторых, равенства голосов, можно выработать решения, которые могут быть интерпретированы как изъявление общественной воли по этой проблеме.

В своем трактате «Об общественном договоре» Руссо, как известно, описывает ситуацию, когда голосование не может считаться выражением общей воли: «...когда в ущерб основной ассоциации образуются сговоры, частичные ассоциации, то воля каждой из этих ассоциаций становится общою по отношению к ее членам и частною по отношению к Государству; тогда можно сказать, что голосующих не столько же, сколько людей, но лишь столько, сколько ассоциаций. Различия становятся менее многочисленными и дают менее общий результат. Наконец, когда одна из этих ассоциаций настолько велика, что берет верх над всеми остальными, в результате получится уже не сумма незначительных расхождений, но одно-единственное расхождение. Тогда нет уже больше общей воли, и мнение, которое берет верх, есть уже не что иное, как мнение частное» [3].

Как известно, существует множество теорий демократии, некоторые зависят от исполнения многих условий, от понимания природы человека, от понимания убеждения и т.д., и они не так интересны. С другой стороны, теории, не ограничивающие себя строгими условиями, намного интереснее, поскольку они дают надежду, что мы можем интерпретировать итоги голосования как выражение воли граждан.

У Руссо интересно, прежде всего, следующее высказывание: «Если брать этот термин в точном его значении», – пишет он, – «то никогда не существовала подлинная демократия, и никогда таковой не будет... Нельзя себе представить, чтобы народ все свое время проводил в собраниях, занимаясь общественными делами. И легко видеть, что он не мог бы учредить для этого какие-либо комиссии, чтобы не изменилась и форма управления... Впрочем, каких только трудносоединимых вещей не предполагает эта форма Правления!» [3].

Теории воли народа

Руссо утверждал, что общественный договор может быть сведен к простой формуле: «Каждый из нас передает в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы, и в результате для нас всех

вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого» [3]. Руссо называл общую волю волей «общественного организма» или просто «волей народа» [3]. Кроме того, Руссо настаивал, что если обсуждение проблемы будет проведено с соблюдением определенных условий, то его итогом будет выражение общей воли [3]. Именно эта особенность учения Руссо позволила американскому политологу Уильяму Райкеру назвать его «популистом»:

«Основная концепция восходит, по крайней мере, к учению Руссо. Существует общественный договор, который создает «моральный общественный организм», «живой» и обладающий «волей», т.е. известную всем «общую волю», волю объединенных людей, Суверена.... Способ нахождения общей воли...– вычислить ее при помощи консультаций с гражданами» [15, 11].

Учитывая реплику Райкера, давайте охарактеризуем теорию воли избирателей следующим образом:

Посредством голосования по определенной проблеме в условиях, во-первых, всеобщего права голоса, и, во-вторых, равенства голосов, процедура принятия решений выражает волю людей по определенной проблеме посредством объединения частной воли каждого гражданина в общую волю.

Общая картина, таким образом, следующая: 1) существует группа людей; 2) каждый член группы обладает собственной волей; 3) эта группа обладает народной или общей волей; 4) при определенных условиях, система голосования вычисляет волю народа, посредством консультаций с частной волей граждан; 5) таким образом, итогом голосования будет изъявление воли народа – голоса народа.

Райкер выдвинул два основных требования к приемлемой теории воли народа:

1. Уникальность (однозначность). Назовем первое требование однозначностью и сформулируем его следующим образом:

Пусть $\{p_1 \dots p_n\}$ будет набором систем предпочтений для индивидуумов от 1 до n . Пусть p будет системой социальных предпочтений.

Принцип уникальности можно сформулировать следующим образом: для любой заданной системы индивидуальных предпочтений, не может быть больше одного социального предпочтения P .

Как известно, Райкер доказывает, что требование уникальности никогда не может быть исполнено. Приведем для наглядности следующий пример: Пусть X , Y и Z обозначают кандидатов, участвующих в выборах. Если мы будем применять плюральную избирательную систему или систему простого большинства, (при которой избранным считается кандидат, набравший относительное большинство голосов от общего числа проголосовавших избирателей), то при голосовании по системе относительного большинства победителем будет кандидат X , при голосо-

нии по системе абсолютного большинства – кандидат Y , а если мы будем голосовать по методу Кондорсе, то победит кандидат Z .

Предположим, что в голосовании участвуют 60 человек и все те же три кандидата X , Y и Z . Голосование по системе относительного большинства даст такие результаты: за X – 23 голосующих, за Y – 19 голосующих, за Z – 18. Таким образом, в этом случае победит кандидат X .

Если голосование проводится по системе абсолютного большинства, кандидаты X и Y выйдут во второй тур, где кандидат X получит 25 голосов, а кандидат Y – 35 голосов – и победит.

Голосование можно проводить по принципу Кондорсе. Согласно этому правилу, для определения истинной воли народа необходимо, чтобы каждый выборщик определил место каждого кандидата в порядке предпочтения. После этого для каждой пары кандидатов определяется, сколько выборщиков предпочитает одного кандидата другому, далее составляется полная матрица попарных предпочтений голосующих. На базе этой матрицы, используя транзитивность отношения предпочтения, можно построить коллективную ранжировку кандидатов.

По Кондорсе, воля большинства выражается в виде трех суждений: $Z > Y$; $Y > X$; $Z > X$, которые можно объединить в отношение предпочтения $Z > Y > X$. Если необходимо выбрать одного из кандидатов, то, согласно принципу Кондорсе, следует предпочесть кандидата Z .

Выходит, что победитель определяется правилами игры, и эти победители будут разными при различных системах голосования. Согласно второй, широко используемой в мире процедуре, победить может кандидат, который проигрывает отсеянному в первом туре кандидату в отношении вплоть до 1 к 1,99... Парадоксальность такой ситуации на реальных выборах иногда путают собственно с парадоксом Кондорсе⁴.

Зная об этом, Райкер заключает: одинаково разумные методы голосования могут привести к совершенно разным результатам. Одно и то же собрание индивидуальной воли, следовательно, может образовывать не одну противоречивую общую волю, в зависимости от используемой системы агрегации, ни одну из них нельзя назвать наилучшей.

⁴ Принцип Кондорсе устраняет ошибки, связанные с неполным учётом предпочтений избирателей в первом туре, но может приводить к неразрешимому противоречию. Парадокс Кондорсе (был описан философом в 1785 г.) заключается в том, что при наличии более двух альтернатив и более двух избирателей коллективная ранжировка альтернатив может быть циклической, даже если ранжировки всех избирателей не являются циклическими. Таким образом, волеизъявления разных групп избирателей, каждая из которых представляет большинство, могут вступать в парадоксальное противоречие друг с другом.

Американские исследователи права Джулс Коулман и Джон Фэаджон утверждают, что популист может отвергнуть критерий уникальности. По их мнению, популисты могут быть преданы концепции общей воли, но им не нужен принцип уникальности [7, 15]. С точки зрения популиста, отклонение сложных иерархий социальных предпочтений от индивидуальных предпочтений, является просто доказательством того, что существует больше одной приемлемой альтернативы. Таким образом, они предлагают дизъюнктивную интерпретацию сложных иерархий социальных предпочтений. С точки зрения популистов, если набор индивидуальных волей $\{p_1...p_n\}$ будет образовывать две различные общие воли, P_1 и P_2 , это показывает, что есть две общие воли P_1 или P_2 .

Вопрос в том, почему мы должны считать, что общая воля будет либо P_1 , либо P_2 ; как мы можем быть в этом уверены, учитывая данный набор волей $\{p_1...p_n\}$? Один из способов разрешения этой проблемы, ввести правило метарешения, которое будет устанавливать правильную альтернативу, если P_1 и P_2 вступают в противоречие. Но тогда получится, что Коулман и Джон Фэаджон сами приходят к принципу уникальности, который пытались опровергнуть!

Однако предположим, что нет никакого метاپравила, которое бы разрешало противоречия волей. Райкер говорит, что в таком случае проблема столкновения волей P_1 и P_2 , указывает на то, что у людей есть две различные воли, которые не связаны друг с другом, и нет никакой мета-воли – т.е. воли волей. Есть просто две независимые, конкурирующие коллективные воли. А это значит, что есть какая-то непонятная, несогласованная – или как аккуратно говорит Райкер – смутная воля.

Все теории общей воли, утверждают, что воля народа не менее, а скорее более отчетлива, нежели индивидуальные воли из которых она состоит. Но если воля народа представляет собой две различные, противоречащие друг другу воли, то воля народа становится похожей на волю шизофреника и не может служить основанием демократии⁵. Если в рамках одной личности мы сталкиваемся с несколькими независимыми и противоречивыми волями, то мы не можем исполнить желание этой личности, не отрицая одновременно ее другие желания. Если мы удовлетворяем требования P_1 , то мы одновременно отказываем в удовлетворении требований P_2 , и наоборот. Если мы хотим исполнить требования человека, то нам лучше придерживаться принципа уникальности (однозначности).

2. Второе требование Райкера – разумность, понимаемая как честность и логичность. Анализируя способы голосования, можно заключить, что не все из них являются одинаково эффективными методами агрегации предпочтений, и сущест-

⁵ Согласно наблюдениям современных психиатров, разговор с шизофреником напоминает разговор с несколькими ментальными процессами, а не с одной личностью, как будто шизоидная личность разделена на несколько тел, и не может их соединить в одно [14, 68].

вует какой-то единственный наилучший способ, определяющий истинную волю народа.

Ссылаясь на известную теорему Кеннета Эрроу о невозможности принятия обществом «коллективного» решения о своих приоритетах, исходя из учета индивидуальных предпочтений, Райкер утверждает, что «ни один из способов голосования не может одновременно удовлетворять нескольким элементарным условиям честности и предоставлять результаты, которые бы соответствовали требованиям логичности» [15, 115]; следовательно, каждый из способов является ущербным и ни один не может быть назван единственно верным.

Для того чтобы оценить позицию Райкера, предположим, что каждый индивидуум может ранжировать каждую политическую альтернативу, и эти предпочтения будут транзитивными. Следовательно, согласно транзитивности, если Иван отдает предпочтение партии «Единая Россия» по отношению к партии «КПРФ» и отдает предпочтение «КПРФ» по отношению к партии «Гражданская платформа», то соответственно он отдает предпочтение партии «Единая Россия» по отношению к партии «Гражданская платформа».

Условия справедливого метода голосования по Эрроу⁶:

Транзитивность – это требование формирования рациональной последовательности. Если вы предпочитаете первый выбор второму и второй выбор третьему, согласно простому требованию транзитивности, вы должны предпочесть первый выбор третьему. Следовательно, транзитивность является минимальным требованием формирования рациональной последовательности предпочтений.

Как доказывает теорема Эрроу, в рамках ординалистского подхода не существует метода объединения индивидуальных предпочтений для трёх и более альтернатив, который удовлетворял бы некоторым вполне справедливым условиям, гарантировал генерирование рациональной, транзитивной социальной воли, всегда давал бы логически непротиворечивый результат. Таким образом, не существует системы голосования, которая отвечала бы одновременно всем шести следующим условиям:

Универсальность – для любого профиля голосования существует результат – воля народа (или, в терминах теории Эрроу, упорядоченный список из n альтернатив);

Монотонность – если во всех N -списках некоторая альтернатива x останется на месте или поднимется выше по списку, а ранжирование остальных не изменится, в общем списке x должен остаться на месте или подняться, т.е. если индивид

⁶ Начальный вариант условий был изложен в первом издании работы Эрроу «Social Choice and Individual Values» [5]. Во втором издании 1963 г. критерии монотонности и отсутствия ограничений были заменены на критерий эффективности по Парето.

изменяет свои предпочтения с $\{Y - \text{лучше, чем } X\}$ на $\{X - \text{лучше, чем } Y\}$, он не может самостоятельно сделать X социально менее предпочтительным, нежели Y .

Отсутствие ограничений – воля народа всегда вырабатывается индивидуальными волями.

Эффективность по Парето, или принцип единогласия – если альтернатива X у каждого избирателя в списке стоит выше Y , то та же позиция должна сохраняться и в окончательном результате.

Независимость от посторонних альтернатив – если профиль голосования изменится так, что альтернативы X и Y во всех N -списках останутся в том же порядке, то в окончательном результате их ранжирование также не изменится.

Отсутствие диктатора – нет такого избирателя, предпочтения которого определяли бы результат выборов независимо от предпочтений других избирателей.

Мы можем понимать все эти условия, взятые вместе, как предписывающие минимальные условия для рациональной процедуры агрегации воли. Эта процедура должна, во-первых, не образовывать интранзитивной воли народа. Невозможность осознания отношений транзитивности – другая черта шизоидной личности [4, 211], и если воля народа – это воля шизофреника, то ее нельзя воспринимать серьезно.

Но в придачу ко всему, рациональный метод исчисления воли народа из набора индивидуальной воли должен быть произвольным (важная черта условия независимости), повелительным, он должен обращать внимание на актуальные предпочтения граждан (условие отсутствия ограничений и Парето эффективности), и голосование за кандидата или альтернативу не должно игнорировать индивидуальные предпочтения (условие монотонности). Поскольку Райкер считает, что ни один метод голосования не может удовлетворять всем этим разумным условиям, он заявляет, что нельзя наделять смыслом результаты голосования, и, таким образом, выборы не могут интерпретироваться как то, что раскрывает волю народа [15, 238].

Простая теория воли народа

Если ни одна система голосования не может гарантированно соответствовать принципу уникальности и условиям, сформулированным Эрроу [15, 111], то, согласно Райкеру, так называемая простая теория воли народа, считающая, что сама по себе избирательная система агрегирует индивидуальные воли в волю народа, не соответствует действительности. Если ни одна избирательная система не удовлетворяет этим условиям, то тогда в принципе не может быть никакой уникальной воли народа. Во многих случаях мы будем иметь дело со многими волями народа, поскольку различные способы подсчета голосов будут выдавать различные решения.

Райкер не утверждал, что во всех случаях различные избирательные системы приводят к различным результатам в одинаковых профилях голосования, он говорил только о том, что одинаково разумные системы иногда приводят к различным результатам. Поэтому сторонник простой теории воли народа может по-прежнему утверждать, что в тех случаях, когда все правила соблюдаются и когда мы приходим к одному и тому же результату, появляется уникальная воля народа. Например, мы можем взять различные профили индивидуальных предпочтений и просчитать результаты, используя различные системы подсчета, и в тех случаях, когда все системы приводят к одному результату (и только тогда), мы получим волю народа. Таким образом, голосование иногда приводит к выявлению воли народа. Однако есть два возражения на это утверждение:

Во-первых, особенно сложно соответствовать принципу уникальности, когда разговор идет о всей избирательной системе целиком: очевидно, что законы о выборах имеют значительное влияние на результаты голосования [12].

Во-вторых, при голосовании применяют стратегическое поведение: люди «искажают» свои предпочтения, голосуя «против» своих истинных альтернатив. Голосуя, скажем, за третью альтернативу против второй, в надежде, что победит первая. Для примера давайте рассмотрим еще одну систему голосования, известную как подсчет Борда, или рейтинговое голосование. Подсчет Борда часто используют при избрании кандидатов на должность в современных университетах.

Согласно этому методу, результаты голосования выражаются в виде числа баллов, набранных каждым из кандидатов. Так, при выборах из n кандидатов каждый голосующий ранжирует всех кандидатов строго по убыванию предпочтения, за первое место по предпочтению кандидату присуждается n баллов, за второе – $n-1$ баллов и т. д., все набранные баллы кандидатами суммируются. Соответственно, победителем выборов считается кандидат, набравший наивысший суммарный балл.

Предположим, что у нас есть 10 голосующих и три кандидата, наивысшее число баллов будет 30 (по три балла от каждого голосующего), а самым низким баллом будет 10 (третье место от каждого выборщика). У нас есть три кандидата (1) Иван, (2) Анна и (3) Мария (они расположены в порядке убывания моего предпочтения). Однако у меня есть опасения, что Анна может обогнать Ивана; поэтому я буду голосовать так, чтобы максимизировать шансы Ивана: (1) Иван, (2) Мария и (3) Анна – такой расклад не соответствует моим реальным предпочтениям. Поскольку такое «стратегическое» голосование – частое явление и ни одна система с тремя кандидатами не может ему противостоять, мы никогда не будем уверены в том, что профиль голосования будет соответствовать профилю реальных предпочтений выборщиков.

Более того, те, кто разбираются в тонкостях принятия решений, могут манипулировать процессом (и делают это), чтобы достичь своих целей. Они неверно указывают свои предпочтения для того, чтобы намеренно выдать интранзитивные результаты (этот пример детально рассматривается в работе Райкера «Либерализм против популизма» [15], и в его работе «Искусство политической манипуляции» [16]). Следовательно, даже используя все возможные системы голосования, мы получим одинаковые результаты, мы все же не можем быть уверены, что имеем дело с истинной волей народа, основанной на реальных предпочтениях людей. Поэтому сложно утверждать, что результаты актуального голосования являются волей народа.

Усложненная теория воли народа

Однако Джулс Коулман и Джон Фэджон дают еще один ответ на критику, отстаиваемой ими теории воли народа. Согласно более сложному определению Руссо, голосование может свидетельствовать о том, что составляет общую волю, но само по себе этой волей не являться (как в простой теории воли народа). Для того чтобы лучше понять эту идею, нужно различать две разные функции:

Пусть $f(p)$ будет функцией, которая берет индивидуальные воли – иерархии предпочтений $\{p_1 \dots p_n\}$ – и объединяет их в общую волю или социальное предпочтение P .

Пусть $f(g)$ будет функцией, которая берет индивидуальные голоса $\{g_1 \dots g_n\}$, и трансформирует их в социальное решение, R .

Используя это различие, мы можем теперь лучше понять более сложную форму популизма, согласно которой голосование – это просто свидетельство воли народа, т.е. голоса рассматриваются в этой версии теории как свидетельство предпочтений выборщиков, а итоговый результат рассматривается как свидетельство истинной воли народа.

По-видимому, Руссо придерживался именно этой усложненной версии. Он никогда не утверждал, что народное голосование образует общую волю, а, напротив, говорил, что это разумный надежный способ определения воли народа. Райкер, таким образом, в своем исследовании демонстрирует, что функция голосования $f(g)$ – это несовершенный механизм, подверженный различным искажениям. Однако согласно усложненной версии теории воли народа, эта мысль не подрывает идеи Руссо, поскольку голосование понимается просто как несовершенная процедура определения общей воли. То, что различные системы голосования показывают различные результаты на одном профиле предпочтений, не говорит о том, что общая воля является чем-то смутным и неопределенным, а только о том, что интерпретация выборов часто ошибочна.

Однако при более внимательном рассмотрении становится понятным, что такой ответ не нейтрализует критику Райкера: его критика простой теории воли

народа может быть также разрушительна и для более сложных версий этой теории, согласно которым голосование – это простое свидетельство, а не сама народная воля. И хотя Райкер сосредоточивается в основном на процессе голосования, его позиция такова (или должна быть такой) – сама идея воли народа нелогична, поскольку, как доказал сам Райкер и Эрроу, не существует однозначной и разумной $f(p)$ – нет такой функции, которая позволила бы нам агрегировать различные индивидуальные воли в однозначную общую волю.

Если целью голосования является выработка представления о воле народа, но однозначной понятной воли не существует, тогда теория воли народа опять оказывается несостоятельной. Поскольку если нет однозначной воли народа, то и представление о ней совершенно не нужно. Райкер, очевидно, был прав, когда говорил, что «искать то, что мы, как нам известно а priori, не можем получить, все равно, что пытаться вывести квадратуру круга» [15, 3].

Итак, одной делиберации недостаточно для получения рациональных политических решений. Делиберация необходима, поскольку уменьшает «процедурные дефициты» [2, 27] и способствует формированию стабильного большинства путем снижения радикальности и эмоционализации предпочтений. Но тем не менее, она имеет свои недостатки, и сама по себе недостаточна для осуществления адекватной демократической процедуры. Делиберация может продолжаться бесконечно и должна прерываться голосованием, которое ставится в центр либеральными концепциями агрегативной демократии.

Одним из основных недостатков теорий «воли народа» и делиберативной демократии является допущение рациональности актора. Несмотря на то, что когнитивными психологами давно доказано рациональное невежество [1, 45] и плохая информированность избирателя, либеральными политическими теориями это обычно не принимается в расчет. Они предпочитают иметь дело с абстрактным идеальным субъектом. Поэтому демократия нас часто разочаровывает.

Однако демократию можно оправдать при помощи *минимального эпистемологического требования* – нет ни одного метода разрешения споров, который может быть признан, не подвергаясь разумной критике, эпистемологически лучшим в сравнении с демократией.

Библиографический список

1. Каплан Б. Миф о рациональном избирателе. Почему демократии выбирают плохую политику. М.: ИРИСЭН. 367 с.

2. *Каширских О. Н.* Политические предпочтения в контексте теории делиберативной демократии. Вестник Пермского университета. Серия Политология. № 1. 2012. С. 20–34.
3. *Руссо Ж.Ж.* Об общественном договоре. URL: <http://lib.ru/FILOSOF/RUSSO/prawo.txt> (дата обращения: 10.01.2014).
4. *Argyle M.* The Psychology of Interpersonal Behavior. The 3rd ed. Harmondsworth: Penguin, 1978. P. 211.
5. *Arrow K.J.* Social Choice and Individual Values. New York: Wiley, 1963. 2nd ed. P. 124.
6. *Christiano T.* The Significance of Public Deliberation / Deliberative Democracy: Essays on Reason and Politics. Cambridge, MA: MIT Press, 1997. PP. 243–277.
7. *Coleman J., Ferejohn J.* Democracy and Social Choice // Ethics. 1986. October. Vol. 97. PP. 6–25.
8. *Elster J.* The Market and the Forum // Deliberative Democracy: Essays on Reason and Politics. Cambridge, MA: MIT Press, 1997. PP. 3–33.
9. *Habermas J.* Between Facts and Norms. Cambridge, MA: MIT Press, 1996.
10. *Habermas J.* Popular Sovereignty as Procedure // Deliberative Democracy: Essays on Reason and Politics. Cambridge, MA: MIT Press, 1997. PP. 33–46.
11. *Padover S.K.* Thomas Jefferson on Democracy. Wildside Press, 2013.
12. *Lijphart A.* The Political Consequences of Electoral Laws, 1945–85 // American Political Science Review. 1990. June. Vol. 85 PP. 481–496.
13. *Misak Ch.* Truth, Politics, Morality: Pragmatism and Deliberation. London: Routledge, 2000.
14. *Storr A.* The Integrity of the Personality. Harmondsworth: Penguin, 1964.
15. *Riker W.* Liberalism Against Populism. Prospect Heights: Waveland Press, 1988.
16. *Riker W.* The Art of Political Manipulation. New Haven, CT: Yale University Press, 1986.

POLITICAL DEMOCRACY: PUBLIC RATIONALITY THROUGH AGGREGATION OF PREFERENCES

O.L. Granovskaya

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy,
Far Eastern Federal University

The article is aimed at exploring the procedures of forming public rationality that are accepted in the modern concept of aggregative democracy. The basic method is comparative analysis of different procedures of preferences aggregation and political decision-making. Aggregative democracy is studied in the context of deliberative

democracy. The conclusion is drawn that these ways of decision-making, when applied separately, are deficit procedures. However, their disadvantages can be partially compensated by applying both deliberation and voting.

Keywords: aggregative democracy; political preferences; popular will theory; political deliberation; political participation; decision-making procedures.

References:

1. *Caplan B.* The Myth of the Rational Voter. Why Democracies Choose Bad Policies M.: IRISEN. 367p. (In Rus.).
2. *Kashirskikh O.N.* Political Preferences in the Context of the Deliberative Democracy Theory// Perm University Herald. Political Sciences. 2012. № 1. P. 20-34. (In Rus.).
3. *Rousseau J.J.* The Social Contract. Available at: <http://lib.ru/FILOSOF/RUSSO/prawo.txt> (accessed: 10.01.2014). (In Rus.).
4. *Argyle M.* The Psychology of Interpersonal Behaviour, 3rd ed. Harmondsworth: Penguin, 1978. 211 p. (In English).
5. *Arrow K.J.* Social Choice and Individual Values, 2nd ed. N.Y.: Wiley, [1951] 1963. 124 p. (In English).
6. *Christiano T.* The Significance of Public Deliberation // Deliberative Democracy: Essays on Reason and Politics. P. 243–277. (In English).
7. *Coleman J., Ferejohn J.,* Democracy and Social Choice // Ethics. Vol. 97 (October 1986): 6–25. (In English).
8. *Elster J.* The Market and the Forum // Deliberative Democracy: Essays on Reason and Politics. Cambridge, MA: MIT Press, 1997. P. 3–33. (In English).
9. *Habermas J.* Between Facts and Norms. Cambridge, MA: MIT Press, 1996. (In English).
10. *Habermas J.* Popular Sovereignty as Procedure // Deliberative Democracy: Essays on Reason and Politics. Cambridge, MA: MIT Press, 1997. P. 33-46. (In English).
11. *Jefferson Th.* Thomas Jefferson on Democracy, Saul K. Padover (ed.) Wildside Press, 2013. (In English).
12. *Lijphart A.* The Political Consequences of Electoral Laws, 1945–85 // American Political Science Review. Vol. 85 (June 1990). P. 481–496. (In English).
13. *Misak Ch.* Truth, Politics, Morality: Pragmatism and Deliberation. London: Routledge, 2000. (In English).
14. *Storr A.* The Integrity of the Personality. Harmondsworth: Penguin, 1964. (In English).
15. *Riker W.* Liberalism Against Populism. Prospect Heights: Waveland Press, 1988. (In English).
16. *Riker W.* The Art of Political Manipulation. New Haven, CT: Yale University Press, 1986. (In English).

УДК-32

ФЕНОМЕН ИНДИВИДУАЛИЗМА В ДИСКУССИЯХ О СОЦИАЛЬНОМ КАПИТАЛЕ: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

Д.А. Давыдов¹

В статье рассматривается критика теории социального капитала как совокупности политизированных концептов. Показано, что в трудах последователей теории социального капитала разрабатываются этические концепции, осмысливающие упадок единства и индивидуализм. Рассматривается критика данных концепций. Критики отмечают непосредственную связь теории социального капитала с неолиберальной идеологией (представление об индивидах как инвесторах в социальный капитал). Они считают, что неолиберальный порядок разрывает социальные связи и способствует разобщенности. Более того, наиболее высокие показатели «социального капитала» (доверие) там, где государство способствует справедливому распределению материальных благ («шведский социализм»). Однако, по мнению автора, данные выводы не дают полного представления о кризисе индивидуализма. Необходимо также помнить, что индивидуализм и отчуждение есть во многом результат роста материального благополучия. Иными словами, государство всеобщего благосостояния может способствовать размыванию других важнейших форм «социального капитала», помимо доверия.

Ключевые слова: теория социального капитала; индивидуализация; капитализм; государство всеобщего благосостояния.

Индивидуализм – одна из актуальных проблем современного западного общества. Данная проблема имеет комплексный характер и затрагивает такие темы, как глобализация, поздний капитализм, общество потребления, общество рисков, постполитика, постмодерн и т.д. За отправную точку настоящей статьи взято утверждение о том, что индивидуализм и превращение общества в совокупность индифферентных индивидов есть нечто негативное, а следовательно, необходим поиск возможных решений данной проблемы. Здесь, разумеется, не обходится без

* Статья подготовлена в рамках работы по гранту РГНФ № 15-33-11231 «Идеологические регуляторы в обеспечении общественного согласия и национальной безопасности в Российской Федерации: возможности и риски».

¹ Давыдов Дмитрий Александрович – младший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, Екатеринбург. Email: davydovdmityy90@gmail.com.

© Давыдов Д.А., 2015

идеологических дискуссий. Политика закрадывается даже туда, где её не ожидают увидеть. Одним из ярких примеров политизированных дискуссий в русле проблематики индивидуализации является полемика между последователями теории социального капитала и её критиками.

С конца 80-х гг. прошлого века наблюдается рост популярности теории социального капитала. Сопоставимым по популярности термином в политических науках является, разве что, «глобализация». Во многом данная популярность обусловлена неолиберализмом – идеологией, восхваляющей независимого экономического агента как инвестора в разные формы капитала.

В поле зрения теоретиков социального капитала попадает проблематика постепенного разрушения оснований, связывающих индивидов в единое целое, что ведет к одиночеству и отчуждению. В этом смысле последователи теории социального капитала занимаются поиском решений некоторых актуальных проблем современного общества в целом и капитализма в частности (не выходя, собственно, за пределы капиталистической логики).

Под социальным капиталом понимают обширный спектр социальных и политических феноменов: от семейных ценностей, доверия, обязательств до коллективных норм и гражданской инициативности. Предполагается, что социальная связанность, доверие, нормы облегчают взаимодействие индивидов, способствуя их кооперации и сотрудничеству [2; 4].

Тем не менее, теорию социального капитала многие критики оценивают негативно за политическую ангажированность её авторов. Их обвиняют в лицемерии и маскировании проблем «реального капитала». Особого внимания заслуживает представление теоретиков социального капитала об индивидах как накопителях разных форм капитала, чья конкурентная борьба за ресурсы способствует как раз разобщённости и фрагментации общества.

Критики теории социального капитала отмечают, что термин «социальный капитал» популяризируется для отвода глаз, в то время как реальный (вернее – финансовый) капитал постепенно опустошает кошельки среднего класса. Данная критика звучит, как правило, от противников неолиберализма и, соответственно, сторонников идеи государства всеобщего благосостояния. Они же доказывают, что наивысшие показатели «социального капитала» наблюдаются там, где об этих показателях заботится государство, проводящее политику справедливого перераспределения материальных благ.

В настоящей статье мы бы хотели несколько расширить предметное поле данной полемики. Обращение к концепту государства всеобщего благосостояния мало что даст в деле решения проблемы индивидуализма, ибо сама эта проблема обусловлена нематериальными факторами. Необходим совершенно другой подход, отрицающий как неолиберализм (в замаскированной форме теории социаль-

ного капитала), так и классическую социал-демократию, заикленную на проблемах материального благосостояния среднестатистического гражданина.

Теория социального капитала в политических дискуссиях: проблема индивидуализации

Некоторые авторы [21] считают, что теория социального капитала как нормативная концепция, анализирующая состояние современного общества, развивает ряд мыслей, изложенных в трудах американских теоретиков массового общества [10; 14; 19]. Д. Белл в 1962 г. излагает их следующим образом:

«Революционные изменения в транспорте и коммуникациях заставляют людей теснее контактировать друг с другом...; разделение труда делает их взаимозависимыми; потрясения в одной части общества влияют на другую часть. Но, несмотря на данную взаимозависимость, люди выглядят более отчужденными друг от друга. Старые семейные связи или связи с локальным сообществом оказались разрушенными; давние приходские верования оказались под вопросом, а их место заняло некоторое количество унифицирующих ценностей. Кроме того, возвышенные стандарты интеллектуальных элит более не определяют вкусы и образы. В результате нравы и мораль оказываются в постоянном потоке изменений, а взаимоотношения между индивидами становятся скорее разобщенными, чем органичными.

<...> несмотря на фиксированный и известный статус, символизированный одеждой или званиями, каждый индивид принимает многочисленные роли и постоянно вынужден доказывать их в череде новых ситуаций. <...> Из-за всего этого индивид теряет связанное ощущение идентичности.

<...> это побуждает индивидов искать какую-то новую веру и надежду. Легче всего этот вакуум заполняется харизматичным лидером, секулярным мессией, который дарует всем необходимую благодать и чувство полноты. Этот лидер оказывается заменителем тех старых объединяющих верований и убеждений, которые массовое общество уничтожает» [10, 193].

Иными словами, теоретики массового общества рассуждают о «социальном обеднении» общества, которое становится атомизированным и не имеющим каких-то общих для всех целей. В сущности, теория социального капитала повествует о том же, но с чисто утилитаристских позиций. Теоретиков социального капитала беспокоит не столько моральный вакуум (как нечто само по себе неблагоприятное), отсутствие цели или опасность перехода к диктатуре, сколько негативные экономические эффекты и последствия индивидуализации.

Так, Р. Патнэм анализирует снижение уровня политического участия, доверия граждан друг к другу и политическим институтам, а также снижение количе-

ства и численности добровольных ассоциаций в США [17]. Данные компоненты составляют костяк социального капитала. В его теории особую значимость для американской нации играют разного рода религиозные группы, профсоюзы, женские организации, родительские ассоциации (в школах), спортивные клубы, профессиональные сообщества и т.д. Он говорит, что именно такие ассоциации «гражданской вовлеченности укрепляют нормы общественной взаимности и способствуют социальному доверию..., содействуют координации и коммуникации...» [17, 67]. Данные объединения якобы приводят в движение американскую демократию, способствуют лучшей работе политических институтов, а это верный шаг на пути к экономическому процветанию¹.

Социальный капитал, согласно Патнэму, является важнейшим ресурсом конкурентной борьбы. Здоровая конкуренция, свойственная рыночной экономике, побуждает людей объединяться ради достижения каких-то общих целей. При этом Патнэм не особо углубляется в психологию. Для него мотивы представителей Красного Креста мало чем отличаются от мотивов друзей, мило общающихся в кегельбане. Для Патнэма важен сам факт взаимодействия, даже если индивиды в данный момент являются на самом деле альтруистами и не думают о возможных выгодах.

Но где здесь тогда капитал? Т. Подер справедливо замечает, что существует как минимум два других способа формирования того, что Патнэм называет социальным капиталом, помимо рациональных инвестиций:

«Первая причина может заключаться в объединяющей силе общих ценностей и их направленности на достижение каких-то публичных целей – причина, объясняющая существование многочисленных некоммерческих организаций. Вторая причина имеет психологическую природу. Даже если индивид стремится к самореализации посредством поиска выгодных отличий от окружающих, он все равно нуждается в них, чтобы выстроить собственную идентичность как гармоничный баланс социальных начал» [16, 354].

Похожую картину мы наблюдаем у другого теоретика, затрагивающего проблему индивидуализации – Ф. Фукуямы. В своих исследованиях [8; 9] Фукуяма ищет связи между такими феноменами, как преступность, эмансипация, семья и доверие. Собственно говоря, в США с 1965 г. множество важных социальных показателей начинает снижаться вслед за растрачиванием социального капитала – размыванием устоев, традиционных ценностей и норм, формировавшихся столетиями. Распад нуклеарной семьи, рост количества разводов, эмансипация женщин и культ свободы отдельного индивида приводят к снижению уровня рождаемости,

¹ Этот тезис Патнэм пытается доказать, исследуя регионы Италии. См.: Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996.

что само по себе связано с рядом негативных экономических последствий вроде нехватки рабочей силы и повышения пенсионного возраста. Кроме того, дети в неполных семьях испытывают дефицит любви и заботы, семья теряет воспитательную функцию [8]. В индивидуализированном обществе нехватка заботы, традиционных ценностей и традиционной морали, отсутствие социальной поддержки порождают преступность, которая, в свою очередь, уничтожает зачатки доверия в обществе.

В отличие от Патнэма, Фукуяма признает, что недостаток социального капитала во многом обусловлен капиталистической экономикой, требующей постоянных изменений, под которые подстраиваются конкурирующие друг с другом индивиды. Но как и Патнэм, Фукуяма не считает кризис нехватки социального капитала системным. По его мнению, это некий побочный продукт перестройки общества. Оно и неудивительно, ведь речь идет о социальном *капитале*. Если то, что объединяет людей, является источником материальных благ, то индивиды рано или поздно решат наверстать упущенное и инвестировать в это [8, 347–348]. Пусть старые нормы и ценности не работают, зато появятся новые, более гибкие и подвижные, то есть адаптированные к реалиям сетевого общества.

Здесь Фукуяма допускает некоторое лукавство со своей стороны. Сначала он говорит, что социальный капитал есть ничто без должного морального фундамента, нравственной стороны социальных отношений [8, 252]. Эта нравственная сторона будто бы нередко вступает в конфликт с рациональным и эгоистичным началом, сдерживая его разрушительные порывы. Однако затем Фукуяма отходит от своих запутанных схем и обращается к одному лишь *homo-economicus* («человеку экономическому»). Завершает он свою книгу на оптимистичной ноте: нас будто бы ждет период восстановления социального капитала, ведь наличие социального капитала желательно для рациональных индивидов, работающих над своими бизнес-проектами. Возможно, это действительно так. Рациональные индивиды, действительно, нередко заинтересованы во взаимовыгодном сотрудничестве. Но не забыл ли Фукуяма в конце своей книги о «нравственной стороне» вопроса?

Критика теории социального капитала

Критике исследований Р. Патнэма посвящены десятки исследований. Как было сказано выше, Патнэм рассматривает социальный капитал как ресурс здоровой конкуренции. В этом смысле идеал Патнэма – это «коммунитаристская» модель социального обустройства США 50–60-х гг. прошлого века. Патнэм, как в принципе и Фукуяма, рассматривает социальный капитал как нечто сформированное вне государства и, что примечательно, без посредничества государства. Кроме того, социальный капитал способствует экономическому развитию постольку, по-

скольку формирует отдельное от государства пространство доверительных отношений и кооперации. Некоторые исследователи связывают популяризацию термина «социальный капитал» с неолиберальной волной, набравшей полный ход в конце 1980-х гг. [12].

Тем не менее, чем популярней теория социального капитала становилась, тем большее количество вопросов возникало у её критиков. Прежде всего, дальнейшие эмпирические исследования показали, что показатели доверия выше там, где социальная политика государства обеспечивает каждому некоторый минимум материальных благ, заботясь о равенстве и справедливости. В топ стран с самым высоким показателем доверия попадают скандинавские страны с их социал-демократической политикой («шведский социализм») [11; 15]. Таким образом, снижение показателей доверия в США может быть объяснимо побочными эффектами неолиберальной системы, в которой восхваляемая Патнэмом конкурентная борьба приводит к колоссальному разрыву в материальном благополучии между наиболее бедными и наиболее богатыми.

Далее становится очевидным противоречие между социальным капиталом и реальным капиталом (физическим или финансовым). А если это так, то кажется странным утверждение Патнэма о том, что социальную сплочённость и гражданскую солидарность можно восстановить в условиях неолиберального порядка. Вот как комментирует теорию Патнэма один из его критиков В. Новарро:

«... отсутствие единства может быть обусловлено как раз неолиберальной конкуренцией и её побочными эффектами отчуждения и фрагментации гражданского самосознания. Я считаю, что понимание отчуждения и разрушения гражданственности как прямого следствия капиталистической конкуренции и капиталистических отношений даже не входит в теоретический сценарий Патнэма, что удивительно. Если бы он допустил это, то увидел бы явное противоречие между его стремлением к сплочённости и его защитой рыночной экономики и конкуренции. Сплочённость могла бы быть достигнута не за счет расширения капитализма во все сферы жизни, а за счет противоположного: в расширении “антикапиталистических” отношений. То, что Патнэм не замечает очевидных противоречий между его призывом к развитию капитализма и его желанием достичь более сплочённого состояния, говорит о сильном укоренении в США капиталистической идеологии, затмевающей рассудок» [13, 427].

Небезынтересные мысли излагают по этому поводу С. Смит и Дж. Кулинич, согласно которым социальный капитал является совокупностью идеологизированных концептов, представляющих современный капитализм в выгодном свете:

«Это определено одна из самых больших ироний современной социальной мысли. Появляется всё больше и больше деловой и академической литературы, посвящённой социальным проблемам в терминах социального капитала, в то вре-

мя как глобальный капитализм приводит к росту неравенства в доходах и благосостоянии. Такая точка зрения полагает, что все участники могут достичь капитала, правда несколько другой формы, и что якобы соответствующие «инвестиции» в социальный капитал компенсируют растущую разницу в доходах или финансовом капитале» [18, 167].

Похожую мысль мы замечаем у Д. Томпсона, по мнению которого теоретики социального капитала слепы к реальным противоречиям современного капиталистического общества [20].

Кроме того, по мнению Смита и Кулинича, теория социального капитала искажает идею подлинной демократии. «...настоящее демократическое участие, - пишут Смит и Кулинич, - качественно отличается от рыночных транзакций, а настоящие политические дискуссии не есть одно и то же, что социальная или какая-либо другая форма стратегической коммуникации. Делиберативная и партиципаторная версии демократии нуждаются в соответствующей атмосфере и совокупности установок, когда индивиды рассматривают своё участие в политике как мотивирование поиском лучших решений публичных проблем» [18, 168].

Является ли государство всеобщего благосостояния панацеей от индивидуализма?

Рассмотренные выше замечания, на наш взгляд, заставляют усомниться в корректности теории социального капитала. Однако и в самой этой критике есть ряд моментов, к которым могут возникнуть вопросы, по крайней мере, относительно проблематики индивидуализма.

Критики теории социального капитала апеллируют, как правило, к концепту государства всеобщего благосостояния. Кроме того, критиками рассматривается, в основном, материальная сторона проблематики (вопросы справедливого распределения материальных благ). Возможно, материальное равенство приводит к росту доверия. Но является ли доверие основным компонентом «социального капитала»? Или же доверие – это просто-напросто показатель надёжности и безопасности социальной среды, в то время как индивиды остаются сосредоточенными на своём приватном мире потребителями?

На наш взгляд, не стоит забывать эмоциональную сторону социальных отношений, выраженную устойчивыми взаимоотношениями и взаимным альтруизмом. Эти вещи размываются не столько капитализмом, сколько *ростом материального благосостояния*, который затем перетекает в товарный фетишизм, замкнутость и эмансипаторский культ личных свобод, даже если эти свободы в действительности представляют собой выбор из навязанных кем-то альтернатив. Неспроста У. Бек, один из первых авторов, затронувших проблематику индивидуали-

зации, считает индивидуализм порождением современной эпохи, переживающей колоссальный рост материального благополучия. Как он пишет, «на фоне относительно высокого материального уровня жизни и развитой системы социальных гарантий..., индивиды освобождаются от классово окрашенных отношений и форм жизнеобеспечения в семье и начинают в большей мере зависеть от самих себя» [1, 106].

Вернемся к скандинавским странам (Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия). Относительно недавние исследования показывают, что богатые скандинавские страны с их социал-демократическим укладом обладают самой устойчивой тенденцией к индивидуализации. Да, материальное благополучие способствует росту доверия индивидов друг к другу и политическим институтам, но одновременно наблюдается переход к изолированному существованию. В этом скандинавские страны опередили даже США с их культом индивидуального успеха. Сегодня свыше 40% домохозяйств в скандинавских странах состоит из одного человека [7, 16].

В отечественной публицистике можно найти и такие язвительные замечания:

«...в европейских странах с самым высоким уровнем жизни (в той же Швеции) наблюдается наиболее вопиющая деградация. Довольные мещане неспешно прожигают жизнь, заводя семьи лет в сорок. Сытые люди, привыкшие за полвека валять дурака, охотно играют в подоброщенные леваками постмодернистские побрякушки – чайлдфри, ЛГБТ, унисекс. Между тем происходит физическое вымирание коренных европейцев. Социалисты начала XX века съели бы с горя на завтрак томик “Капитала”, если бы узнали, что через сто лет их последователи озабочены, главным образом, правами трансгендеров и фригидных бездетных феминисток вместо развития производства, технологического роста, совершенствования фабрично-заводской жизни» [6].

В другом месте [3] мы также отметили, что размыванию социальных норм и ценностей способствует культивирование расчетливой и эгоистичной субъектности. Такая субъектность слепа к идее альтруистичной самоотверженности или даже самопожертвования на благо коллектива. Можем ли мы со стопроцентной уверенностью сказать, что эта субъектность есть атрибут одного лишь капитализма? Или же речь идет о чем-то свойственном тем обществам, в которых материальное благополучие возведено в культ, а деидеологизация и опреснение «жизненного мира» вынуждают индивидов искать утешения в непрерывном потоке удовольствий?

Разумеется, идея государства всеобщего благосостояния – это только оболочка, внутри которой можно расположить всё, что угодно. Старая марксистская идея гласит, что индивидам для того, чтобы достичь духовного просветления, не-

обходим минимум материальных благ, благодаря которым можно было бы обеспечить достойную жизнь. Заполучив минимальные материальные возможности, индивиды непременно устремятся к духовным вершинам пирамиды Маслоу. Это побудит в них потребность быть частью общественного целого, оставаясь одновременно самодостаточными личностями.

Однако можно представить и альтернативный сценарий. Государство всеобщего благосостояния обеспечивает всем необходимый минимум благ. Это позволяет индивидам не работать, либо выполнять работу, требующую незначительных усилий. Вместо реальной самореализации, которая невозможна без бесконечных творческих поисков, люди начинают тешить себя ложными нарциссическими иллюзиями. Неспроста основную причину упадка сплоченности известный психолог Д. Твенж видит в нарциссизме современных индивидов (поколение миллениума), которые все больше внимания уделяют своей «тонкой натуре» и «неповторимой личности». Это поколение, чье воспитание проходило под лозунгами «верь в себя», «найди свое подлинное “Я”», «следуй за своей мечтой». Культура нарциссизма несёт в себе безграничное себялюбие. В действительности такая культура остаётся карикатурной версией «эмансипаторского» индивидуализма 60 - х гг. Это индивидуализм «без высшей цели», от которого осталась банальная нарциссическая оболочка. Однако убеждённость в «особенности» нередко сталкивается с суровыми реалиями. По мнению Твенж, современные молодые люди витают в облаках и устремлены к звёздам, в то время как им становится сложнее поступить в колледж или найти хорошую работу [22; 23].

На наш взгляд, имеющаяся полемика вокруг теории социального капитала может создать иллюзию, будто бы весь наблюдаемый кризис, связанный с индивидуализмом есть порождение капитализма, и будто бы данный кризис необходимо преодолевать, борясь с неравенством, вливая крупные суммы в социальную политику, в общем – поддерживая старую идею государства всеобщего благосостояния. На наш взгляд, если не учесть какие-то другие важные моменты, такая политика ни к чему не приведёт, а возможно только усугубит проблему. В этом смысле «левые» критики теории социального капитала смотрят не туда, куда следовало бы, и прибегают к нерелевантным аргументам. Основная проблема теории социального капитала не в том, что она является частью капиталистического мировидения, а в том, что её авторы апеллируют к материальным преимуществам, говоря о феноменах, которые разрушаются этими преимуществами.

Каков же возможный выход из «порочного круга», в котором ни социальный капитал, ни государство всеобщего благосостояния не являются панацеей?

Необходимо, на наш взгляд, говорить о решительной перестановке акцентов в самой идее государства всеобщего благосостояния. Конечными целями государственной политики, направленной на преодоление дефицита «социального капи-

тала», должны быть не столько справедливость и, собственно, узколюбое благосостояние, сколько *личностное самосовершенствование*.

Здесь можно привести в пример популярную ныне в российской публицистике идею «духовных скреп» (тоже иногда рассматривающихся в качестве социального капитала) как неких нравственных устоев, свойственных «русскому миру» и противопоставленных западному образу жизни. Однако реализация этой идеи в условиях либеральной олигархии наталкивается на, мягко говоря, противоречивую реальность. Разумеется, нужны существенные перемены. В обществе, о котором говорим мы, государство улучшает жизнь людей отнюдь не через необоснованный рост зарплат (воспитывающий рентные, иждивенческие и потребительские установки), а путем развития тех отраслей, которые нацелены на воспитание и развитие полноценной здоровой личности. Это, прежде всего, образование, наука, здравоохранение, культурные учреждения и всё то, что способствует развитию творческих потенциалов человека. Необходима переоценка приоритетов – человек должен иметь комфортное пространство для личностного роста, *взаимодействия и коммуникации* с другими людьми. Всё остальное – то есть уровень *индивидуального* потребления – необходимо отнести к второстепенным вопросам. При этом важно, чтобы у данной идеи были какие-то объективные предпосылки в общественном сознании. Если правительство как главный пропагандист искренне не заинтересовано в данной идее и рассматривает её скорее как предмет для инвестиций в *собственный* «социальный капитал», то велик шанс срыва покровов и скорейшего разочарования.

Библиографический список

1. Бек У. Общество риска на пути к другому модерну. М., 2000.
2. Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т.3. №5. С. 60–74.
3. Давыдов Д. А. Теория социального капитала и ее нормативные противоречия // Политика. 2014. №3.
4. Коулмен Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. №3.
5. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996.
6. Песоцкий А. Шведский социализм. Размывание труда // Эхо Москвы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/pesotskiy/1155862-echo/> (дата обращения: 10.02.2015).
7. Кляйнберг Э. Жизнь соло. Новая социальная реальность. М.: Альпина нон-фикшн, 2014.

8. Фукуяма Ф. Великий разрыв. М.: АСТ: Ермак, 2004.
9. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели на пути к процветанию. М.: АСТ: Ермак, 2004..
10. Bell D. America as a Mass Society // Bell D. (eds) The End of Ideology. New York: Collier Books, 1962.
11. Ferragina E. A. Social Capital in Europe: A Comparative Regional Analysis. Cheltenham: Edward Elgar, 2002.
12. Fine B. Theories of Social Capital: Researchers Behaving Badly. London: Pluto Press, 2010.
13. Navarro V. A Critique of Social Capital // International Journal of Health Services. Vol. 32. № 3. 2002.
14. Nisbet R. A. The Quest for Community. New York: Oxford University Press, 1966; Stein M. R. The Eclipse of Community: an Interpretation of American Studies. Princeton: Princeton University Press, 1960.
15. Oorschot van W., Arts W. The Social Capital of Welfare State: The Crowding Out Hypothesis Revisited // Journal of European Social Policy. 2005. № 15.
16. Poder T. G. What is Really Social Capital? A Critical Review // The American Sociologist. 2011. Vol. 32. № 3.
17. Putnam R.D. Bowling Alone: America's Declining Social Capital // Journal of Democracy. 1995. Vol. 6. №1.
18. Smith S.S., Kulynych J. It May Be Social, but Why It Is Capital? The Social Construction of Social Capital and the Politics of Language // Politics & Society. 2002. Vol. 30. №. 1.
19. Stein M. R. The Eclipse of Community: an Interpretation of American Studies. Princeton: Prince-ton University Press, 1960.
20. Thompson D. Social Capital and Its Popularity // International Journal of Social Inquiry. 2011. Vol. 4. №. 1.
21. Thomson I. T. The Theory That Won't Die: From Mass Society to the Decline of Social Capital // Sociological Forum. 2005. Vol. 20. № 3.
22. Twenge J.M., Campbell K.W. The Narcissism Epidemic: Living in the Age of Entitlement. New York: Atria Books, 2010.
23. Twenge J.M. Generation Me – Revised and Updated: Why today's Young American Are More Confident, Assertive, Entitled – and More Miserable Than Ever Before. New York: Simon & Schuster, 2014.

INDIVIDUALISM IN WRITINGS OF SOCIAL CAPITAL THEORY FOLLOWERS: IDEOLOGICAL ASPECT

D.A. Davydov

Junior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian
Academy of Sciences

The article considers some scepticism about social capital theory as a set of politicized concepts. It is shown that some ethical concepts concerning individualism and the decline of unity are developed in writings of social capital theory followers. The author considers criticism of these concepts. Critics point out the direct connection between social capital theory and neo-liberal ideology (the idea of the individual as an investor in social capital). They believe that neo-liberal order breaks social links and promotes fragmentation. They also show that the highest rates of “social capital” (trust) are observed in the countries where the state contributes to equitable distribution of wealth (“Swedish socialism”). However, according to the author these findings do not provide a complete picture of the crisis of individualism. It should be remembered that individualism and alienation are also the result of material well-being growth. In other words, the welfare state can contribute to erosion of other important forms of “social capital”, besides trust.

Keywords: social capital theory; individualization; capitalism; welfare state.

References:

1. *Beck U.* Risk Society: Towards a New Modernity. Moscow, 2000. (In Rus.).
2. *Bourdieu P.* The Forms of Capital // *Economic Sociology*. 2002. Vol. 3. № 5. (In Rus.).
3. *Davydov D. A.* Social Capital Theory and Its Normative Controversies // *Politeia*. 2014. №3. (In Rus.).
4. *Coleman J.S.* Social and Human Capital // *Social Sciences and Modernity*. 2001. № 3. (In Rus.).
5. *Putnam R.D.* Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Moscow: Ad Marginem, 1996. (In Rus.).
6. *Pesotskiy A.* Swedish Socialism. Erosion of Labour // *Echo Moskvyy*. Available at: <http://www.echo.msk.ru/blog/pesotskiy/1155862-echo/> (accessed: 10.02.2015). (In Rus.).

7. *Klinenberg E.* Going Solo: The new social reality. Moscow: Alpina non-fikshn Publ., 2014. (In Rus.).
8. *Fukuyama F.* Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. Moscow: AST: Ermak Publ., 2004. (In Rus.).
9. *Fukuyama F.* The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order. Moscow: AST: Ermak Publ., 2004. (In Rus.).
10. *Bell D.* America as a Mass Society // Bell D. (ed) The End of Ideology. New York: Collier Books, 1962. (In English).
11. *Ferragina E. A.* Social Capital in Europe: A Comparative Regional Analysis. Cheltenham: Edward Elgar, 2002. (In English).
12. *Fine B.* Theories of Social Capital: Researchers Behaving Badly. London: Pluto Press, 2010. (In English).
13. *Navarro V.* A Critique of Social Capital // International Journal of Health Services. Vol. 32. № 3. 2002. (In English).
14. *Nisbet R. A.* The Quest for Community. New York: Oxford University Press, 1966; *Stein M. R.* The Eclipse of Community: an Interpretation of American Studies. Princeton: Princeton University Press, 1960. (In English).
15. *Oorschot van W., Arts W.* The Social Capital of Welfare State: The Crowding Out Hypothesis Revisited // Journal of European Social Policy. 2005. № 15. (In English).
16. *Poder T. G.* What is Really Social Capital? A Critical Review // The American Sociologist. 2011. Vol. 32. № 3. (In English).
17. *Putnam R.D.* Bowling Alone: America's Declining Social Capital // Journal of Democracy. 1995. Vol. 6. №1. (In English).
18. *Smith S.S., Kulynych J.* It May Be Social, but Why Is It Capital? The Social Construction of Social Capital and the Politics of Language // Politics & Society. 2002. Vol. 30. №. 1. (In English).
19. *Stein M. R.* The Eclipse of Community: an Interpretation of American Studies. Princeton: Princeton University Press, 1960. (In English).
20. *Thompson D.* Social Capital and Its Popularity // International Journal of Social Inquiry. 2011. Vol. 4. №. 1. (In English).
21. *Thomson I. T.* The Theory That Won't Die: From Mass Society to the Decline of Social Capital // Sociological Forum. 2005. Vol. 20. № 3. (In English).
22. *Twenge J.M., Campbell K.W.* The Narcissism Epidemic: Living in the Age of Entitlement. New York: Atria Books, 2010. (In English).
23. *Twenge J.M.* Generation Me – Revised and Updated: Why today's Young American Are More Confident, Assertive, Entitled – and More Miserable Than Ever Before. New York: Simon & Schuster, 2014. (In English).

Этнополитические процессы в современном мире

УДК-323:353(470+571)

ПРАКТИКИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ВЛАСТНЫХ ПОЗИЦИЙ В РОССИЙСКИХ «НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИКАХ»: ПРОБЛЕМА МЕЖЭТНИЧЕСКОГО БАЛАНСА*

П.В. Панов, Е.Ю. Филиппова¹

В условиях, когда общество этнически сегментировано, при распределении властных позиций возникает проблема обеспечения и поддержания баланса в межэтнических отношениях. Сравнительный анализ практик распределения ключевых властных позиций в российских «национальных республиках» подтверждает, что в большинстве из них, особенно в регионах с этнически гетерогенным составом населения, этнический фактор воспринимается в обществе как политически значимый. Вместе с тем, степень институционализации, а также способы и механизмы учета этничности при распределении ключевых властных позиций существенно различаются. Российская практика свидетельствует, что поддержание этнического баланса не имеет простых и универсальных решений, а требует взвешенности, гибкости и респонсивности.

Ключевые слова: этнические автономии; этническая сегментация; распределение властных позиций; межэтнический баланс.

В условиях политизации этничности / этнизации политики, характерной для современного мира [5; 9; 14; 20; 23], на первый план в этнополитических исследованиях выходит проблема поиска путей и способов предотвращения, регулирования и преодоления этнополитических конфликтов. Один из наиболее авторитетных подходов к решению этого вопроса связан с консоциативной теорией А. Лейпхарта [7]. Хотя изначально эта теория разрабатывалась для обществ, ха-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №15-18-00034).

¹ Панов Петр Вячеславович – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета. E-mail: panov.petr@gmail.com.

Филиппова Евгения Юрьевна – студентка Пермского государственного национального исследовательского университета. E-mail: eugenia_philippova@mail.ru.

© Панов П.В., Филиппова Е.Ю., 2015

рактизирующихся сильными политико-идеологическими размежеваниями (divided societies), очень скоро она была обращена, в том числе самим автором, на те случаи, когда размежевания основаны на этнических различиях¹. Согласно консociативной теории, в условиях, когда общество этнически сегментировано, оптимальным способом сохранения его целостности является политическое признание групповых различий и предоставление этническим сегментам гарантированной возможности участия в осуществлении власти. В соответствии с этим предлагается модель организации власти power-sharing [2] – такое институциональное устройство, которое предполагает «участие представителей всех значимых групп в принятии политических решений» [21, 39].

В модели power-sharing выделяются два измерения – «правительственное» (governmental) и «территориальное» (territorial) [19]. Если первое связано с организацией центральной власти, то есть с участием этнических сегментов в правительственной коалиции, второе относится к организации публичной власти по «вертикали» и предполагает предоставление этническим сегментам территориальной автономии. Публично-правовой статус таких территориальных образований может быть различным, в силу чего для их обозначения используется разная терминология – этнические территориальные автономии (ЭТА), этнические регионы, этнические автономные регионы, национально-территориальные автономии и т.д. Этнические автономии как административно-территориальные единицы (АТЕ) имеют собственные органы власти, обладают значительной степенью самостоятельности в определенных сферах политики (например, в сфере образования, культуры)² и имеют «привязку» к соответствующей этнической группе (группам)³.

В таком понимании к ЭТА относятся как этнические автономные регионы в унитарных государствах (Шотландия, Каталония, Сардиния и многие др.), так и этнические субъекты федераций (Бельгия, Квебек в Канаде, отдельные штаты Ин-

¹ Понимание этничности в данной работе основывается на веберовской традиции, которая наиболее широко представлена в этнополитических исследованиях [См., например: 24, 7; 20, 17-18; 14, 55 и т.д.] – как субъективное ощущение принадлежности к группе, которое основывается на представлении об общем происхождении («common descent», «common origin»). Основания для такого представления могут быть самые разные – не только язык, но и религия, цвет кожи и т.д.

² Характерный признак ЭТА – ее «особый статус» по сравнению с другими АТЕ аналогичного уровня. Иначе говоря, имеет место асимметричность в отношениях между центром и АТЕ. Исключением из этого правила являются немногочисленные симметричные этнические федерации (Бельгия, Босния и Герцеговина, Эфиопия) [16].

³ Такая «привязка» отнюдь не обязательно осуществляется через использование в наименовании автономии этнонима. Немало случаев, когда название ЭТА не содержит этноним (Аландские острова), и, наоборот, территориальная автономия с этнонимом в названии может быть этнической лишь номинально [1].

дии и т.д.). В этом же ряду оказываются «национальные республики» Российской Федерации. Несмотря на то, что в строго юридическом смысле они не имеют статуса национально-территориальных автономий (поскольку все субъекты РФ по Конституции равны), фактически они соответствуют указанным выше критериям этнических территориальных автономий, так как обладают некоторыми «особыми» полномочиями (могут принимать собственные конституции, устанавливать государственные языки и т.д.).

Во многих случаях предоставление этнической группе территориальной автономии оказывается вполне достаточно для регулирования этнополитических проблем⁴, и тогда модель power-sharing на правительственном уровне оказывается неактуальной. Вместе с тем, специфика национально-территориальной автономии, в отличие от культурно-национальной, заключается в том, что ее субъектом является территориальное образование, а значит, в рамках территории этнической региональной автономии проживают не только представители так называемой «титულიной» этнической группы, с которой «связывается» региональная автономия, но и другие этнические группы⁵. Если население ЭТА этнически гетерогенно, и «нетитульные» группы составляют существенную долю, весьма вероятно, что распределение властных должностей на уровне автономии будет восприниматься в этнических терминах⁶. «Перекося» в ту или иную сторону в такой ситуации может интерпретироваться как дискриминация, ущемление прав и т.п. Иными словами, в этих условиях приобретает значение проблема поддержания межэтнического баланса при формировании органов власти и распределения ключевых должностей⁷.

⁴ Следует, однако, заметить, что эффективность ЭТА как способа разрешения этнополитических конфликтов весьма неоднозначна. Как показывает мировой опыт, если в одних случаях предоставление этнической группе региональной автономии умиротворяет конфликт (Фарерские острова в Дании, Ачех в Индонезии, Читтагонг в Бангладеш), то в других оно ведет к эскалации конфликта (Южный Судан, Косово и т.д.).

⁵ Конфигурация этнической структуры населения автономии при этом может варьироваться от абсолютного численного доминирования «титულიной» этнической группы до ситуации, когда эта группа находится в абсолютном меньшинстве.

⁶ В тех случаях, когда «титულიная» этническая группа территориально локализована, сконцентрирована на территории ЭТА и составляет подавляющее большинство населения, замещение властных позиций представителями «титულიной» группы скорее всего будет восприниматься как «норма» и не вызовет конфликтов, разумеется, при условии, что это большинство не проводит дискриминационную политику по отношению к меньшинствам.

⁷ Возможна ситуация, когда проблема распределения властных позиций в регионе, который обозначается как этническая автономия, вообще не воспринимается в этнических категориях, то есть этничность не имеет политического значения. Но это, на наш взгляд, и свидетельствует о том, что этноним сам по себе не является существенным признаком ЭТА, и такие случаи можно лишь номинально отнести к этническим автономиям.

По оценкам С. Вольфа, этническая гетерогенность становится политически значимой, если доля «нетитульной группы» превышает 10% [25, 38]. В такого рода ситуациях, по его мнению, наиболее адекватной моделью организации власти является «complex power-sharing» [25, 29]. Иначе говоря, предоставление этнической группе территориальной автономии (territorial power-sharing) должно сопровождаться установлением институциональных механизмов типа governmental power-sharing на суб-национальном уровне. Классическими примерами в данном случае являются Южный Тироль в Италии, Северная Ирландия в Великобритании [22; 26], где знаменитое Соглашение Страстной Пятницы (1998 г.) остановило многолетний кровопролитный конфликт между католиками и протестантами.

Конкретные механизмы реализации правительственной power-sharing – как на национальном, так и на субнациональном уровне – разумеется, могут быть самыми разными. В парламентских системах с пропорциональным представительством самая типичная практика – хорошо описанная А. Лейпхартом «большая коалиция». В президентских системах более важным оказывается закрепление ключевых властных позиций за представителями определенных этнических сегментов. Так, в Ливане конституционно установлено, что президентом страны должен быть христианин–маронит, премьер-министром – суннит, председателем парламента – шиит. Другие варианты – установление для сегментов квот в общем количестве позиций или принцип ротации при замещении значимых властных позиций. В Боснии и Герцеговине, например, на должности председателя правительства каждые восемь месяцев сменяют друг друга представители одной из трех этнических групп (сербы, хорваты, мусульмане).

Кроме того, различаться могут и способы институционального закрепления power-sharing. В большинстве случаев это делается конституционно либо через некие формальные соглашения между этническими сегментами. Мы, однако, исходим из того, что возможна «неформальная институционализация», когда более или менее устойчивые практики возникают вследствие неких договоренностей (конвенций), которым политические акторы следуют в реальности. Именно это, строго говоря, и позволяет рассматривать сквозь призму концепции power-sharing практики распределения властных позиций в российских «национальных республиках». Здесь нормативно-правовое регулирование распределения власти между этническими сегментами отсутствует⁸, однако, как показывают результаты некоторых исследований, на практике этничность нередко учитывается при замещении ключевых должностей [подробнее см.: 8; 12; 13; 17].

⁸ В некоторых случаях можно говорить лишь о косвенном регулировании, когда закон требует знания государственного языка для замещения некоторых властных позиций.

Целью данной работы является сравнительный анализ практик распределения ключевых властных позиций в российских «национальных республиках» под углом зрения концепции power-sharing и обеспечения баланса в межэтнических отношениях. Исследование позволит определить, в каких случаях эта проблема актуальна, где и насколько эта практика институционализирована, а также какие механизмы при этом используются.

* * *

Выявить те случаи, где проблема обеспечения баланса в межэтнических отношениях при распределении властных должностей может иметь значение, позволяет обращение к этнонациональной структуре населения российских «национальных республик». Как показывают данные Всероссийской переписи населения 2010 г., они существенно различаются в этом отношении. С точки зрения степени гетерогенности и конфигурации доли «титульной» этнической группы и русского населения можно выделить несколько вариантов:

1. Республики с явным доминированием «титульного» населения – фактически, моноэтнические (доля «титульного» населения более 80%): Ингушетия, Тыва, Чечня.
2. Республики с явным доминированием русского населения – фактически, моноэтнические (доля русского населения более 80%): Карелия, Хакасия.
3. Республики, в которых русские явно преобладают в составе населения (доля русского населения от 50 до 65%): Адыгея, Алтай, Бурятия, Коми, Удмуртия.
4. Республики, в которых «титульная» группа явно преобладает в составе населения (доля «титульного» населения от 50 до 65%): Калмыкия, Саха (Якутия), Северная Осетия-Алания, Татарстан, Чувашия.
5. Республики, в которых наблюдается примерное равенство русского и «титульного» населения: Марий Эл, Мордовия.
6. Республики с полиэтнической структурой населения: Башкортостан, Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика. Здесь выделяется несколько (более двух) крупных этнических сегментов, причем ни один из них не является большинством населения (исключение: кабардинцы в Кабардино-Балкарской Республике).

Высокая степень этнической гомогенности в республиках, относящихся к первому и второму вариантам, не способствует этнополитической сегментации. Соответственно, проблема обеспечения межэтнического баланса при распределении властных позиций в этих республиках не актуальна. В остальных вариантах, напротив, в силу гетерогенного этнического состава населения при замещении властных должностей этничность может приобретать значение.

Чтобы проверить это предположение, был проведён анализ практик замещения высших властных позиций в российских «национальных республиках» под углом зрения учета этничности на протяжении всего постсоветского периода (1991–2015 гг.). К высшим должностям были отнесены позиции высшего должностного лица (главы) республики, председателя парламента и председателя правительства. Эмпирическую базу для анализа составили официальные биографии должностных лиц, а также экспертные материалы.

Всего за 15 лет указанные должности в российских «национальных республиках» занимали 216 человек. Из них 68 обозначаются в официальных биографиях как русские. 141 человек можно отнести к представителям «титulyных» национальностей.

- Глава республики – 61 человек, из них 44 «титulyных», 16 русских.
- Председатель парламента – 84 человека, из них 54 «титulyных», 30 русских.
- Председатель правительства – 71 человек, из них 43 «титulyных», 22 русских.

Соотношение между русскими и «титulyными» существенно отличается как в кроссрегиональном измерении, так и между должностными позициями. Вместе с тем, очевидно, что количественные показатели сами по себе мало о чем говорят. Какие-либо выводы об учете этничности при распределении высших должностей в республиках можно делать лишь при условии, если имеет место устойчивая тенденция замещения той или иной должности (или распределения должностей) представителем определенной этнической группы. Кроме того, обнаруженные на основе анализа официальных данных тенденции должны подтверждаться экспертными оценками, поскольку, в конечном счете, «неформальная институционализация» распределения властных позиций между этническими сегментами основывается на конвенциональном восприятии. Иначе говоря, об институционализации можно говорить только тогда, когда замещение властных позиций осмысливается в обществе (и элитными группами, и в массовом сознании) в этнических категориях, когда этничность воспринимается как значимая при занятии лицом той или иной должности. Именно в этих условиях становится актуальной проблема баланса в межэтнических отношениях, и распределение властных позиций может оказывать влияние на поддержание / нарушение этого баланса.

Проведенный под этим углом зрения анализ практик замещения высших государственных должностей в российских «национальных республиках» под углом зрения этничности позволил выявить несколько моделей:

1. Русские явно преобладают в составе населения и устойчиво занимают позицию высшего должностного лица, а представители «титulyной» национальности устойчиво занимают «второстепенные» позиции (председатель парламента / председатель правительства).

Этой модели соответствуют практики замещения высших республиканских должностей на Алтае и в Бурятии. Так, в Бурятии русские явно преобладают в составе населения (доля русского населения – 64,9%, доля бурятского населения – 29,5%). Еще в советское время руководителем республики (первым секретарем обкома КПСС, а затем председателем Верховного Совета) был Л.В. Потапов (русский), который в 1994 г. был избран первым президентом республики. Позднее он неоднократно переизбирался на должность, в третий раз выиграв у своего ближайшего конкурента Б.Т. Семёнова (этнического бурята) с результатом 68%. В принципе, результаты голосования на выборах 2002 г. очень точно соотносятся с этнонациональной структурой населения республики. Можно предположить, что большинство представителей русского населения Бурятии голосовали за русского кандидата и обеспечили ему победу в первом туре с абсолютным преимуществом, в то время как буряты обеспечить победу своему представителю не смогли в силу численности своего этнического сегмента в республике.

К моменту окончания третьего срока полномочий Л.В. Потапова выборы глав субъектов РФ были отменены. Пришедший к власти в 2007 г. В.В. Наговицын был не выбран населением, а предложен Президентом Российской Федерации и утвержден в должности Народным Хуралом Республики Бурятия. Хотя в официальной биографии Наговицына указано, что он удмурт, в Бурятии он, очевидно, воспринимается как представитель «нетитульного» населения. Тот факт, что именно его кандидатура была предложена федеральным центром, позволяет предполагать, что к 2007 г. практика занятия главной республиканской должности представителем «нетитульного» населения воспринималась в Бурятии как нормальное явление.

Вместе с тем, «второстепенную» должность председателя парламента с 1994 г. по настоящее время стабильно занимают представители-буряты: М.И. Семёнов (1994–2002), А.Г. Лубсанов (2002–2007) и М.М. Гершевич (2007–2015). В Республике Бурятия, таким образом, ключевые государственные должности замещаются в соответствии с этнонациональной структурой населения. По мнению специалистов, эта практика устойчиво воспроизводится с советских времен, несмотря на некоторый подъем бурятского национального движения в 1990-е гг., оно имело «ограниченное влияние на органы власти и управления для лоббирования своих этнонациональных проектов» [18, 340]. Вместе с тем, стабильное нахождение бурят на «второстепенной» должности председателя парламента позволяет говорить о том, что межэтнический баланс в республике поддерживается.

2. «Титульная» этническая группа явно преобладает в составе населения, и ее представители устойчиво занимают позицию высшего должностного лица, а русские устойчиво занимают «второстепенные» позиции (председатель парламента / председатель правительства).

Эта модель обнаруживается в нескольких республиках: Калмыкия, Северная Осетия-Алания, Татарстан, Чувашия. В качестве иллюстрации приведем Калмыкию. Этнонациональный состав в данной республике характеризуется наличием двух основных по численности этнических групп: калмыков (57,4%) и русских (32,2%). Хотя в советское время первые должности в Калмыкии не были «закреплены» за представителями «титულიной» группы (первыми секретарями обкома партии были и калмыки, и русские), в постсоветский период сложилась устойчивая практика замещения позиции главы республики калмыками. Почти 20 лет республику возглавлял избранный впервые в 1993 г. К.Н. Илюмжинов – яркий политический лидер, известный далеко за пределами республики. В 2010 г. его сменил А.М. Орлов, которого есть все основания рассматривать в качестве преемника. Из четырёх председателей парламента трое были этническими калмыками (последовательно с 1994 по 2008 гг.: К.Н. Максимов, В.А. Бембетов, И.В. Кичиков). С 2008 г. по настоящее время эту должность занимает русский – А.В. Козачко.

Экспертные оценки также подтверждают, что Калмыкия – это тот случай, когда «первые» должности закреплены за калмыками, «второстепенные» – за русскими. Например, И.Х. Улинова отмечает, что в советский период в республике существовало негласное политическое правило: «Если первый секретарь – калмык, то второй обязательно русский, и наоборот» [15, 243]. Высокая степень неформальной институционализации практик распределения ключевых властных позиций между калмыками и русскими позволяет поддерживать баланс в межнациональных отношениях.

3. В полиэтнических республиках высшие должности устойчиво распределяются между представителями всех основных этнических сегментов.

К этой категории относятся, в первую очередь, три полиэтнические кавказские республики: Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия и Дагестан (примечательно, что в двух первых полиэтничный характер зафиксирован в наименовании). Вместе с тем, особенно интересно, что «схемы» распределения ключевых государственных должностей здесь сложились разные. Так, в Кабардино-Балкарии по негласной договоренности между элитными группами главой субъекта является кабардинец, главой правительства – русский, главой парламента – балкарец.

Подобная практика утвердилась и в Карачаево-Черкесии, где более сложная этнонациональная структура населения. Карачаевцы здесь составляют 41%, русские – 31,6%, черкесы – 11,9%, абазинцы – 7,8%, ногайцы – 3,3%. На протяжении всех 1990-х гг. в КЧР была непростая этнополитическая ситуация, а в 1999 г., когда впервые были проведены выборы главы республики, это вылилось в открытое противостояние [11]. Поддержка основных этнических сегментов на выборах распределилась между карачаевцем В.М. Семёновым и черкесом С. Деревым. Когда во втором туре победил Семёнов, Дерев отказался признавать результаты выбо-

ров. Черкесы, а также абазинцы, требовали либо аннулирования результатов выборов, либо выхода Черкесского национального округа из состава республики. Конфликт разрешился в ходе длительных политических переговоров, в результате которых сторонам удалось договориться о том, что позицию главы республики занимает карачаевец, вице-президентом является русский (после ликвидации этой должности русские занимают пост председателя парламента), а должность главы правительства «резервируется» за представителями черкесской общины.

В соответствии с этой схемой происходит замещение ключевых политических позиций. Так, на выборах главы республики в 2003 г. ни черкесы, ни русские не выдвигали своего кандидата, в качестве оппонента инкумбенту выступил карачаевец М.А. Батдыев, выигравший выборы (при этом Батдыева поддержали черкесы, недовольные политикой Семёнова). Следующие два лидера республики, фактически назначенные из Центра (после отмены выборов) – Б.С. Эбзеев и Р. Темрезов – также являются карачаевцами. Должность председателя парламента трижды замещалась русскими (И.В. Иванов, 1995–1999 гг., С.А. Смородин, 2004–2009 гг., А.И. Иванов, 2009 г. и 2010-н.в.), по одному разу – ногойцем (Д.Ю. Суюнов, 1999–2004 гг.) и черкесом (З.Х. Докшов, 2009–2010 гг.). Председателями правительства КЧР в течение 1990–2000-х гг. 6 раз были черкесы, по одному разу – русский и грек. При этом важно отметить, что черкесы стабильно и фактически без перерывов (кроме перерыва на 2008–2011 гг., когда председателем правительства был грек В.Г. Кайшев) занимают эту должность, начиная с 2000 г.

Примечательно, что попытка поломать эту систему, предпринятая в 2008 г. Б. Эбзеевым, противником распределения должностей по этническому признаку, нарушила баланс в межэтнических отношениях. Назначив главой правительства грека, Эбзеев по сути нарушил неформальные договоренности, и черкесы почувствовали себя ущемленным, несмотря на то, что им был отдан пост председателя парламента. В значительной мере обострение в межэтнических отношениях привело к тому, что уже в 2011 г., до истечения срока полномочий, Эбзеев был заменен на Темрезова, который восстановил сложившуюся практику, в частности, «вернул» черкесам контроль над правительством.

Самый яркий пример неформальной институционализации распределения властных позиций по этническому принципу дает Дагестан, где этническая сегментация, пожалуй, самая высокая из всех субъектов РФ. К наиболее многочисленным этническим группам относятся аварцы (29,4% населения), за ними следуют даргинцы – 17%, кумыки составляют 14,9% от населения республики, лезгины – 13,3% (доля русских составляет всего 3,6%).

В целях поддержания баланса в межэтнических отношениях еще в 1990-е гг. на выборах в региональный парламент здесь использовалось формально (законодательно) установленное квотирование по этническому принципу – уникальный

для постсоветской России случай. Голосование проходило в многомандатных округах, и большая часть мандатов была закреплена за представителями определенных этнических групп. Кроме того, в республике отсутствовала позиция высшего должностного лица, «коллективным» органом исполнительной власти был Государственный совет, в состав которого входили 14 представителей «титульных» национальностей республики [10].

Унификация системы органов власти субъектов РФ, а также электоральная реформа 2003 г., которая обязала субъекты РФ ввести пропорциональный принцип на выборах в региональные парламенты, вынудила Дагестан отказаться от оригинальной системы организации власти и от практики квотирования, ввести должность высшего должностного лица. Тем не менее, по факту распределение властных позиций между этническими сегментами продолжается на конвенциональной основе. Квотирование депутатских мандатов между этническими группами производится теперь неформально при формировании партийных списков на выборах в региональный парламент, а введение в 2006 г. единоличной должности главы республики не мешает республиканским элитам распределять ключевые властные позиции по этническому признаку.

Так, в 2006 г. главой республики стал аварец М.Г. Алиев. Пост председателя парламента занял даргинец (М.М. Магомедов с 2006 по 2007 гг. и М.В. Сулейманов с 2007 по 2010 гг.), а главой правительства был кумык (Ш.М. Зайналов).

В 2010 г. высшее руководство сменилось, на должность главы республики был выдвинут даргинец М.М. Магомедов, председателем парламента стал кумык (М-С.Б. Магомедов), а аварец (М.И. Абдулаев) занял должность председателя правительства.

Последняя смена руководства произошла в 2013 г, когда главой республики стал аварец Р.Г. Абдулатипов. Даргинцы в этой ситуации получили под контроль правительство (А.М. Гамидов), пост председателя парламента остался у кумыков (Х.И. Шихсаидов).

Таким образом, в Дагестане мы видим иную по сравнению с КБР и КЧР схему распределения высших должностей по этническому принципу, когда за этническими сегментами резервируются не определенные позиции, а гарантия представительства в общем перечне ключевых властных позиций. Тем не менее, позиция высшего должностного лица стабильно замещается представителями одной из двух основных этнических групп – аварцы и даргинцы.

Подводя итог описанию трех моделей замещения высших государственных должностей в российских «национальных республиках» под углом зрения этничности, необходимо еще раз обозначить, что, во-первых, данные модели, укладываемаясь в логику концепции power-sharing, позволяют обеспечивать баланс в межэтнических отношениях, и, во-вторых, распределение властных позиций между этни-

ческими сегментами соответствует этнонациональной структуре населения республики.

Вместе с тем, анализ выявил два случая достаточно устойчивых практик учета этничности при распределении властных позиций, но идущие вразрез с этнонациональной структурой населения.

Первый случай – Республика Адыгея, в которой русские явно преобладают в составе населения (доля русского населения – 63,6%, доля адыгского населения – 25,8%), однако не занимают ключевых политических позиций в органах власти. Напротив, на протяжении постсоветского периода в Адыгее сложилась устойчивая практика, когда первым лицом в республике является адыг. В эту тенденцию вписываются все 3 высших руководителя: А.А. Джаримов с 1992 по 2002 гг., Х.М. Совмен с 2002 по 2006 гг. и А.К. Тхакушинов с 2006 г. по н.в. Второстепенные же должности (председатель парламента и председатель правительства) время от времени занимают представители русского населения, но нельзя сказать, что они «закреплены» за ними. Так, из 8 председателей парламента в 1991–2015 гг. русскими были четверо, из 6 глав правительства – двое (все остальные – адыги).

Вероятно, такое положение дел связано с тем, что адыгское этнонациональное движение играет важную политическую роль на протяжении всего постсоветского периода. Его «голос» имеет значение для республиканских властей, даже несмотря на преобладание русских в составе населения. Адыги обладают общей консолидирующей идеей (историческая память о геноциде адыгов в период Кавказской войны), и они активно используют ее в качестве инструмента «давления» на федеральную власть. Например, «Адыгэ-Хасэ» использовал ее, протестуя против предполагавшегося в 2000-х гг. объединения республики с Краснодарским краем. В результате этот проект был свернут [6]. Наконец, не стоит забывать и о том, что Адыгея относится к регионам Северного Кавказа, по отношению к которому федеральная власть по известным причинам должна проводить «особую» политику, в том числе согласованную с «титовыми» этническими группами.

Второй случай несоответствия этнонациональной структуры населения и схемы рекрутирования ключевых властных позиций – это Республика Башкортостан. Регион относится к полиэтническим, причем население сегментировано на три приблизительно равные группы: башкиры – 29,5, татары – 25,4 и русские – 36,1%. Но в отличие от похожих северокавказских случаев, здесь сложилась и достаточно устойчиво воспроизводится иная модель учета этничности при распределении высших должностей: башкиры стабильно занимают должность главы республики (с 1993 по 2010 гг. – М.Г. Рахимов, с 2010 г. по н.в. – Р.З. Хамитов), а русские стабильно находятся на позиции председателя парламента (М.А. Зайцев с 1995 по 1999 гг. и К.Б. Толкачев с 1999 г. по н.в.).

Таким образом, во-первых, главная республиканская должность (главы республики) закреплена, вопреки преобладанию русских в составе населения, за башкирами. Во-вторых, нетрудно заметить также, что татары на ключевых властных позициях не представлены. По мнению И.М. Габдрафикова, высшее руководство республики оказывает серьезное влияние на этнический аспект рекрутирования должностей [4]. С целью монополизировать это влияние используется и башкирское этнонациональное движение. В свое время это позволило Рахимову, с одной стороны, взять его под контроль, а с другой – разыгрывать этнонациональную карту в отношениях с федеральным центром, доказывая, что лишь он способен сохранить стабильность в республике, и получать от центра различные преференции, в том числе возможность проводить этно-ориентированную кадровую политику.

Объяснений тому, почему татары не представлены на высших властных позициях в Башкортостане, также несколько. Во-первых, представляется важным фиксация того, что Башкортостан как «национальная республика» имеет «привязку» только к башкирам, а у татар есть «своя» «национальная республика» – Татарстан. Во-вторых, значимую роль здесь играет фактор сложных, напряженных межэтнических отношений башкир и татар [4]. Это напряжение проявляется и в конфликте между башкирским и татарским этнонациональными движениями в Башкортостане [3]. Можно предположить, что важную роль для воспроизводства доминирования на ключевых позициях башкир играет русский сегмент, который по ряду причин (в том числе и потому, что русские все же занимают некоторые властные позиции) не склонен вступать в коалицию с татарским сегментом. Это позволяет поддерживать некий баланс, хотя достаточно сложный и проблематичный.

В нескольких российских «национальных республиках» не сложилось устойчивых практик распределения властных позиций с учетом этничности. К ним относятся 5 случаев – Коми, Марий Эл, Мордовия, Саха (Якутия) и Удмуртия.

Например, в Республике Саха (Якутия) только одна должность (председатель парламента) стабильно замещается якутами на протяжении всего постсоветского периода (от Е.М. Ларионова и А.П. Илларионова в 1993 г. до А.Н. Жиркова в настоящее время). Две другие позиции – главы республики и председателя правительства – в разное время занимали как якуты, так и русские. В Республике Удмуртия должность главы республики на протяжении постсоветского периода занимали русский А.А. Волков (с момента учреждения должности в 2000 г. по 2014 г.) и наполовину удмурт А.В. Соловьёв (с 2014 г. по н.в.). До 2000 г. А.А. Волков был председателем парламента, затем его сменил удмурт И.Н. Семёнов, в 2007 г. на этой позиции оказался А.В. Соловьёв, а после его назначения главой республики пост председателя парламента занял удмурт В.П. Невоструев. Должность председателя правительства в Удмуртии занимали представители са-

мых разных этнических групп: удмурт (1995–1999 гг.), белорус (2000–2014 гг.) и татарин (2014 г. – н.в.).

Несмотря на то, что устойчивости в распределении высших властных позиций между этническими группами в этих республиках не прослеживается, это не означает, что этничность не имеет никакого значения. Так, по экспертным оценкам, и для населения, и для республиканских элит Удмуртии представляется значимым, чтобы хотя бы одна из высших позиций была занята удмуртом. Скорее, следует говорить о том, что это происходит более сложным путем, без институционализации данных практик.

* * *

Таким образом, сравнительный анализ российских «национальных республик» подтверждает, что в большинстве из них, особенно в регионах с этнически гетерогенным составом населения, этнический фактор воспринимается в обществе как политически значимый при распределении ключевых властных позиций. Вследствие этого проблема поддержания межэтнического баланса при замещении властных должностей оказывается достаточно актуальной.

Вместе с тем, способы и механизмы учета этничности при распределении ключевых властных позиций существенно различаются. В полиэтнических республиках Северного Кавказа, где общество достаточно четко сегментировано по этническому признаку, произошла неформальная (на основе конвенций) институционализация практик распределения властных позиций по этническому признаку. Фактически она соответствует модели power-sharing, когда распределение ключевых должностей производится в соответствии с этнической структурой общества, и это позволяет поддерживать баланс в межэтнических отношениях. Механизмы учета этничности варьируются: в одних случаях определенные должности закрепляются за конкретным сегментом, в других за каждым значимым сегментом резервируется представительство в общем перечне ключевых властных позиций.

В большинстве российских «национальных республик» этническая сегментация выражена не столь явно, однако во многих из них практика замещения представителями «титულიной» этнической группы «высшей» (если эта этническая группа преобладает в составе населения) или «второстепенной» (если большинство населения составляют русские) властной позиции воспроизводится достаточно устойчиво. В ряде случаев подобное закрепление идет вразрез с этнической структурой региона. Но даже в тех случаях, когда какой-то устойчивости не обнаруживается, этнический фактор воспринимается как значимый и, так или иначе, учитывается при замещении властных должностей. Такое восприятие, однако, не следу-

ет рассматривать как абсолютную данность. Напротив, оно всегда в той или иной мере оспаривается, а также меняется в зависимости от социально-политического контекста и применительно к конкретной должности. Вследствие этого поддержание этнического баланса не имеет простых и универсальных решений, а требует взвешенности, гибкости и респонсивности.

Библиографический список

1. *Азанова И.В.* Этническая территориальная автономия: проблемы концептуализации // Вестник Пермского университета. Серия Политология. 2013. № 4. С.50–60.
2. *Вавилина Е.А.* Модель power-sharing как инструмент урегулирования этнополитических конфликтов // Вестник Пермского университета. Серия Политология. 2015. №1. С. 93–109.
3. *Воробьев Д.В., Грушкин Д.В.* Идея национальной государственности и проблемы этнической дискриминации в республике Башкортостан. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memo.ru/hr/discrim/bashkir/> (дата обращения: 13.06.15).
4. *Габдрафиков И.М.* Этнические и общегражданские аспекты национальной политики в республиках современной России // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М.: МОНФ, 2001.
5. *Дробизева Л.М.* Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М.: Новый хронограф, 2013.
6. *Казенин К.* «Тихие» конфликты на Северном Кавказе: Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия. М.: REGNUM, 2009. 180 с.
7. *Лейпхарт А.* Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М.: Аспект Пресс, 1997.
8. *Литвинова Т.Н.* Формирование российской национальной идентичности в условиях этнического разнообразия // Вестник Пермского университета. Серия Политология. 2012. №3. С. 67–74.
9. *Малинова О.Ю.* Гражданство и политизация культурных различий // Полис. 2004. № 5.
10. *Маркедонов С.* Дагестан: от Магомедова к Алиеву. [Электронный ресурс]. URL: <http://politcom.ru/2247.html> (дата обращения: 13.06.15).
11. *Музаев Т.* Выборы Главы Карачаево-Черкесии: от политического противостояния к межнациональному конфликту. [Электронный ресурс]. URL: <http://igpi.ru/monitoring/1047645476/1999/0599/9.html> (дата обращения: 13.06.15).

12. *Подвинцев О.Б.* Разделение должностей по национальному принципу в системах управления российских регионов // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2012. Вып.12. С. 375–378.
13. *Сидоренко А.* Политическая власть в этнических регионах // Федерализм и этническое разнообразие в России / под ред. И. Бусыгиной и А. Хайнеманн-Грюдера. М.: РОССПЭН, 2010. С. 94–111.
14. *Тишков В.А., Шабает Ю.П.* Этнополитология: политические функции этничности. М.: Изд-во МГУ, 2011.
15. *Улинова И.Х.* Этническое представительство в административной корпоративности и его роль в калмыцком обществе // Вестник ТГПУ. 2011. №12. С. 241–245.
16. *Фарукишин М.Х.* Этничность и федерализм. Казань, 2013.
17. *Федорченко С.Н.* Проблема квотирования в российской государственной кадровой политике // Национальная безопасность: научное и государственное управленческое содержание: материалы Всероссийской научной конференции. М.: Научный эксперт, 2010.
18. *Хамутаев В.А.* Бурятское национальное движение. 1980–2000-е гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 384 с.
19. *Cederman L.-E. et al.* Territorial Autonomy in the Shadow of Conflict: Too Little, Too Late? // American Political Science Review. 2015. Vol. 109. №2. P. 354–370.
20. *Horowitz D.* Ethnic groups in conflict. University of California Press, 1985.
21. *Lijphart A.* The wave of power-sharing democracy // The architecture of democracy: constitutional design, conflict management, and democracy / A. Reynolds (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2002.
22. *O’Leary B.* The Belfast Agreement and the British-Irish Agreement. Oxford, N.Y.: Oxford University Press. 2008.
23. *Schraml C.* The dilemma of Recognition. Experienced Reality of Ethnicised Politics in Rwanda and Burundi. Springer, 2012.
24. *Wimmer A.* Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks. Oxford: Oxford University Press, 2013.
25. *Wolff S.* Complex Power-sharing and the Centrality of Territorial Self-governance in Contemporary Conflict Settlements // Ethnopolitics. 2009. Vol. 8. № 1. P. 27–454.
26. *Wolff S.* The institutional structure of regional consociations in Brussels, Northern Ireland, and South Tyrol // Nationalism and Ethnic Politics. 2004. Vol. 10. №3. P. 387–414.

PRACTICES OF ALLOCATING OFFICES IN RUSSIAN “NATIONAL REPUBLICS”: THE ISSUES OF THE INTER-ETHNIC BALANCE

P.V. Panov

Professor, Department of Political Science, Perm State University

E.Yu. Filippova

Student, Political Science Programme, Perm State University

The problem of securing a balance in inter-ethnic relations arises in societies with high ethnic segmentation. Comparative analysis of practices of allocating the key offices in Russian ‘national republics’ confirms that the ethnic factor is perceived as politically relevant and significant in most of them. At the same time, the degree of institutionalization, as well as the mechanisms of the influence of ethnicity on the power allocation, differs to a great extent. Russian experience argues that there are no simple solutions to the problem of inter-ethnic balance maintenance. It requires prudence, flexibility, and responsiveness.

Keywords: ethnic autonomies; ethnic segmentation; allocation of offices; inter-ethnic balance.

References:

1. *Azanova I.V.* The Ethnic Territorial Autonomy: Conceptual Issues // Perm University Herald. Series: Political Science. 2013. №4. P. 50-60. (In Rus.).
2. *Vavilina E.A.* Power-sharing as an Instrument for Ethno-Political Conflicts Settlement // Perm University Herald. Series: Political Science. 2015. №1. P. 93-109. (In Rus.).
3. *Vorobiev D., Grushkin D.* The Idea of National Statehood and the Problems of Ethnic Discrimination in Bashkortostan Available at: <http://www.memo.ru/hr/discrim/bashkir/> (In Rus.).
4. *Gabdrafikov I.* The Ethnic and Civil Aspects of National Policy in Russian Republics // The Space of Power: The Russian Historical Experience and Contemporary Challenges. Moscow: MONF, 2001. (In Rus.).
5. *Drobizheva L.* The Ethnicity in Social and Political Space of Russia. Moscow: Novyi Chronograf, 2013. (In Rus.).
6. *Kazenin K.* The “Silent” Conflicts in the Northern Caucasus. Moscow: REGNUM, 2009. (In Rus.).
7. *Lijphart A.* Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration. Moscow: Aspekt-Press, 1997. (In Rus.).

8. *Litvinova T.N.* The Construction of Russian National Identity under the Conditions of Ethnic Diversity // Perm University Herald. Series: Political Science. 2012. №3. P. 67-74. (In Rus.).
9. *Malinova O.* Citizenship and Politicization of Cultural Differences // Polis. Political Studies. 2004. № 5. P.7-18. (In Rus.).
10. *Markedonov S.* Dagestan: From Magomedov to Aliev. Available at: <http://politcom.ru/2247.html> (In Rus.).
11. *Muzaev T.* Elections of the Head of Karachay-Cherkessia: from Political Opposition to Inter-ethnic Conflict. Available at: <http://igpi.ru/monitoring/1047645476/1999/0599/9.html> (In Rus.).
12. *Podvintsev O.* Allocation of Offices According to the Principle of Nationalities in Governance Systems of Russian Regions: Current Stage // Annual Review of the Institute of Philosophy and Law. 2012. Iss. 12. P. 375-378. (In Rus.).
13. *Sidorenko A.* Politics in Ethnic Regions // Federalism and Ethnic Diversity in Russia. Moscow: ROSSPEN, 2010. P. 94-111. (In Rus.).
14. *Tishkov V., Shabaev Yu.* Ethnopolitology: The Political Functions of Ethnicity. Moscow, Moscow State Univ. Publ., 2011. (In Rus.).
15. *Ulinova I.* The Ethnic Representation in Administrative Corporatism and its Role in Kalmyk Society // Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2011. №12. P. 241-245. (In Rus.).
16. *Farukhshin M.* Ethnicity and Federalism. Kazan: The Centerefor Innovative Technology Publ., 2013. (In Rus.).
17. *Fedorchenko S.* The Issue of Quotation in Russian Politics // National Security. Moscow: Nauchnyy Ekspert, 2010. (In Rus.).
18. *Khamutaev B.* Buryat National Movement in 1980-2000. Ulan-Ude, 2005. 384p. (In Rus.).
19. *Cederman L.-E. et al.* Territorial Autonomy in the Shadow of Conflict: Too Little, Too Late? // American Political Science Review. 2015. Vol. 109. №2. P. 354-370. (In English).
20. *Horowitz D.* Ethnic groups in conflict. University of California Press, 1985. (In English).
21. *Lijphart A.* The wave of power-sharing democracy // The architecture of democracy: constitutional design, conflict management, and democracy / A. Reynolds (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2002. (In English).
22. *O'Leary B.* The Belfast Agreement and the British-Irish Agreement. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 2008. (In English).
23. *Schraml C.* The dilemma of Recognition. Experienced Reality of Ethnicised Politics in Rwanda and Burundi. Springer, 2012. (In English).

24. *Wimmer A.* Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks. Oxford: Oxford University Press, 2013. (In English).
25. *Wolff S.* Complex Power-sharing and the Centrality of Territorial Self-governance in Contemporary Conflict Settlements // *Ethnopolitics*. 2009. Vol. 8. № 1. P. 27–454. (In English).
26. *Wolff S.* The institutional structure of regional consociations in Brussels, Northern Ireland, and South Tyrol // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2004. Vol. 10. №3. P. 387-414. (In English).

УДК-32

НАЦИОНАЛИЗМ И РЕВОЛЮЦИЯ: СЛУЧАЙ ИРЛАНДИИ*

*А.В. Кузнецова*¹

В статье анализируются различные этапы совместного развития и взаимовлияния национализма и революции на примере Ирландии. С момента своего зарождения ирландский национализм развивается в обход общеевропейских тенденций, уникальным образом соединяя революционные и консервативные ценности. Автор приходит к выводу, что особенности сочетания национализма и революции в Ирландии объясняются парадоксом колониальной зависимости.

Ключевые слова: ирландский национализм; революционный национализм.

Национализм и революция – два феномена, взаимосвязь и взаимовлияние которых отмечается многими исследователями. Тем не менее их сочетание по-прежнему вызывает вопросы, поскольку является далеко не однозначным и не повсеместным.

С момента своего возникновения и начала совместного развития, национализм и революция сходятся и расходятся, подобно партнерам в традиционном ирландском танце кейли, имея возможность потанцевать со всеми, но никому не обещая танец отдельно. В первом «туре» национализм и революция тесно связаны и определяют взаимное развитие. Этот этап взаимодействия феноменов начинается со времени Великой Французской революции, перед идеологами которой остро стояла задача определения понятия «нация». Но и сам национализм дает импульс развитию революции, и на протяжении XVIII–XIX вв. революционное движение в Европе становится практической реализацией идеологии национализма. Как отмечает Э. Смит, национализм «красной линией проходит через всю новейшую историю ... следом за ним идут протест и революция» [3, 19].

Однако уже в следующем «туре» национализм и революция расходятся, и революционная идеология становится подчеркнуто интернациональной. Так, революции середины XIX в. отличаются от Великой Французской революции постепенным отказом умеренных либеральных сил от революционных методов борьбы. По мнению Э. Хобсбаума, именно последствия революции, продемонстрированные якобинским режимом и стали причиной отказа буржуазии от ре-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-03-00223).

¹ Кузнецова Александра Витальевна – старший преподаватель кафедры социальной и политической конфликтологии, Казанского национального исследовательского технологического университета. Email: akuznets@alumni.nd.edu.

© Кузнецова А.В., 2015

волюционных методов [11, 62]. Кроме того, меняются условия, в которых проходит национальное строительство. Пролетариат становится серьезной социальной силой и обретает собственных лидеров, разрабатывающих идеи революционного интернационализма. К. Маркс окончательно «разводит» революцию с национализмом, заявив в «Манифесте коммунистической партии, что «рабочие не имеют отечества» [14, 61]. Способствуют «разводу» и «охранительные» национализмы, сформулированные династическими государствами в ответ революционно-националистическим движениям и приравнивающие революцию к предательству национальных идей. Таким образом, к концу XX в. в результате радикального разведения феноменов в идеологиях революционного интернационализма и «охранительного» национализма, кажется, что революция и национализм становятся непримиримыми врагами.

Тем не менее, в начале XX в. национализм и революция вновь притягиваются друг к другу. Новая попытка синтеза значительно отличается от предыдущей и выражается в концепции «консервативной революции». Характерным примером данного этапа взаимодействия становится развитие этой концепции в Германии после Первой мировой войны. Несмотря на то, что идеи «консервативной революции» имели ряд общих черт с «охранительным» национализмом, таких как «ностальгия по прошлому и попытка перенесения исторических образов в будущее» [4, 121], негативное отношение националистов к революции меняется. Освоив терминологию собственных противников, «консервативная революция» вновь объединяет национализм и революцию [1].

На протяжении XX в. синтез национализма и революции продолжает находить отражение в идеологии и практике ряда национально-освободительных движений, таких как революционное движение в Ирландии и национально-освободительные войны в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Этот наиболее современный, впрочем, возможно, не завершающий этап взаимодействия национализма и революции отмечен, среди прочего, политической модернизацией Китая, продолжающейся в начале XXI в. под националистическим лозунгом «социализм с китайской спецификой», и революциями конца 1980–начала 1990-х гг. в Восточной Европе.

Однако в постиндустриальных государствах национализм и революция в этот период не просто расходятся, но и теряют то значение, которое они имели на протяжении двух предыдущих веков, ставя тем самым вопрос о дальнейшей судьбе взаимного существования этих феноменов.

Приведенные этапы взаимодействия национализма и революции в целом соответствуют совместной динамике этих феноменов. Однако в то время как большинство участников «танца» следуют всем «турам», проходимым национализмом и революцией, некоторые из них выбиваются из общего ритма. Примером такого своеобразного исключения из общей европейской картины стал ирландский национализм.

Особенности ирландского национализма не остались незамеченными ведущими исследователями национализма. Так, не обходит вниманием ирландский национализм Б. Андерсон [2], а Э. Хобсбаум пишет об «аномальности» ирландского случая [5, 14]. Исследователи ирландского национализма, в свою очередь, называют его «парадоксальным» и «противоречащим самому себе» [8, 375]. Теоретики революции также указывали на необычное место Ирландии в грядущей борьбе. В частности, Ф. Энгельс называл Ирландию священным островом (*sacra insula*), чьи надежды на будущее могут и не быть связаны с классовой борьбой всего остального мира [9, 394]. Более того, по мнению марксистов, поддерживать национальное движение в Ирландии необходимо, поскольку оно может привести к свержению буржуазного господства в Великобритании. [17, 63].

Во всем многообразии уникальных аспектов ирландского национализма в рамках данной работы нас интересует его взаимосвязь с революционной идеологией и методами борьбы. С этой точки зрения, парадокс ирландского национализма заключается в том, что он всегда был революционен, несмотря на то, что в обществе в целом господствовали консервативные традиции. Эта сочетание революционных и консервативных традиций и сформировало ирландскую нацию.

Истоки революционности ирландского национализма тесно связаны с общеевропейскими традициями начального этапа совместного развития этих феноменов. Так, восстание 1798 г. стало во многом возможным благодаря Великой французской революции и росту национального самосознания европейских стран. Кроме того, отмечается влияние немецкой романтической традиции на возникновение ирландского национализма, а также некоторых идей Дж. Мадзини (Молодая Ирландия). Однако уже на этом начальном этапе проявляется парадоксальность революционности и консерватизма, ибо в ходе Рисорджименто Ирландия занимала и антинационалистическую позицию, симпатизируя Папе Римскому [7, 798]. Не меньшее влияние на развитие ирландского национализма оказала война за независимость США, предложившая колониальной, по сути, Ирландии привлекательный вариант национальной идеи, подхваченный «партией патриотов» в дублинском парламенте (хотя этот вариант на ирландской почве оказался нежизнеспособным).

Одной из причин этого был глубокий разрыв не только между Ирландией и метрополией, но и между жителями самого острова – католиками и протестантами, что изначально обуславливалось экономическими причинами, в частности, вопросами земельной собственности. Экономическое неравенство между двумя группами ирландцев проявлялось также в диспропорциональном развитии северной индустриальной части острова со смешанным протестантско-католическим населением, и остальной, католической и преимущественно аграрной, Ирландии. Католики также были исключены из политической жизни

общества, «до 1829 г. [их] близко не подпускали к государственной службе» [2, 27].

Впоследствии эти противоречия способствовали укреплению этнической направленности ирландского национализма. Несмотря на то, что в основе разделения лежал религиозный принцип, этнические корни населяющих Ирландию жителей также нашли широкое отражение в националистическом дискурсе. Идея ирландской нации представляла собой «живую, культурно отличную, автономную ... [нацию] донорманнского периода» [12, 56]. Религиозные и этнические различия всячески подчеркивались обеими сторонами. Так, например, архиепископ П. Каллен называл британскую администрацию «еретической властью» и считал, что протестанты не имеют право считаться ирландцами [7, 798–799]. Гэльское возрождение в конце XIX в. и создание Гэльской лиги также немало способствовало укреплению культурных различий жителей Ирландии. Англичане же называли ирландцев «белыми неграми» и «расой детей», а «кельтскую расу ... женственной» [15, 31–43], т.е. мистической, нелогичной и в целом неспособной к самостоятельному управлению.

В результате восстание 1798 г., положившее начало революционной борьбе за национальное строительство, к которому присоединились и католики, и протестанты, впоследствии стало представляться как исключительно католическое. Забылся и тот факт, что многие лидеры «Молодой Ирландии» также были протестантами. Некатолические жители острова постепенно стали терять право называться «ирландцами» (фении назовут это «десаксонизацией» Ирландии) [15, 24–46], а республиканские настроения начали превосходить по популярности движение за гомруль.

В то время как национальное движение в Европе во второй половине XIX в. отказывается от революционной борьбы, в Ирландии она, напротив, набирает обороты. В условиях, когда быть ирландцем означало быть «небританцем», любая попытка реформ без решения национального вопроса рассматривалась как предательство. Голоса ряда представителей ирландской диаспоры (а диаспора, как известно, сыграла существенную роль в разработке и реализации ирландской национальной идеи), таких, как Дж. Девой, призывавшим не к радикальным переменам, а к решению социальных вопросов [15, 127], звучали все тише. Даже представители левых кругов поддерживали националистические идеи, считая, что интернационализм отвлекает ирландских рабочих от их основной цели – прогнать британцев с острова. В целом, интернационализм не был присущ ирландской традиции.

Мейнстримные представители ирландского национализма, такие как А. Гриффит, соучредитель Шин Фейн, полагали, что «космополитическая ересь» [15, 47] только отнимает силы у борьбы. Поэтому даже тогда, когда революционный импульс несколько затухает в связи с решением земельного вопроса, ему придается новое ускорение. Для революционеров сохранение этого импульса было большим искушением, даже если это предполагало создание революци-

онных условий и отказ от социальных реформ и экономической модернизации [10, 468–470].

Католическая ориентация Ирландии также во многом способствовала сохранению консервативных традиций. Быть ирландцем по определению подразумевало быть католиком и, следовательно, приверженцем традиционных ценностей. Католические активисты отрицали все «социалистическое», а поскольку значительная часть католического духовенства происходила из крестьянства, поддержание тесных связей с ним было жизненно необходимо для революционеров.

Таким образом, при всей своей радикальности, ирландский национализм продолжает оставаться консервативным вплоть до Пасхального восстания 1916 г. Как отмечает Т. Гарвин, республиканская идеология была одновременно «модернизирующая» и «ностальгическая», совместившая язык социализма и ностальгию по романтизированному прошлому [10, 470]. Такое смешение революционных и консервативных ценностей во многом объясняется тем, что Великобритания была для ирландцев источником как реакции (противником которой была революционная идеология), так и модернизации и реформы (которую отрицала консервативная традиция). Представители различных кругов ирландского общества видели в национализме воплощение своих собственных ценностей, поэтому правые делали акцент на традиционных феодальных добродетелях, а левые – на антиимпериалистической (антибританской) борьбе.

Необходимость совместить противоположности объяснялась еще и тем, что революции требовалась социальная база, а ирландское общество (за исключением северной индустриальной части острова) было преимущественно аграрным. В то время как революционная традиция была сильна в городах, сельское население оставалось настроенным преимущественно консервативно. Поскольку «реакционными радикалами» были не столько рабочие, сколько ремесленники и зажиточные крестьяне, революционное движение защищало традиционные культурные ценности и общественные отношения тех, кто предоставлял базу революционного сопротивления.

Основные черты ирландского национализма продемонстрировал период с момента Пасхального восстания 1916 г. и до окончания гражданской войны в 1923 г., ставший периодом испытания его на прочность. Как отмечает Б. Нэльсон, радикализм и милитаристское видение на долгие годы стали центральными в ирландской политике [15, 50]. В этом смысле конфликт в Северной Ирландии в конце 1960-х гг. стал лишь продолжением революционных традиций ирландского национализма.

В то время, когда в Европе зарождается «консервативная революция», ирландский национализм также продемонстрировал ряд черт, характерных для этого направления. Ирландская революционная традиция и прежде была во многом консервативной, а в начале XX в. революционеры зачастую использовали расистскую риторику. А. Гриффит, например, был известен своими анти-

семитскими высказываниями и протестами против набора «цветных» британцев в армию во время Первой мировой войны, считая, что равные права должны быть предоставлены «всем белым мужчинам» [15, 156]. Исходя из принципа равенства всех «белых» народов, Ирландия ранее поддержала буров в их войне с англичанами. Неудивительно, что Германия, как, впрочем, и любой враг Великобритании, виделась А. Гриффиту союзником в борьбе.

Пасхальное восстание 1916 г. стало символом победы радикальной республиканской традиции, представляемой к тому моменту партией Шин Фейн, политическим крылом ирландских националистов. Уже при основании Шин Фейн в 1905 г. эта партия сразу заявила о несовместимости собственных взглядов с Ирландской парламентской партией, выступавшей за сотрудничество с Великобританией. Однако, как утверждают исследователи, в действительности Шин Фейн не сыграла серьезной роли в подготовке восстания [15, 183], хотя впоследствии умело воспользовалась его результатами.

Само Пасхальное восстание, будучи самым значительным националистическим выступлением после восстания 1798 г. по реальным политическим результатам, было организовано членами Ирландского республиканского братства (ИРБ) и военизированной организацией Ирландские добровольцы (некоторые участники были членами обеих организаций). Восстание длилось всего шесть дней и само по себе не смогло привести к решению ирландского национального вопроса, однако оно внезапно, а возможно, и вполне ожидаемо, стало новым катализатором национального самосознания, превратив казненных лидеров национальной революции в мучеников.

Это обстоятельство возвращает к мысли об использовании революционных методов для подогрева затухающего националистического импульса. В конце XIX в. ИРБ теряет свои позиции, и республиканцы сталкиваются с трудностями в привлечении сторонников. С началом Первой мировой войны часть членов ИРБ поддержала Великобританию, и ирландские солдаты отправились служить в армии наряду с другими жителями Соединенного Королевства. П. Пирс и другие лидеры Пасхального восстания не могли не знать, что в условиях наметившегося раскола и с учетом британского военного превосходства, восстание не получит необходимой поддержки и будет неизбежно подавлено. Но национальная идея требовала поддержания образа врага в лице Великобритании. Жестокое подавление восстания привело к политической мобилизации в поддержку Шин Фейн, одержавшей в итоге убедительную победу на выборах и в 1919 г. сформировавшей ирландский парламент (Дейл Айрен). С момента принятия Декларации независимости 21 января 1919 г. начинается существование независимого ирландского государства, которому было еще суждено пройти через войну с Великобританией, гражданскую войну и разделение острова.

Приход к власти временного националистического правительства во главе с И. де Валера означал для Ирландии продолжение революционной борьбы.

В том же 1919 г. Ирландские волонтеры становятся Ирландской республиканской армией (ИРА). В то время как временное правительство требует вывода британских войск, ИРА ведет военные действия и проводит серию терактов против представителей британской администрации. К концу года в южной и центральной части острова разворачивается полномасштабная партизанская война, вооруженное восстание происходит и в Дублине.

Столкновения происходят не только с британскими военными, но и с протестантскими националистами Ольстера. Север был озабочен политическими победами Шин Фейн и опасался, что в единой и независимой Ирландии протестантское меньшинство не будет иметь политического представительства. Действительно, юнионисты (уже из их названия ясно, что они выступали за союз с Великобританией) не были представлены в Дейл Айрен, точнее, отказались в нем участвовать. Сложилась уникальная ситуация, когда в парламенте на первом этапе его существования была представлена только Шин Фейн.

В 1921 г., после выборов в Дублине, Белфаст провел свои собственные выборы, политически обосновав раскол Ирландии на два националистических лагеря. Этот раскол будет закреплён англо-ирландским договором 1921 г., выведшим из состава Ирландского свободного государства (просуществовавшего какое-то время еще и как британский доминион), шесть графств Северной Ирландии и сохранившим их в составе Королевства.

Мирный договор не изменил революционности ирландского национализма. Члены всех националистических организаций, в том числе тех, кто представлял их политическое крыло, привлекались из числа Ирландских добровольцев, и многие разделяли убеждение о необходимости вооруженной борьбы за объединение острова. Тем не менее, война с Великобританией давалась слишком большой ценой, и молодому государству требовалась передышка, с которой согласились не все. Договор с Великобританией привел к расколу в рядах Шин Фейн и ИРА по вопросу о будущем Северной Ирландии. И. де Валера выступил против соглашения, подписанного А. Гриффитом и М. Коллинзом, и отказался от поста президента.

В то время как ряд бойцов ИРА вступили в новую Национальную армию, некоторые части отказались перейти на сторону правительства, между ними начались вооруженные столкновения. Попытки договориться не увенчались успехом. Раскол Шин Фейн, безусловно, способствовал наметившемуся расколу в ИРА. Однако проблема заключалась еще и в том, что ИРА оставалась независимой от политических партий [13, 13]; это была революционная армия, имеющая опыт партизанской войны и отказывающаяся подчиняться правительству.

В этих условиях меньшая по численности Национальная армия восполнялась поддержкой британской армии, в результате чего ИРА была вытеснена из Дублина и, постепенно теряя поддержку населения, вынуждена была отказаться от продолжения вооруженной борьбы. Привлечение извечного врага для подавления оппозиции продемонстрировало серьезные перемены в развитии

ирландского национализма. Договор с Великобританией был в конечном итоге ратифицирован, Северная Ирландия потеряна, и ирландское руководство столкнулось с первоочередными задачами государственного строительства. В этих условиях революционный национализм представлял скорее угрозу, хотя все еще мог оказаться полезным в привлечении поддержки населения. С 1925 г. ИРА стала подчиняться Дейл Айрен и приобрела большую власть и уважение, чем Шин Фейн. И. де Валера и другие лидеры, возглавлявшие оппозицию, сложили оружие, но выиграли идеологическую борьбу. Созданная ими в 1926 г. партия Фианна Файл («Солдаты судьбы») сразу получила значительную поддержку населения, а Шин Фейн припомнили британское вмешательство во время гражданской войны и потерю северной части острова. Таким образом, после окончания гражданской войны ведущая националистическая партия Шин Фейн потеряла свое влияние и на долгое время стала малозначимой политической силой.

В целом, развитие Шин Фейн «от мейнстримной до маргинальной и вновь до мейнстримной» [13, 7] партии на протяжении XX в. символизировало и развитие самого ирландского национализма в этот период. После гражданской войны происходит постепенный отход национализма от революционных методов, его обращение к собственным консервативным истокам. «Консерватизм, изоляционизм и избегание прогресса» [10, 496] были характерны для многих политических решений этого периода. В то время как национальное правительство продолжало демонстрировать свою приверженность гэльской культуре и особому культурному пути, экономически Ирландия сохранила собственную колониальную зависимость от Великобритании и «колониальный комплекс любви и ненависти» [10, 486] к метрополии, стараясь продемонстрировать ей надежность и стабильность новых политических институтов. Даже новые лидеры были не похожи на революционеров прошлого. У. Косгрейв, сменивший А. Гриффита на посту главы правительства старался быть консервативным во всем. Как отмечали современники, было «сложно представить кого-либо, кто менее всего похож на ... [представителя] Шин Фейн ... Он *не* революционер с горящими глазами» [6, 445].

При этом стремлении к стабильности необходимость экономических и социальных реформ по-прежнему воспринималось как «социалистическое» зло. Представители социалистического крыла ирландского национализма, по сути, проиграли политическую борьбу, главным образом из-за противоречий в собственных взглядах. Они так и не смогли синтезировать идеологии классовой и национальной борьбы или предложить практическое решение их совместности, а также пересмотреть свое отношение к католической религии как основе нового ирландского государства [16, 291]. Левые республиканцы, будучи серьезной политической силой на заре национальной революции (о чем, например, свидетельствуют социалистические взгляды такого ведущего революционного лидера, как Дж. Коннелли), не смогли оказать существенного влияния на поли-

тику независимой Ирландии. Их идеи шли вразрез с идеями, сформировавшими ирландский национализм как «характер и судьбу ... крестьянина, католика, галла» [15, 255]. Перемены могли быть опасны для националистов, долгое время получавших импульс развития от социальных и культурных конфликтов. Теперь угрозой националистам становились уже не британцы, а социальные реформы.

Поэтому накануне Второй мировой войны Ирландия не стала ни социалистической, как надеялся Дж. Коннолли, ни гэльской, как того хотел П. Пирс; она даже не стала единой, как мечтали все революционеры. Север был потерян навсегда, левый экстремизм вспыхнул и погас в 1930-х, также как и исчез правый – с уходом из политической жизни «синерубашечников» [6, 444]. Ирландский национализм трансформировался и переставал быть революционным.

Тем не менее говорить о полном «разводе» ирландского национализма с революцией на этом этапе было бы преждевременно. Ирландские националисты всегда опасались, что конец революции может стать концом нации, и стремясь предотвратить свою политическую смерть, добивались продолжения (во многом искусственного) национальной революции в Северной Ирландии.

До того как революция переместилась на север, набирающая популярность партия Фианна Файл порвала отношения с ИРА, чем вызвала большое удивление, учитывая прежнюю приверженность И. де Валера революционной борьбе и его участие в гражданской войне на стороне оппозиции. Однако такой стратегический поворот был, очевидно, необходим для того, чтобы эффективно противостоять на выборах все еще сильной рабочей партии. Кроме того, ИРА продолжала использовать откровенно террористические методы (так, например, был убит министр внутренних дел К. О'Хиггинс), от которых И. де Валера предпочел дистанцироваться.

Последним коротким всплеском революционного национализма в Ирландском Свободном государстве стало движение «синерубашечников», которое возглавили ряд командиров запрещенной к тому времени ИРА. Этот всплеск в целом совпадает с развитием национал-социализма в Европе. Основными требованиями «синерубашечников» было объединение Ирландии, противодействие коммунизму и сохранение традиционных ценностей. К движению присоединились преимущественно зажиточные фермеры. Возглавившего движение Э. О'Даффи вдохновлял фашизм, отсюда и ряд черт, характерных для других фашистских и национал-социалистических движений того времени. Вскоре после первых маршей движение было запрещено из опасения, что оно сможет набрать популярность. И хотя сам Э. О'Даффи остался верен своим идеям (в частности, его Ирландская бригада сражалась на стороне Ф. Франко в Испании), движение постепенно влилось в другие националистические организации.

Новая Конституция Ирландии 1937 г., которая осталась максимально консервативной и «католической» (так, например, были запрещены разводы) [6,

455], при всей двойственности формулировок так и не признала окончательное разделение острова. Это открыло возможности для перемещения центра революционной борьбы на север. Более того, начавшаяся Вторая мировая война изменила приоритеты в вопросе объединения острова. Вступив в войну, Великобритания опасалась за безопасность собственных границ и нуждалась в гарантиях ирландской поддержки или, как минимум, нейтралитета. Она готова была пойти и на определенные уступки в решении вопроса о Северной Ирландии. Однако И. де Валера, возглавлявший правительство, не имел намерений поддерживать британцев, считая, что когда Германия одержит победу, вопрос об объединении острова можно будет решить без лишних оговорок. «Национализм, направленный внутрь себя» [15, 247], подогреваемый страхом перед очередным британским вмешательством, не позволил ирландскому правительству реально оценить открывшиеся возможности. Со временем взгляды ирландского руководства на сотрудничество с Германией изменились, однако момент был упущен. Оставшись нейтральной, Ирландия не пошла на то, чтобы открыть свои порты королевскому флоту, что в очередной раз укрепило Великобританию в правильности решения по разделению острова.

ИРА и вовсе открыто выступала за союз с нацистской Германией. К 1939 г. состав организации значительно изменился и помолодел. Не перейдя к политическим методам борьбы, организация исключила себя из процесса принятия решений и прибегала преимущественно к террористическим методам. Так, во время войны она проводила террористические операции в Великобритании, чем не облегчала ее взаимоотношения с Ирландией. Вероятность совместного сценария захвата острова, разработанного ИРА и Германией, не могла не пугать и правящую партию Ирландии. В результате чего репрессии в отношении бойцов ИРА имели место как на севере, так и на юге острова.

После окончания войны, во время недолгого отсутствия партии Фианна Файл у власти, ИРА переместила центр своей деятельности на север. Такой поворот устраивал ирландское правительство, которое, сохраняя националистическую риторику, могло не опасаться военных действий на собственной территории. Как уже отмечалось, такое продолжение революционной борьбы можно считать «искусственным» импульсом ирландскому национализму, который после Второй мировой войны и экономического кризиса начала 1950-х гг. окончательно изменился. «К лучшему или к худшему, Ирландия сейчас становится модернизирующейся страной, как и другие, – менее вдохновенной католицизмом или кампанией по спасению языка» [6, 477].

Ряд исследователей замечают, что модернизация лишь частично объясняет особенности ирландского национализма, и его отличия, например, от валлийского национализма [8, 379–380]. При этом большинство из них сходятся во мнении, что ключевую роль в формировании ирландского национализма сыграла главным образом экономическая отсталость острова, его колониальная зависимость от Великобритании, а также диспропорциональное развитие севера и

юга страны. Т. Гарвин, например, считает, что «радикальный национализм» в Ирландии был болезнью неравномерного развития, благодаря чему движение получило развитие не в индустриальном Ольстере, а в экономически менее развитом Манстере [10, 471–472]. Постепенное угасание национализма происходило на фоне экономической модернизации страны и ее вступлении в Европейские экономические сообщества, что в целом подтверждает этот вывод.

Однако именно нерешенный вопрос о статусе Северной Ирландии оставался камнем преткновения для националистов. И члены ИРА выбрали революционный путь. Продолжение традиций ирландского национализма как нельзя лучше отражает настенная фреска (мураль) на одном из зданий в католической части Белфаста. Изображение объединяет героя гэльских мифов Кухулина, кельтский крест как символ погибших героев Пасхального восстания 1916 г. и бойца современной ИРА. Это единство гэльских символов, национальных героев и революционной борьбы стало отличительной чертой идеологии ИРА [18].

С 1956 по 1962 гг. она проводит ряд военных операций, которые принесли политические дивиденды Шин Фейн [13, 14–15]. Впервые за многие годы некогда ведущая и, по существу, единственная националистическая партия Ирландии возобновила свою деятельность благодаря революционной деятельности ИРА, нуждавшейся в политическом представительстве. Однако Шин Фейн, созданная А. Гриффитом в 1905 г., и новая Шин Фейн были совершенно разными партиями. Под именем Шин Фейн действовали различные политические силы, объединенные только общими символами, но имевшие различные политические цели [16, 174]. Таким образом, даже националисты уже не были едины в своем революционном порыве.

В 1960-е гг. ИРА распадается на множество групп, которые используют методы партизанской войны на территории Северной Ирландии. К началу 1970-х, когда Великобритания посылает войска для подавления ее деятельности, ИРА активно проводит террористические акты как в Северной Ирландии, так и в Великобритании. Ответные меры британского правительства в этот период отличались чрезмерной репрессивностью (так, была расстреляна мирная демонстрация в Дерри) и лишь укрепили сочувствие католического населения севера к боевикам ИРА. Кроме того, ИРА была не единственной националистической группировкой, избравшей радикальные методы. Ольстерские добровольческие силы – юнионистская вооруженная группировка, существующая еще с 1913 г. – также проводит теракты, направленные против католиков в Северной Ирландии и в Республике Ирландия. Полиция Ольстера считала деятельность этой организации даже более опасной, чем деятельность ИРА, так как она никогда не предупреждала о предстоящих терактах, направленных главным образом на гражданское население [6, 489].

Все это время партия Шин Фейн играет роль политического крыла военизированной группировки. Однако ее отношение к методам борьбы в Северной Ирландии постепенно меняется. Несмотря на то, что католики Северной Ир-

ландии все еще страдали от непропорционального представительства в политической и экономической жизни страны, в 1963 г. в Белфасте был избран новый премьер-министр – католик – Т. О’Нил. И хотя его сменили сторонники более жестких действий, настроения на севере, уставшем от продолжительного конфликта, к середине 1980-х гг. начнут меняться.

Националисты на юге, все еще питавшие надежду на воссоединение, вскоре также начнут осознавать, что с момента разделения север и юг слишком отделились не только в политическом, но также и в социально-экономическом отношении. Англо-ирландское соглашение 1985 г., подтверждавшее разделение острова, в очередной раз продемонстрировало желание ирландского правительства дистанцироваться от действий ИРА. Еще одним шагом стало подписание Европейской конвенции о пресечении терроризма, в соответствии с которым члены ИРА стали выдаваться Северной Ирландии, если совершили преступления на ее территории.

Завоевать электорат при сохранении роли ИРА было невозможно; в этих обстоятельствах Шин Фейн отказалась от продолжения сотрудничества и трансформировала свою националистическую программу. Впервые Шин Фейн заговорила о необходимости устранения разделения жителей острова на католиков и протестантов и решения общих задач, стоящих перед рабочим классом [13, 15–16] – как на севере, так и на юге острова. Давно забытые социалистические традиции ирландского национализма эхом отражаются в новой программе Шин Фейн. Не случайно, ее партнерами по мирному процессу в Северной Ирландии становятся социал-демократическая и лейбористская партии.

Призывы выиграть войну любыми способами меняются на требование права на самоопределение Северной Ирландии. Желание вписаться в новые политические реалии заставляет Шин Фейн предпринимать немыслимые прежде шаги. Так, в 1985 г. Шин Фейн даже проводит дебаты по поводу того, разрешить или запретить аборт [13, 26]. Конечно, полностью от своих традиционных позиций она не отступила, но на пути обратно к «мейнстримности» и борьбе не только за собственный электорат, но и с правительством М. Тэтчер, Шин Фейн значительным образом трансформировала собственную риторику.

Переговорный процесс еще столкнется с серией проблем, но факт остается фактом: Великобритания будет вести переговоры именно с Шин Фейн, как единственной политической силой, способной гарантировать выполнение соглашения. Отказ Шин Фейн от революционных методов сыграл здесь ключевую роль.

Соглашение Страстной Пятницы 1998 г. стало «историей успеха» Шин Фейн с точки зрения расширения электората по обе стороны границы. Хотя сам Дж. Адамс, подписавший соглашение, потерял популярность в лагере националистов, под его руководством Шин Фейн заняла место на первых полосах газет, которые постепенно покинула ИРА.

Так же, как много лет назад, придя к власти, руководство Свободного Ирландского государства предпочло консервативные традиции, вытеснив революцию на север, новые ирландские националисты предпочли умеренную респектабельность радикализму ИРА. В 2005 г. ИРА, потерявшая поддержку Шин Фейн, формально объявила об окончании вооруженной борьбы. Смена революционной риторики на риторику неизбежности объединения острова мирным путем в рамках Соглашения помогла партии возглавить министерства в правительстве как Республики Ирландия, так и Северной Ирландии (где член Шин Фейн даже получил место вице-премьера). Выбор социально значимых министерств (например, образования) способствовал завоеванию левого электората.

Сегодняшний ирландский национализм в целом соответствует общеевропейским тенденциям развития национализма в постиндустриальном обществе [6, 444]. Он отказался от революционности, вытеснив ее за пределы даже таких групп, как Шин Фейн и ИРА, и продолжает существовать в ритме нового тура взаимодействия национализма и революции.

Взаимосвязь и развитие национализма и революции в Ирландии, отличное от других европейских наций, объясняется парадоксом колониальной зависимости, который был во многом преодолен после обретения независимости и проведения экономических реформ. Великобритания также изменила свои политические методы в отношении националистических движений, о чем, в частности, свидетельствует проведение референдума в Шотландии. Но сохранение экономической зависимости острова и статус Северной Ирландии по-прежнему дает основания полагать, что возможен новый тур взаимодействия ирландского национализма и революции.

Библиографический список

1. Алленов С.Г. «Консервативная революция» в Германии 1920-х–начала 1930-х годов (проблемы интерпретации) // Полис. 2003. № 4. С. 94–107.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с.
3. Смит Э. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004. 464 с.
4. Сокольская И.Б. Консервативна ли консервативная революция? // Полис. 1999. №6. С.119–128.
5. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998. 306 с.
6. Bew P. Ireland: The Politics of Enmity, 1789-2006. Oxford: OUP Premium, 2007. 613 p.
7. Biagini E. Liberty and Nationalism in Ireland, 1798–1922 // The Historical Journal. 2008. № 51(3). P. 793–809.
8. Boyce D. Nationalism in Ireland (3rd ed.). London; N. Y.: Routledge, 1995. 499 p.

9. Engles to Marx in London / Karl Marx, Frederick Engels: Collected works. 1869. Vol.43. URL: http://theoccupiedtimes.org/marx/works/1869/letters/69_12_09.htm.
10. *Garvin T.* The Anatomy of a Nationalist Revolution: Ireland 1858–1928 // *Comparative Studies in Society and History*. 1986. № 28 (3). P. 468–501.
11. *Hobsbawm E.* The age of revolution 1789-1848. N. Y.: New American Library, 1962. 416 p.
12. *Hutchinson J.* The Dynamics of Cultural Nationalism: The Gaelic Revival and the Creation of the Irish Nation State. London; Boston: Allen & Unwin, 1987. 343 p.
13. *Maillot A.* New Sinn Fein. Hoboken: Taylor and Francis, 2012. 212 p.
14. *Marx K.* Communist Manifesto. S.l.: Pluto Press. 2008. 115 p.
15. *Nelson B.* Irish Nationalists and the Making of the Irish Race. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2012. 333 p.
16. *Ó Broin E.* Sinn Féin and the Politics of Left Republicanism. London: Pluto Press, 2009. 343 p.
17. *Smith A.* Nationalism and the Historians // *International Journal of Comparative Sociology*. 1992. 33 (1-2). P. 58–80.
18. Whose Cú Chulainn? URL: http://www.iisresource.org/Documents/Whose_Cu_Chulainn.pdf

NATIONALISM AND REVOLUTION: THE CASE OF IRELAND

A.V. Kuznetsova

Senior Lecturer, Department of Social and Political Conflict Resolution Studies,
Kazan National Research Technological University

The article examines various stages of mutual development and interaction of nationalism and revolution in Ireland. From its very origin, Irish nationalism has been ignoring common European tendencies and uniquely combining revolutionary and conservative values. The author concludes that the peculiarities of the combination of nationalism and revolution in Ireland can be explained by the colonial paradox.

Keywords: Irish nationalism; revolutionary nationalism.

References:

1. *Allenov S.G.* “Conservative revolution” in Germany in 1920s - early 1930s (problems of interpretation) // *Polis*. 2003. №4. P.94-107. (In Rus.).
2. *Anderson B.* Imagined Communities. M.: KANON-press-C, Kuchkovo pole, 2011. 288 p. (In Rus.).
3. *Bew P.* Ireland: The Politics of Enmity, 1789-2006. Oxford: OUP Premium. 2007. 613 p. (In English).

4. *Biagini E.* Liberty and Nationalism in Ireland, 1798–1922 // The Historical Journal. 2008. № 51(3). P. 793-809. (In English).
5. *Boyce D.* Nationalism in Ireland (3rd ed.). London; New York: Routledge. 1995. 499 p. (In English).
6. Engles to Marx in London / Karl Marx, Frederick Engel : Collected works. 1869. Vol. 43. Available at: http://theoccupiedtimes.org/marx/works/1869/letters/69_12_09.htm (In English).
7. *Garvin T.* The Anatomy of a Nationalist Revolution: Ireland 1858-1928. – Comparative Studies in Society and History. 1986. Vol.28 No.3. P. 468-501. (In English).
8. *Hobsbawm E.* Nations and Nationalism since 1780. SPb.: Aletya, 1998. 306 p. (In Rus.).
9. *Hobsbawm E.* The age of revolution 1789-1848. New York: New American Library. 1962. 416 p. (In English).
10. *Hutchinson J.* The Dynamics of Cultural Nationalism: The Gaelic Revival and the Creation of the Irish Nation State. London; Boston: Allen & Unwin. 1987. 343 p. (In English).
11. *Maillot A.* New Sinn Fein. Hoboken: Taylor and Francis. 2012. 212 p. (In English).
12. *Marx K.* Communist Manifesto. S.l.: Pluto Press. 2008. 115 p. (In English).
13. *Nelson B.* Irish Nationalists and the Making of the Irish Race. Princeton, N.J.: Princeton University Press. 2012. 333 p. (In English).
14. *Ó Broin E.* Sinn Féin and the Politics of Left Republicanism. London: Pluto Press. 2009. 343 p. (In English).
15. *Smith A.D.* Nationalism and Modernism: A Critical Survey of Recent Theories of Nations and Nationalism. M.: Praksis, 2004. 464 p. (In Rus.)
16. *Smith A.* Nationalism and the Historians // International Journal of Comparative Sociology. 1992. 33 (1-2). P. 58-80. (In English).
17. *Sokolskaya I.B.* Is conservative revolution conservative? // Polis. 1999. №6. P.119 – 128. (In Rus.).
18. Whose Cú Chulainn? Available at: http://www.iisresource.org/Documents/Whose_Cu_Chulainn.pdf. (In English).

УДК-32:353

ДИСКУРС ПОСТКОЛОНИАЛИЗМА И ШОТЛАНДСКИЙ РЕГИОНАЛИЗМ

*М.В. Грабевник*¹

В данной статье рассматривается влияние дискурса постколониализма, воспроизводимого на уровне официальной региональной власти, на политику регионализма в Шотландии. Во второй половине XX в. шотландские политики постепенно отказываются от постколониального дискурса в качестве стержневого аспекта конструирования региональной политической идентичности в пользу преимущественно нейтральных требований регионализма. Исследовательская цель состоит в поиске причин и факторов такого изменения. Отказ от постколониального дискурса был обусловлен смещением акцентов региональной политики с культурных аспектов на экономические и социальные цели. В статье показано поэтапное развитие взаимоотношений у регионализма как политического курса и дискурса постколониализма.

Ключевые слова: дискурс; регионализм; постколониализм; Шотландия; регион; национализм; культурная самобытность.

Начиная с середины XX в. во многих европейских странах набирает силу постколониальный дискурс, который имеет публично-политическое и академическое измерения. Этот дискурс, в частности, воспроизводится и в Великобритании, как на уровне союза (содружества) так и в регионах (прежде всего, Шотландии). Все чаще в публично-официальных нарративах шотландских политиков содержатся отсылки к исторической самобытности шотландского народа и шотландскости (Scottishness), особенностям шотландской культуры и к другим символическим атрибутам Шотландии, которая претендует на автономный и самобытный статус. Такие элементы структуры дискурса, конечно, не делают его постколониальным. Проблема в том, что при опоре на самобытные характеристики Шотландии в официальном шотландском дискурсе присутствовало описание отношений Британии и Шотландии как культурно-доминантной и культурно-угнетенной сторон.

Дискурс постколониализма в Шотландии долгое время выступал как фактор в формировании шотландского политического курса. Однако динамика воспроизводства постколониального дискурса и его влияния на региональный

¹ Грабевник Михаил Владимирович – магистр 1 курса Пермского государственного национального исследовательского университета, направление «Политология». E-mail: misha_grabevnik@mail.ru.

© Грабевник М.В., 2015

политический процесс показывает, что с начала 1970-х гг., дискурс постколониализма утрачивает политическое значение, а на рубеже веков и полностью исчезает из спектра факторов регионализма как политического курса. Развитие постколониализма, которое пришлось на вторую половину XX в., по хронологическим рамкам во многом совпадает с развитием регионализма в Шотландии. Каковы причины такого изменения? Почему шотландские политики отказываются от постколониального дискурса как политического инструмента в спорах и торге с Лондоном? Иными словами, *ключевой исследовательский вопрос состоит в следующем: каковы причины ослабления дискурса постколониализма в шотландском политическом процессе, и смены его культурно- и ценностно-нейтральными требованиями регионализма?*

Понятие дискурса мы понимаем, исходя из теории дискурсивной гегемонии Ш.Муффа и Э.Лакло [3, 4] как определенный способ общения и понимания социальной реальности. Все практики в социальной реальности являются дискурсивными. Политика же, являясь дискурсивной практикой, одновременно и способ формирования социального мира посредством гегемонии. Формирование гегемонии, постулирующей универсальные категории дискурсивного пространства, всегда носит политический характер [2]. Под постколониальным, в данной статье, понимается дискурс, который формирует образы угнетенных и угнетающих стран в постколониальном мире. Другими словами, такой дискурс транслирует понимание того, что некоторые страны (народы) являются в локализованном пространстве доминирующими.

Что касается понятия регионализма, то оно напрямую зависит от понятия региона. В данном случае, мы будем придерживаться конструктивистской традиции к определению региона, согласно которому люди и социальные интеракции являются не только субъектами, которые конструируют регион, но и сами являются регионом, идентифицируя себя с ним. Именно такая традиция подчеркивает социальную сущность региона, который, таким образом, является предметом для исследования в социальных науках. Анн Маркузен определяет регион «как исторически изменяющееся территориальное сообщество, которое наполнено физическим, социоэкономическим, политическим и культурным содержанием, а также имеет пространственную структуру, отличную от других регионов и территориальных единиц, как например, город или нация» [14]. Майкл Китинг также отмечал, что именно региональные идентичности – это главный элемент в конструировании региона как политического и культурного пространства [13]. Такое понимание региона – стержневое для данного исследования

В данном исследовании под регионализмом понимается политический курс региона на отстаивание собственных культурных, политических и общественных интересов в его отношениях с вышестоящими, национальными и над-национальными, уровнями управления. Большую роль в таком регионализме играет его сущностные характеристики – идентичность, культура, история, тра-

диции и пр., а собственно политическая активность регионального сообщества, является производной от них. В этом смысле мы отделяем понятие регионализм от смежного с ним понятия национализм, которое характеризует, с одной стороны, интеграцию (ассимиляцию) региональных сообществ в единой нации, или, с другой стороны, стремление региона к дезинтеграции, к отделению от национального государства, т.е. сепаратизм [1]. Национализм, сепаратизм, постколониализм в модели данного исследования представляют собой разновидности социальных сред, в которых может функционировать и развиваться регионализм как политический курс.

В динамике развития взаимовлияния постколониального дискурса и шотландского регионализма можно выделить три основных периода. Первый период до 1950-х гг. характеризуется сосуществованием регионализма под личиной национализма, будучи стимулированным постколониальным дискурсом. Второй период (1950–1990-е гг.) является периодом секуляризации регионализма как политического курса. Данный период, длившийся вплоть до конца 1990-х гг., характеризует плотную связь регионализма и постколониального дискурса. Однако постепенно в течение всего этого периода акцент смещается с культурных атрибутов региона, на экономические и политические, а дискурс постколониализма перестает быть фактором регионализма. Наконец, в третий период, регионализм полностью отрывается от постколониального дискурса, и более не включается в себя интерпретацию национальных отношений (Шотландия vs Великобритания, Шотландия vs Англия, Эдинбург vs Лондон) как отношений доминирования и угнетения. Что касается национализма, то он существует в современный период как идеология, нацеленная на формирование собственного национального государства, апофеозом действия которой стал референдум о независимости Шотландии в 2014 г.

Первый период. В период позднего колониализма Великобритания находилась в состоянии колонизатора и метрополии. Однако в то же время, к статусу внешнего колонизатора, к Британии вполне уместно приложить еще одну характеристику. Состояние Великобритании в XIX–XX вв. можно обозначить как состояние «внутренней колонизации». Данное обозначение, выведенное на основе исследования России Кукулиным, весьма уместно распространить и на Великобританию. В её рамках Англия выступает как постметрополия, т.е. такое сообщество, которое на фоне постколониального дискурса выступает как доминирующее. Иными словами, в свете имперского прошлого Англия, как «лицо» Британии, выступает как метрополия среди всех остальных составных частей британского геополитического пространства. На базе такого теоретического концепта и были сделаны последующие рассуждения [5, 6].

В таких условиях в Британии развивалась культурная стандартизация с опорой на единый язык и четко регламентированное административное положение регионов внутри союза. Данная гегемония рассматривается как недифференцированная тотальность, с которой сталкиваются регионы, и на которую

довольно сложно повлиять. Такая ситуация стимулировала регионы к самостоятельности и самовыражению, что во многом стало выражаться в культуре. Так, например, многие исследователи [10, 11, 18] утверждают, что конец XIX в. в Шотландии становится своеобразным «шотландским ренессансом» в культуре. Шотландская литература начинает вновь использовать гэльский язык. Это важно ввиду того, что определение национальных культур было преимущественно лингвистическим, – например, немецкая литература понималась как литература на немецком языке, а не литература членов немецкого народа. Кроме того, в литературе и культуре происходит дискурсивный сдвиг, который характеризуется акцентированием в нарративах роли национального, роли шотландского, а не британского, как это было ранее. Таким образом, лингвистическая составляющая шотландской национальной культуры послужила толчком для выражения национальной сущности, а впоследствии и для выражения национализма. Каждый раз, пытаясь определить понятия «шотландский» и «шотландскость», шотландцы проявляли собственное стремление к национальному единству и культурному своеобразию. Однако попытки продвижения шотландской самобытности преимущественно сводились к аргументам, связанным с колониальной интерпретацией и рассматривающим Шотландию непосредственно как культурную жертву английского народа [13]. Так, в 1932 г. *Scottish Daily Express* провели выборочный опрос среди 35 000 шотландских домов и выявили, что 113 000 человек высказываются в пользу шотландского самоуправления, и только 5000 шотландцев высказались против. Конечной целью таких националистических стремлений шотландцы называли «освобождение от угнетения Лондоном» [21].

На волне культурного самоопределения Шотландии развивался и политический национализм, который содержал в себе зачатки политического регионализма. В 1885 г. происходит формирование первого шотландского административного органа (*The Scottish Office*), который определялся двойной ролью: с одной стороны, данный орган исполнял роль централизации административного управления в Великобритании, а с другой – служил катализатором движения к политической самостоятельности Шотландии и обособленности региона от остальных частей Соединенного Королевства. Кроме того, в 1886 г. была создана Ассоциация Самоуправления Шотландии (*The Scottish Home Rule Association*). Данные институциональные изменения характеризуют влияние дискурсивного поворота в шотландской культуре, который распространился и на политическую сферу. Нужно отметить, что первые шотландские националистические организации рассматривали Англию как «лицо Британии» в контексте культурного и политического угнетения Шотландии. Таким образом, Англия и Британия в дискурсивном поле шотландских националистов являлись понятиями тождественными. В структуре идентификационной матрицы шотландцев присутствует уровень национальной (британской) идентичности, одна-

ко он в отличие от регионального уровня этно-лингвистической (шотландской) идентичности не является доминирующим [25, 26].

Первые националистические организации появились на волне именно таких интерпретаций отношений Англии и Шотландии внутри союзного государства. Так, в частности, созданная в 1920 г. Шотландская национальная лига (The Scots National League) постулировала небрежное отношение Британии к кельтской культуре, характеризуя тем самым, взаимоотношения внутри союзного государства как постколониальные. Данная организация, как и другие националистические организации, могла продвигать кельтскую культуру как самобытную и претендующую на автономию. Однако система аргументации была иной. Вместо этого, шотландские националисты воспроизводили дискурс *угнетения* гэльской культуры английским культурным стандартизированием. Такая логика аргументации для продвижения шотландской культурной независимости позволяет нам предположить, что в конце XIX–начале XX вв. дискурс шотландского регионализма был тесно связан с [пост]колониальным дискурсом, и служил в качестве ответа на него.

Кроме того, во времена Великой депрессии начинают проявляться экономические аспекты национализма. Шотландия пострадала тяжелее, чем Англия или Уэльс. Резкий спад в промышленном производстве, высокая безработица привели к уменьшению численности населения и разочарованию шотландцев, которые чувствовали, что во многом причиной их несчастий было пренебрежение лондонским правительством интересами Шотландии. Такая экономическая подоплека послужила фактором возрождения идеи самоуправления. Под этим давлением Лондон постепенно шел на увеличение административного самоуправления Шотландии, а впоследствии и политической автономии [21].

Появившись первоначально в культурном пространстве, дискурс постколониализма постепенно стал составной частью политической риторики первых националистических организаций Шотландии. Они оперировали постколониальным дискурсом в качестве системы аргументации угнетенного состояния шотландской культуры. Дискурс национализма на этом этапе был сопряжен преимущественно с дискурсом постколониализма, а регионализм, будучи частью национализма, был направлен на достижение культурной и административной автономии и стимулировался данной конфигурацией дискурсивного пространства.

Второй период. Ситуация меняется с созданием Европейского союза, когда регионализм начинает секуляризироваться и приобретает собственное политическое значение. В связи с возникшими новыми геополитическими отношениями, включающих в качестве агента коммуникации не только национальные государства, но и поддерживаемые ЕС региональные сообщества, становится широко употребляемым термин «регион». До середины XX в. термин «национализм» являлся единственным, который характеризовал национальные отношения. Но с возникновением и использованием терминов «регион», «ре-

гиональность», «регионализм» появляется новый дискурс, оперирующий данными категориями, – дискурс регионализма. Национализм, как убежденность в культурном превосходстве собственной национальности и желание обрести привилегии за счет других этнических групп, в Шотландии перестал быть актуальным. Дезинтегрирующий национализм сменился интегрирующим регионализмом, который отличается стремлением сохранить собственную культурную самобытность посредством политической регионализации. Таким образом, происходит поворот от национализма к регионализму. Нужно, однако, отметить, что развитие регионализма не означает исчезновение национализма. Напротив, национализм в Шотландии продолжает существовать как идеология, целью которой является создание собственного национального государства.

Одной из главных причин динамичного развития регионализма в Шотландии стало развитие регионализма вообще в Европе под влиянием процессов институционального и экономического развития ЕС. В середине XX в. ЕС делает шаг в направлении развития и поддержки европейских регионов, которые рассматриваются как возможные «союзники», нейтрализующие позиции национальных государств. Регионы становятся наряду с национальными государствами субъектами международной политики. В связи с этим растет роль регионов внутри национальных государств. Артикулируя свою самобытность и культурную идентичность, Шотландия в последней четверти XX в. все больше стала оказывать давление на Лондон. Такое давление выразилось в манифестациях самого разного толка. Одним из таких типов манифестаций являлись те, которые были направлены на усиление политических, институциональных и административных прав Шотландии. Особую роль в этих акциях сыграла Шотландская Национальная Партия.

Созданная в 1934 г. Шотландская Национальная Партия (далее – ШНП) стала первой серьезной региональной политической силой в Великобритании, однако долгое время оставалась в тени общенациональных партий и не имела институциональных возможностей для активного участия в политическом процессе вплоть до 1970-х гг. Именно изменение риторики ШНП и ее лидеров в течение XX в. хорошо демонстрирует динамику постколониального дискурса. Так, один из первых лидеров ШНП Роберт Макинтейр говорил, что *никогда не выразит лояльность лондонским партиям, «которые исторически угнетают политическую самостоятельность Шотландии»* [15] в тот момент, когда они предлагали ему спонсорство для занятия места в Парламенте Великобритании. Другой лидер ШНП Вильям Вульф однажды сказал, что *«Шотландия – это нация шотландцев; поэтому, чтобы выжить, народ должен вести себя как другие народы и взять на себя ответственность государственности, а не жить под историческим давлением Англии»* [28]. Однако, чем больше политических и институциональных выгод получала Шотландия, тем лояльнее стано-

вились шотландские власти по отношению к центру в контексте использования постколониальной риторики и заявлений о культурном угнетении.

В течение 1970-х гг. Шотландская национальная партия впервые получила место в палате общин на выборах 1970 г., а затем на выборах 1974 г. – уже 11 мест. Кроме того, в коалиции с шотландскими лейбористами они занимали 34 места. Это было приливом шотландского национализма. В 1979 г. состоялся первый референдум о деволюции Шотландии. Несмотря на лишь относительный успех, националистические настроения были сильны как никогда. Позже в 1988 г. в Шотландии был создан Шотландский Конституционный конвент, объединивший представителей различных партий, общественных движений и церквей. Нужно отметить, что 1980-е гг. были менее богаты на институциональные и административные преференции для Шотландии, чем предыдущая декада, что объясняется приходом к власти Консерваторов с жесткой централизованной политикой и строгому отношению к национализму.

Ранее неизвестные потенциальные националистические организации, нередко террористического толка, начали проявляться в 1970-е гг. все чаще: «Шотландский Легион», «Якобиты», «Клан Границы», «Организация Сто». Они дали имя известной исторической Декларации Арброта, заявив: «Пока 100 из нас остаются живыми, мы никогда не будем подчиняться английскому правлению» [23].

В 1970-е гг. на волне роста капиталовложений в экономику Шотландии ШНП обретает материальную, численную и, как следствие, политическую силу. Начиная с 1970-х гг. шотландский регионализм усиливается и стимулируется экономическими факторами. Шотландия, как и регионы других стран Европы, начинает осознавать свой экономический потенциал. На этом фоне культурные (преимущественно постколониальные) стимулы регионализма отходят на второй план, а вопросы экономической и ресурсной политики становятся определяющими. Именно в 1970-е гг. возникают манифестации регионализма, экономические и социальные по своему содержанию и нацеленные на решение проблем социального характера и усиление экономического благополучия региона. Открытие и разработка нефтяных месторождений в Северном море у берегов Шотландии получила отражение в националистическом лозунге «Это шотландская нефть» [23]. Не менее значимую роль для Шотландии в процессе переориентации и усиления региональной экономики сыграли иностранные инвестиции (преимущественно североамериканских и японских компаний). Иностранные инвестиции противостояли ресурсным амбициям Вестминстера, шотландский национализм подпитывало такое противостояние. Северное море севернее 55-й параллели могло бы находиться под шотландской юрисдикцией, что означало бы, что приблизительно 90% нефти Великобритании и запасы газа находились в пределах шотландских вод. Данные о возможности таких договоров были раскрыты совсем недавно (ранее были засекречены Вестминстером), и, хотя нефтедобыча не отошла в ведомство шотландских властей, они имели

огромный националистический рычаг давления [23]. Шотландцы придавали огромное значение «экономическому угнетению со стороны Вестминстера», что служило фактором усиления регионализма.

Что касается социального развития региона, то в данном случае тренд задавали сами шотландские политики. Лидер ШНП в 1970-е гг. Вильям Вульф кардинальным образом перестраивает политический курс партии. Он выпускает новый манифест «ШПН и Ты» [20], в котором делает упор на административную децентрализацию Шотландии и развитие сектора социальной политики в Шотландии. ШНП инициирует референдум по продвижению законопроекта о создании парламентской ассамблеи в Шотландии, который, однако, не увенчался успехом. Данное событие, по мнению самих шотландских националистов, вскрыло *доминирующий и угнетающий* характер союзного центра (в лице консервативного правительства, которое оказало давление на Шотландию) по отношению к регионам [16]. Тем не менее, это стало важным моментом в развитии шотландского регионализма.

Таким образом, подчеркнем, что главной особенностью второго периода взаимовлияния постколониального дискурса и регионализма является отделение политического регионализма от национализма. Политический регионализм в Шотландии в данный период развивается очень интенсивно, что позволяет приобрести выгоды для региона: расширение политических и административных полномочий, развитие институциональной системы региона, экономическое и социальное развитие. Такая тенденция регионального развития, оставляет за скобками политического курса культурную и историческую самобытность Шотландии, что закономерно. Шотландский регионализм, добившийся не только культурной, но и административной и политической автономии в Великобритании, фокусируется на более прагматичных целях – расширение политического влияния и экономическое и социальное сотрудничество. Поэтому постколониальный дискурс, использующий преимущественно культурную и историческую риторику, постепенно исчезает из дискурсивного поля шотландских политиков.

Третий период. Какая ситуация наблюдается в современной Шотландии? Для ответа на данный вопрос осуществлен краткий анализ нарративов официальных лиц региональной политической власти, сопряженных с крупными событиями в развитии регионализма и национализма в Шотландии. Это необходимо для того, чтобы показать отсутствие постколониального дискурса в официальном информационном пространстве шотландских властей. Выборка состоит из нескольких текстов: речи бывшего первого министра Шотландии и главы ШПН Алекса Салмонда (1997, 2007, 2013, 2014), первого министра Шотландии и главы ШПН Николы Старджен (2014) [7; 8; 9; 17; 19; 22; 24; 27].

В 1997 г., когда был создан региональный парламент в Шотландии, Алекс Салмонд в собственных речах затрагивал вопросы и артикулировал проблемы преимущественно экономического и социального характера. При этом, в речах

Салмонда конца 1990-х гг. еще можно обнаружить влияние постколониального дискурса. Так, например, говоря о ресурсных отношениях и налоговой политике в контексте регионализма лидер Шотландской национальной партии, говорит об угнетении со стороны союзного центра. Это угнетение, по его словам, носит экономический характер и нацелено на экономическое доминирование Англии, путем подавления и недопущения *«независимости Шотландии как убежища от бесчинств Тэтчеристской экономики...»*. Салмонд настаивает на том, что *«британское государство неизменно проводит экономическую политику в интересах богатых юго-восточных регионов и Лондона. Таким образом, Шотландия сейчас находится в угнетении...»* [8, 9, 23]. Однако, постколониальная риторика Салмонда серьезным образом отличается от риторики его предшественников образца 1930–1960-х гг. Салмонд не апеллирует напрямую к культурным составляющим, а актуализирует и подчеркивает экономический и социальный потенциал своего региона. Именно А.Салмонд повлиял на изменение политического курса националистических сил Шотландии, и, как следствие, на изменение дискурса регионализма. Это изменение можно характеризовать цитатой лидера ШНП – *«Я дал Шотландской национальной партии социально-демократическую идентичность»* [22].

Культурное наполнение регионализма в первой половине «нулевых» начинает вытесняться экономическим, административным и социальным [17, 19, 27]. Риторика лидера шотландцев об отношениях центра и региона в этот период практически не содержит отсылки к культурной самобытности и уникальности Шотландии: *«Я верю, что независимость Шотландии станет сильнейшим экономическим противовесом Лондону», «после независимости Шотландии, рост сильной экономической мощи на севере британских островов будет выгоден всем», и «Вестминстерская элита недалековидна, если хочет оставить Шотландию последней среди равных»* [7, 19].

Постколониальный дискурс в речах официальных лиц прослеживается лишь до конца XX в., а в XXI в. становится малозначимым и практически исчезает. В ходе третьего периода постколониальных дискурс теряет свое политическое содержание и направленность. Постколониальный дискурс в его публично-политическом измерении в современной Шотландии приобретает преимущественно маргинальный характер. В свою очередь, шотландский регионализм достигает максимальных успехов, а динамичный процесс шотландской деволюции является лишь подтверждением этого. При этом, значимым фактором развития регионализма становится идеология национализма, как подпитывающая идею о самостоятельном и суверенном государстве Шотландия.

Библиографический список

1. Вердери К. Куда идут «нация» и «национализм»? // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002.

2. *Русакова О. Ф.* Основные разновидности современных теорий политического дискурса: опыт классификаций. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politex.info/content/view/267/30/> (дата обращения: 05.04.2015).
3. *Муфф Ш.* К агонистической модели демократии // Логос. 2004. №2 (42).
4. *Муфф Ш.* Демократия в многополярном мире. [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/pdf/Prognosis/02_2009/3.pdf (дата обращения: 05.04.2015).
5. *Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. НЛО, 2013.
6. Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сб. статей / под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: НЛО, 2012.
7. Alex Salmond international media conference speech. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.snp.org/media-centre/news/2014/sep/alex-salmond-international-media-conference-speech> (дата обращения: 05.04.2015).
8. Alex Salmond's New Statesman lecture: full text. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newstatesman.com/politics/2014/03/alex-salmonds-new-statesman-lecture-full-text> (дата обращения: 05.04.2015).
9. Alex Salmond's resignation speech predicts change for Scotland. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-scotland-scotland-politics-30080314> (дата обращения: 05.04.2015).
10. *Crawford R.* The New Penguin Book of Scottish Verse, Harmondsworth: Penguin Books. 2000.
11. *Connell L.* Scottish nationalism and the colonial vision of Scotland. // Interventions: International Journal of Postcolonial Studies. 2004. №4.
12. *Finlay Richard J.* Independent and Free: Scottish Politics and the Origins of the Scottish National Party, 1918–1945, Edinburgh: JohnDonald Publishers. 1994.
13. *Keating M.* The new regionalism in Western Europe. UK 1998.
14. *Markusen A.* Regions: Economics and Politics of Territory. Rowman and Littlefield Publishers, 1987.
15. McIntyre Robert // Oxford Biography Index. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oxforddnb.com/index/59/101059442/> (дата обращения: 05.04.2015).
16. *Murkens J, Jones, P & Keating* Scottish independence – A Practical Guide. Edinburgh University Press. Edinburgh. М (2002)
17. Salmond's victory speech to MSPs. [Электронный ресурс]. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/scotland/6661885.stm (дата обращения: 05.04.2015).
18. *Smith G.* Scottish Literature: Character and Influence, London: Macmillan. 1919.
19. SNP conference - Nicola Sturgeon's speech: Politics Live blog. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theguardian.com/politics/blog/live/2014/nov/15/snp-conference-nicola-sturgeons-speech-politics-live-blog> (дата обращения: 05.04.2015).

20. SNP LEADERS 1934–Present. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.always-independent.com/snp-leaders-1934-present> (дата обращения: 05.04.2015).
21. The Devolution Debate This Century. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/special/politics97/devolution/scotland/briefing/c20scot.shtml> (дата обращения: 05.04.2015).
22. The moderniser: Alex Salmond's journey. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.renewal.org.uk/articles/the-moderniser-alex-salmonds-journey> (дата обращения: 05.04.2015).
23. Thomas T., Wälde W. Scotland's Oil Does it have a future? [Электронный ресурс]. URL: http://www.dundee.ac.uk/cepmlp/journal/html/Vol14/Vol14_5.pdf (дата обращения: 05.04.2015).
24. Tomorrow is the opportunity of a lifetime': Salmond receives rock star welcome at final Yes rally speech and vows to ensure the 'exclusion of southern power' forever. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2759697/Scotland-date-destiny-Salmond-insists-momentum-new-poll-puts-Yes-49.html#ixzz3WjSVaNt0> (дата обращения: 05.04.2015).
25. Weber V. Scottish, British, English, European Identities: A Literature Review. [Электронный ресурс]. URL: http://www.sociology.ed.ac.uk/youth/docs/v_weber_s_lit_rev.pdf (дата обращения: 05.04.2015).
26. Who feels Scottish? National identities and ethnicity in Scotland ESRC Centre on Dynamics of Ethnicity. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ethnicity.ac.uk/medialibrary/briefings/dynamicsofdiversity/code-census-briefing-national-identity-scotland.pdf> (дата обращения: 05.04.2015).
27. Why does Salmond make referendum speeches in England? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-28334577> (дата обращения: 05.04.2015).
28. William W. Politician and accountant. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.heraldsotland.com/comment/obituaries/william-wolfe-politician-and-accountant-1.1014705> (дата обращения: 05.04.2015).

POST-COLONIAL DISCOURSE AND SCOTTISH REGIONALISM

M. V. Grabevnik

Master Student, Perm State University

The article considers influence of the discourse of post-colonialism reproduced at the level of official regional power on the regional policy in modern Scotland.

In the second half of the 20th century Scottish politicians gradually rejected post-colonial discourse as a key aspect of regional political identity construction in favour of more neutral demands of regionalism. The purpose of this paper is to search for the reasons and factors of such a change. The rejection of post-colonial discourse was

caused by a shift of emphasis in regional policy from cultural aspects to economic and social targets. The article also shows stage-by-stage development of relationship between regionalism as a political policy and post-colonial discourse.

Keywords: discourse; regionalism; post-colonialism; Scotland; nationalism; region; cultural identity.

References:

1. *Verdery K.* Where are "nation" and "nationalism" going? // Nations and Nationalism. M.: Praksis, 2002. (In Rus.).
2. *Rusakova O. F.* Main kinds of modern theories of political discourse: experience of classifications. Available at: <http://www.politex.info/content/view/267/30/> (accessed 05.04.2015). (In Rus.).
3. *Mouffe Chantal* Towards the agonistic model of democracy // Logos. 2004. No. 2 (42). (In Rus.).
4. *Mouffe Chantal* Democracy in the multipolar world. Available at: http://www.intelros.ru/pdf/Prognosis/02_2009/3.pdf (accessed 5.04.2015). (In Rus.).
5. *Atkind A.* Internal Colonization: Russia's Imperial Experience. NLO, 2013. (In Rus.).
6. There, inside. Practices of internal colonization in cultural history of Russia: Collected articles / edit. by A. Etkind, D. Uffelman, I. Kukulin. M.: NLO, 2012. (In Rus.).
7. Alex Salmond's international media conference speech. Available at: <http://www.snp.org/media-centre/news/2014/sep/alex-salmond-international-media-conference-speech> (accessed 05.04.2015). (In English).
8. Alex Salmond's New Statesman lecture: full text. Available at: <http://www.newstatesman.com/politics/2014/03/alex-salmonds-new-statesman-lecture-full-text> (accessed 05.04.2015). (In English).
9. Alex Salmond's resignation speech predicts change for Scotland. Available at: <http://www.bbc.com/news/uk-scotland-scotland-politics-30080314> (accessed 05.04.2015). (In English).
10. *Crawford R.* The New Penguin Book of Scottish Verse. Harmondsworth: Penguin Books, 2000. (In English).
11. *Connell L.* Scottish nationalism and the colonial vision of Scotland // Interventions: International Journal of Postcolonial Studies. 2004. №4. (In English).
12. *Richard J.* Independent and Free: Scottish Politics and the Origins of the Scottish National Party, 1918–1945, Edinburgh: John Donald Publishers, 1994. (In English).
13. *Keating M.* The new regionalism in Western Europe. UK, 1998. (In English).

14. *Markusen A.* Regions: Economics and Politics of Territory. Rowman and Littlefield Publishers, 1987. (In English).
15. McIntyre Robert // Oxford Biography Index. Available at: <http://www.oxforddnb.com/index/59/101059442/> (accessed 05.04.2015). (In English).
16. *Murkens J. Jones, P & Keating M* Scottish independence — A Practical Guide. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2002. (In English).
17. Salmond's victory speech to MSPs. McIntyre Robert http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/scotland/6661885.stm (accessed 05.04.2015). (In English).
18. *Smith G.* Scottish Literature: Character and Influence. London: Macmillan, 1919. (In English).
19. SNP conference - Nicola Sturgeon's speech: Politics Live blog. Available at: <http://www.theguardian.com/politics/blog/live/2014/nov/15/snp-conference-nicola-sturgeons-speech-politics-live-blog> (accessed 05.04.2015). (In English).
20. SNP LEADERS 1934-Present. Available at: <http://www.always-independent.com/snp-leaders-1934-present> (accessed 05.04.2015). (In English).
21. The Devolution Debate This Century. Available at: <http://www.bbc.co.uk/news/special/politics97/devolution/scotland/briefing/c20scot.s.html> (accessed 05.04.2015). (In English).
22. The moderniser: Alex Salmond's journey. Available at: <http://www.renewal.org.uk/articles/the-moderniser-alex-salmonds-journey> (accessed 05.04.2015). (In English).
23. *Thomas T., W. Wälde* Scotland's Oil: Does it have a future? *Thomas T., W. Wälde* Scotland's Oil Does it have a future? http://www.dundee.ac.uk/cepmlp/journal/html/Vol14/Vol14_5.pdf (accessed 05.04.2015). (In English).
24. "Tomorrow is the opportunity of a lifetime": Salmond receives rock star welcome at final Yes rally speech and vows to ensure the "exclusion of southern power" forever. Available at: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2759697/Scotland-date-destiny-Salmond-insists-momentum-new-poll-puts-Yes-49.html#ixzz3WjSVaNt0> (accessed 05.04.2015). (In English).
25. *Weber V.* Scottish, British, English, European Identities: A Literature Review. Available at: http://www.sociology.ed.ac.uk/youth/docs/v_webers_lit_rev.pdf (accessed 05.04.2015). (In English).
26. Who feels Scottish? National identities and ethnicity in Scotland ESRC Centre on Dynamics of Ethnicity. Available at: <http://www.ethnicity.ac.uk/medialibrary/briefings/dynamicsofdiversity/code-census-briefing-national-identity-scotland.pdf> (accessed 05.04.2015). (In English).
27. Why does Salmond make referendum speeches in England? [Available at: <http://www.bbc.com/news/uk-28334577> (accessed 5.04.2015). (In English).
28. *William W.* Politician and accountant. Available at: <http://www.heraldscotland.com/comment/obituaries/william-wolfe-politician-and-accountant-1.1014705> (accessed 5.04.2015). (In English).

Историческая политология

УДК-329.12(470+571)

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ ВОПД «НАШ ДОМ – РОССИЯ» В 1995–1998 гг.

*Ю.А. Шакиров*¹

В статье рассмотрены основные этапы эволюции идеологических конструкций Всероссийского общественно-политического движения «Наш дом – Россия» в период трансформации политической системы Российской Федерации накануне второго электорального цикла по выборам в Государственную думу Федерального собрания II созыва. Автор обращает внимание на ослабление патриотических доминант, проявленных в партийных документах НДР в период рождения организации, уступившим свое место ярко выраженным либеральным концептам.

Ключевые слова: НДР; «Наш дом – Россия»; партия власти; политический центризм; политическая элита; формирование идеологии; либеральная партия.

Практически перед всеми политическими объединениями, получившими неформальный статус «партии власти» с 1993 г. стояли проблемы поиска идеологической идентичности. Изучение истоков, анализ шагов в этом направлении дают возможность проанализировать сильные и слабые стороны данного социального явления, каким является формирование идеологического лица политического субъекта.

В этой связи определенный интерес представляет развитие полноценной системы взглядов, лежавшей в основе деятельности Всероссийского общественно-политического движения «Наш дом – Россия» (ВОПД НДР или НДР) в начале его политического становления.

Вслед за распадом СССР политическая элита РФ предприняла несколько неудачных попыток формирования двухпартийной или двухблоковой системы представительных органов власти. Первая попытка организации двухпартийной системы произошла осенью 1993 г., когда были созданы предвыборный блок «Выбор России» и Партия Российского Единства и Согласия (ПРЕС). Вторая попытка создания двухпартийной системы была предпринята в 1995 г. на ос-

¹ Шакиров Юрий Анварович – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История, философия и культурология» Новомосковского института Российского химико-технологического университета им. Д. И. Менделеева. E-mail: gudosha@km.ru.

нове ВОПД НДР под руководством Председателя Правительства РФ В.С. Черномырдина и избирательного объединения «Блок Ивана Рыбкина», которое возглавил Председатель Государственной думы Федерального собрания I созыва И.П. Рыбкин.

Практически все исследователи данного периода склоняются к тому, что ВОПД НДР в политическом спектре занимало нишу «правого центра». Однако в определении его идеологической идентичности единой точки зрения нет. Так, например Ю.Г. Коргунюк и С.Е. Заславский, осторожно обозначили у движения «большую близость к либеральному флангу» [16]. О.П. Кудинов и Г.А. Шипилов отмечали, что их организация исповедует «идеологию, которую можно условно определить как либеральный консерватизм» [17, 26]. В свою очередь, О. П. Ганжаров, член Политсовета НДР в ноябре 1997 г., идеалом общественно-политического строя для России считал «демократический социализм» [9, 267].

Заместитель руководителя исполкома НДР В. Гребенников относил движение к идеологическому течению «разумного консерватизма», отмечая, что правоцентризм организации «...подразумевает разумное сочетание реформаторства и традиционного русского мышления, традиционных русских понятий об общественном устройстве» [10, 3].

Э.А. Попов обратил внимание на то, что в лице НДР российские либералы попытались осуществить идейную мимикрию с претензией на статус консерваторов, отметив, что в идеологии движения «нашли развитие некоторые положения программы ПРЕС» [20, 147–150]. Политолог М.В. Барабанов охарактеризовал движение как проправительственный блок «умеренной либеральной ориентации» [4].

Большинство исследователей объединяет эмпирический подход к проблеме анализа формирования идеологических концепций НДР в период рождения организации в 1995 г. до момента отставки с поста Председателя Правительства РФ В.С. Черномырдина в марте 1998 г.

Примером недостаточного понимания проблемы служит некорректное повышение политического статуса НДР в современных школьных учебниках. Так, например, в «Истории России. XX–начало XXI в.» для 9-го класса утверждается: «В 1995–2000 гг. авторитетным было движение «Наш дом – Россия», которое называли партией власти». Идеологическое место НДР авторы определить затруднились [11, 348].

Между тем для лучшего понимания вопроса следует проследить процесс эволюции идеологических парадигм НДР на конкретно-историческом фоне с привлечением правительственных, программных и агитационных документов этого времени,

В.С. Черномырдин 19 апреля 1997 г. на IV съезде ВОПД НДР в докладе «О социально-экономической и политической ситуации в стране и задачах движения» определил методологическую основу возглавляемой им «партии

власти»: «Любое серьезное политическое движение, любая партия всегда и везде имеют собственное идеологическое лицо. Но именно лицо, а не маску. У нас есть программа Движения, есть программа Президента и есть программа Правительства. Они дополняют друг друга, пересекаются во взаимных уточнениях и конкретизациях. Ибо все они — одного демократического и реформаторского корня» [26, 2–3].

Объединяя эти документы в единое идеологическое поле, следует иметь в виду ряд особенностей. Во-первых, в 1995–1997 гг. страна проходила сложный период формирования социально-экономических отношений на основе правовых норм новой Конституции РФ. Политические условия, предшествующие парламентским выборам 1995 г., когда была принята программа НДР, значительно отличались от положения дел, сложившихся в стране в период кампании по выборам Президента РФ в 1996 г. И уж тем более обстановка была иной, когда в марте 1997 г. Б.Н. Ельцин принял решение о реорганизации Правительства РФ. Во-вторых, следует учитывать, что юридический и общественно-политический статус этих документов был различен. В-третьих, весьма неоднородными по составу, социальному положению были субъекты политической жизни, выработавшие тексты этих программ.

Эти особенности не были в полной мере рассмотрены В.В. Журавлевым в фундаментальной работе «Политические партии России: история и современность». Справедливая критика внеисторических дефиниций, «лозунгово-декларативных энциклопедий благих намерений», содержащихся в Программе НДР, не учитывала процесс корректировки политической позиции руководства движения после 1995 г. [15, 546].

Движению НДР в соответствии с планами его создателей предполагалось на выборах в Государственную думу II созыва занять в политическом спектре страны нишу «правого центра». В свою очередь, «левый центр» должны были взять организации, вошедшие в избирательное объединение «Блок Ивана Рыбкина». Однако провалы в экономике, война в Чечне отталкивали людей от властного центра, и руководство НДР встретилось с проблемами формирования социальной базы и оформления идеологической позиции.

Уже на первом заседании Политсовета движения 24 июня 1995 г., прошедшем при участии членов Правительства РФ, А.Н. Шохин, возглавивший программную комиссию НДР, представил экономический блок проекта Программы, где организации предлагалось отойти от либеральной модели в экономике [1, 3].

12 августа на первом этапе II съезда НДР А.Н. Шохин заявил, что в политическом спектре НДР отказывается от правоцентристской ориентации и намерена отныне называться «движением широкого центра». Им же был сформулирован идеологический базис движения: «социальный государственный либерализм» [1, 1; 7, 1].

О «правильном осознании идеологии движения» говорил и В. С. Черномырдин. Решающая роль, по его мнению, должна отводиться формированию имиджа блока. Как инструмент агитации он предложил использовать визиты в школы, разнообразные публичные мероприятия при участии известных кинематографистов и видных актеров [6, 3].

Некоторые обозреватели, обращая на содержание проекта Программы, отмечали, что у организации есть много общего с Программой Правительства РФ «Реформы и развитие российской экономики в 1995–1997 гг.». В. Бородулин отметил даже текстуальное совпадение двух документов. Однако он же зафиксировал, что в проекте Программы авторы исходили из того, что либеральный этап реформирования экономики уже заканчивается и поэтому необходима принципиальная смена ориентиров. Вместо принципа «финансовой стабилизации» ставился новый «стержень реформ»: стимулирование накопления национального капитала. Кроме этого, говорилось и о «расширении поля прямого совпадения национальных интересов с интересами экономически активных субъектов», чего не было в правительственной Программе [7, 1].

Основная идея «структурной политики от НДР» заключалась в том, что сырьевые отрасли экономики могут стать зародышами «межотраслевых блоков», которые способны выступить в качестве локомотивов экономики, иными словами, движение обещает всеми силами способствовать образованию производственных цепочек от добычи ресурсов до их переработки.

Эти отличительные признаки проекта Программы были сохранены, когда на втором этапе II съезда ВОПД «Наш дом – Россия» 2–3 сентября 1995 г. документ был принят окончательно [23, 42–43].

Отказ от либеральной модели экономики и от правоцентристской ориентации НДР не был единодушным. Председатель Госкомимущества РФ С.Г. Беляев настаивал: «Я категорически не согласен с тем, что либеральный этап закончен. Либерализация экономики должна быть продолжена...» [22, 10.]

Отказ от монетаристской либерализации, поддержка идеи «национального накопления» и стимулирования эффективных инвестиций говорили, что НДР встал на сторону поддержки промышленного, национального капитала. Идея «сильного и эффективного государства», которая пронизывала всю Программу, была реакцией организации на социальный запрос общества, не принявшего «шоковой» терапии начала 1990-х гг.

В Программе содержались и противоречивые положения, позволившие экономисту М. Делягину охарактеризовать ее как «нагромождение разрозненных и неопределенных обещаний» [12, 7].

Эклектичность изложения заставила А.Н. Шохина в ноябре 1995 г. описать экономическую часть Программы в термине «социальный государственный либерализм». Раскрывая треугольник «государство – социальная сфера – либерализм», А.Н. Шохин объяснял, что оперировать

этими понятиями «нужно аккуратно и грамотно»: «Если акцент делать на государственности, то могут быть ущемлены права гражданина или субъекта рыночного хозяйства. То есть будет нанесен удар по либеральным ценностям. Упор на социальную ориентированность предполагает большие бюджетные расходы. А высокий дефицит бюджета подрывает представления населения о стабильности финансового положения в стране. Если забыть о социальной ответственности субъектов рынка и думать только о либеральных ценностях, мы в конечном итоге окажемся под прессом политического давления. Наша задача – так состыковать стороны треугольника, чтобы в результате получилась самая устойчивая, жесткая экономическая конструкция». По его словам, движение защищает «интересы представителей национального, банковского капитала, малого и среднего бизнеса, отечественных товаропроизводителей». Проведя аналогию между Программой НДР и программами зарубежных партий, А.Н. Шохин сказал: «Мы могли бы «быть в одной компании» с английскими консерваторами...». Отсутствие внятной идеологической позиции А.Н. Шохин попытался скрыть, якобы, центристской позицией движения: «Мы отказались от «ниши», предложенной президентом, который заявил, что НДР займет правоцентристские позиции, а блок Рыбкина – левоцентристские. По левую руку от нас стоят социал-демократы, по правую – либералы. Мы периодически наклоняемся то в одну, то в другую сторону» [28, 5].

К идеологическим наклонам НДР заставляло не только отвержение населением идеологии либерализма, но и общие позиции практически со всеми политическими объединениями, принявшими участие в выборах в Государственную думу Федерального собрания II созыва:

- отказ от шоковой терапии как метода осуществления экономических преобразований;
- усиление социальной ориентированности экономики;
- изменение роли и места государства в проведении экономической реформы;
- сохранение и развитие научно-технического потенциала страны, совершенствования управления производственным потенциалом и др. [16, 63].

Недовольство значительной части населения, вызванное резким разрывом в уровне доходов населения, определило ожидаемые итоги голосования для НДР в декабре 1995 г. Подавляющая часть граждан находилась за чертой бедности, а разрыв между ростом цен и доходами населения не только не сократился, но и увеличился. По итогам выборов в Госдуму II созыва победителем стала КПРФ. ВОПД «Наш дом – Россия» набрал всего лишь 10,13% голосов избирателей [8, 89–91].

Вторым документом, отнесенным В.С. Черномырдиным к идеологическому базису НДР, стала предвыборная Программа кандидата в Президенты РФ Б.Н. Ельцина «Россия: человек, семья, общество, государство (Программа действий на 1996–2000 гг.)» [13].

Связывая этот документ с формированием идеологией НДР, следует учитывать то, что создавалась она в условиях, когда весной 1996 г. в политике усилилось влияние нового слоя собственников, обогатившихся в результате первых волн приватизации. В организационном плане это усиление было оформлено усилением позиций А. Б. Чубайса в избирательном штабе Б.Н. Ельцина во время кампании по выборам Президента и отходом В.С. Черномырдина и Первого Заместителя Председателя Правительства РФ О.Н. Сосковца на второй план.

Б.Н. Ельцин в «Президентском марафоне» констатировал: «...аналитическая группа с Чубайсом во главе стала главным центром принятия всех политических решений» [14, 33].

Силами НДР в ельцинском штабе обеспечивалось только функционирование пресс-центра» [3, 3].

В предвыборном документе проблемы в экономике, тяжелое положение в той или иной сфере народного хозяйства Президент объяснял только с антисоветских позиций. Если в оценке прошлого в Программе НДР проявлялись константы патриотизма, то Б. Н. Ельцин обесмысливал советскую историю, рвал с традицией как с источником развития страны. «Движение вперед», по его мнению, были возможны только на основе соблюдения отдельных принципов, среди которых выделялся ряд либеральных концептов: сохранение гражданского мира, демократии, достижение общественного согласия, незыблемость основ конституционного порядка; стабильная, сильная и эффективная государственность; признание прав, свобод личности и приоритетов духовности и культуры; открытая экономика и т.д. Подводя итог первому разделу, Б. Н. Ельцин провозгласил: «Моя программа – это путь, на котором Человек, Семья, Общество и Государство обретут Свободу, Духовность, Здоровье, Процветание, Справедливость, Порядок и Защиту» [13, 3–6].

Содержательная часть документа открывалась обоснованием значимости главного либерального концепта «свобода» [13, 7].

Углубление либеральных установок ярко проявилось и в базовых, экономических положениях Программы. Проблемам развития экономики в документе была посвящена отдельная глава «Экономическое процветание», содержащая шесть статей: «Наведение порядка в экономике», «Налоговая реформа», «Бюджетная политика», «Инвестиционная программа и промышленная политика», «Развитие малого бизнеса» и «Аграрная реформа» [13, 54–65]. В Программе отсутствовала идея поддержки отечественного производителя. Старый промышленный менеджмент предполагалось отправить на вторые роли. Отныне в Программе объявлялось, что одним из главных направлений экономической реформы будет, прежде всего, финансовое управление на уровне предприятий. Акцент бюджетного финансирования должен был сместиться от реализации масштабных проектов к поддержке отдельных эффективно работающих предприятий [13, 60].

В центре внимания текста, посвященного экономике, стояли две монетаристские идеи: покрытие бюджетного дефицита и подавление инфляции. Только при выполнении этих двух условий, утверждала либеральная экономическая мысль, инвестиции пойдут в экономику, после чего и начнется расцвет промышленности. Эти либеральные положения разбирались подробно. Так, например, словосочетание «дефицит бюджета» упоминалось шесть раз. Преодолевать это явление предлагалось, в основном, традиционным способом: сокращение социальных программ. Интересно, что это явно противоречило всему содержательному пафосу документа, обещавшего профинансировать едва ли не все отрасли социальной сферы.

Вместе с сокращением социальных программ, достижению бездефицитного бюджета должны были помочь инвестиции от частных зарубежных источников и рынок Государственных краткосрочных облигаций (ГКО). Окончательной целью бюджетной политики объявлялось достижение к 2000 г. бездефицитного бюджета и создание бюджетной системы соответствующей лучшим мировым образцам [13, 58–59].

Инвестиции предполагалось пополнить в основном за счет зарубежных частных источников, в то время как НДР помышлял его сократить благодаря внутренним заимствованиям. Кроме того, если Программа движения предполагала сделать сырьевые отрасли экономики зародышами «межотраслевых блоков», «точками роста» экономики, то Программа Б. Н. Ельцина эту идею похоронила: «Исхожу из того, что не существует отраслей и подотраслей, которые могут быть «точками» или «очагами» роста, выделение «точек роста» может происходить на уровне отдельных предприятий или проектов» [13, 60]. В качестве источников роста Программа Б.Н. Ельцина видела только иностранные инвестиции. К 1998 г. общий поток капиталовложений в экономику предполагалось удвоить, создав при этом систему государственного стимулирования инвестиционного процесса. В сочетании с налоговой реформой планировалось получить мощный импульс в развитии высокотехнологичного и наукоемкого производства [13, 59–60].

О приватизации Программа Б.Н. Ельцина говорила весьма скупое. Лишь в недрах документа упоминалась некая «точечная приватизация» [13, 60], да в конце главы содержалось утверждение, что процесс приватизации «будет в целом завершен» [13, 65].

Президентские выборы подвели итог трансформации российского общества на основе новой Конституции РФ. Правящая верхушка установила полный контроль над средствами массовой информации, наладила машину манипулирования общественным мнением. Администрация Президента РФ и Правительство РФ, как органы исполнительной ветви власти, не были подотчетны никому. На политическую сцену вновь вернулся А.Б. Чубайс, что продемонстрировало установление власти сформировавшегося слоя новых собственников.

В 1996 г. термин «партия власти» с ВОПД «Наш – дом Россия» отождествлялся крайне редко. Отныне, вплоть до конца 1998 г., «партиями власти», журналисты, как правило, называли различные кланы, группировавшиеся вокруг фигуры Президента РФ.

В сложившейся системе политических отношений формальная «партия власти» «Наш дом – Россия» не пользовалась в обществе влиянием, но шансы для повышения авторитета в обществе и привлечения в свои ряды новых сторонников ещё сохранялись.

Движение имело шансы заявить о себе как о серьезной политической силе, влияющей на формирование социально-политической жизни регионов. На начало 1997 г. движение имело региональные организации в 83 субъектах Российской Федерации. В 1 880 организациях работало около 120 тыс. активистов [18, 18–19]. В аппарате движения работало 400 освобождённых работников. При участии НДР во время президентской выборной кампании в 75 регионах образовались коалиции демократических и центристских общественных организаций [18, 22].

В начале марта 1997 г. А.Н. Шохин отказывается от идеологемы «социальный государственный либерализм». На пресс-конференции 5 марта им был изложен план создания правоцентристской коалиции. В объединение предлагалось ввести движение Народных домов, возглавляемое бывшим Главой Администрации Президента С.А. Филатовым, движение «Реформы – новый курс», во главе с бывшим председателем Совета Федерации В.Ф. Шумейко. А.Н. Шохин не исключал возможности вхождения в коалицию партии «Демократический выбор России» и объединения «Яблоко» [19, 3].

15–16 марта руководство фракции НДР в Госдуме провело закрытое совещание. В ходе мероприятия его участники пришли к необходимости поддержки Правительства РФ в деле сокращения расходных статей бюджета, дотаций убыточным госпредприятиям и естественным монополиям, расходов на социальную сферу. В ходе обмена мнениями. А.Н. Шохин и С.Г. Беляев говорили о необходимости выработки четкой идеологии движения. Их заявления окончательно зафиксировали крах идеологемы «социальный государственный либерализм». Таким образом, руководство НДР высказалось в поддержку правительственной линии экономических реформ, заявленной А.Б. Чубайсом [25, 3].

31 марта 1997 г. Постановлением Правительства РФ была утверждена правительственная Программа «Структурная перестройка и экономический рост в 1997–2000 гг.» [24]. Содержательная часть этой Программы примечательна тем, что в ней с критических позиций рассматриваются итоги деятельности Правительства на основе реализации Программы «Реформы и развитие российской экономики в 1995–1997 гг.». Не было и намека на увязку провалов в экономике с наследием «тоталитарного режима». Из успехов авторы документы выделили только то, что «...существенно сокращена инерция спада объемов

производства продукции (работ, услуг), инфляция стабилизировалась на низком уровне, приостановлено снижение уровня жизни населения, а также его имущественная дифференциация». Как положительный фактор развития рассматривались либерализация и открытость российской экономики [24, 5].

К успехам было отнесено «формирование основ» для финансовой стабилизации и «относительной стабилизации уровня жизни». С положительной стороны оценивались замедление роста цен на основные потребительские товары, сокращение темпов роста величины прожиточного минимума и то, что размер среднемесячной пенсии на 16% превышает прожиточный минимум пенсионера. После подведения баланса достижений делался вывод: «По существу полностью решена лишь одна из поставленных задач – снижение инфляции».

Основной, причиной трудностей в экономике, разработчики Программы называли «незавершенность системных рыночных преобразований, в результате чего потенциал рыночной экономики во многом еще не раскрылся» [24, 6–7]. Из этого вывода вытекало предложение о проведении структурной перестройки экономики решительными методами.

Однако авторы Программы оговорились, что структурная перестройка экономики, составляющая главное содержание нового этапа преобразований, охватит продолжительный период и выйдет за срок действия этой Программы. К 2000 г. обещался устойчивый экономический рост, рост инвестиций, институциональные преобразования, гарантии прав собственности, справедливая конкуренция, регулирование естественных монополий, укрепление законности и правопорядка, прогрессивные структурные сдвиги в производстве и экспорте, «рост реальных доходов и потребления населения, существенное продвижение в борьбе с бедностью» [24, 22]. Этих целей предполагалось достичь только в результате быстрых реформ на основе монетаристских методов, предусматривавших целый комплекс радикальных мероприятий, которые необходимо было провести до конца 1997 г. и в течение 1998 г. Среди них было проведение налоговой реформы, введение упрощенной системы налогообложения малого бизнеса, принятие бюджета «с существенно уменьшенным дефицитом», введение системы страхования банковских депозитов как условия роста вкладов в банки. В отличие от «точечной приватизации», которую Б.Н. Ельцин провозглашал в предвыборной Программе, предполагалось осуществить полномасштабную приватизацию через продажу государством остаточных государственных пакетов акций. В сфере ЖКХ предполагалось добиться в большинстве регионов полной оплаты населением текущих затрат по содержанию жилья и существенного сокращения дотаций [24, 26]. Красной нитью через всю программу проходил экономический концепт либерализма – конкуренция. Утверждалось, что достижение программных целей экономического развития и переход к стадии экономического роста возможны только при обеспечении развития полноценной конкурентной среды. Начиная реализацию с 1998 г. этих ры-

ночных мероприятий, предполагалось, что темпы прироста внутреннего валового продукта с 2000 г. составят около 5% [24, 220].

Следует отдельно отметить, что этот «третий кит» идеологии НДР, при осуществлении ряда проектов, базировался, как утверждалось в тексте этой Правительственной Программы, «на передовом опыте многих стран мира». В этом отношении она радикально отличалась от установок Программы НДР, принятой двумя годами ранее, предполагавших учитывать «национальные традиции», «традиции народа» и «опыт прошлого».

Поддержка правительственной Программы подчеркнула справедливость мысли известного марксиста А.А. Богданова о взаимосвязи экономики с идеологией: «В «хозяйственном плане» необходимой частью оказывается «план идеологический». Да и может ли быть иначе, если «хозяйственный», как и всякий вообще «план», есть сам по себе *идеологическое построение*, продукт тех или иных *методов мышления* и если путь к реализации плана идет всецело через развитие классового сознания, т.е. оформленной *классовой идеологии*» [5, 308].

Совершенно не случайно на IV съезде ВОПД НДР помимо общих вопросов, был поставлен вопрос о подготовки новой редакции Программы НДР. Развивая эту тему, А.Н. Шохин заявил, что базовые принципы, содержащиеся в действующей Программе, останутся без изменений. К этим принципам он отнес только концепты либеральной идеологии:

- приоритет ценностей гражданского общества, прав и свобод личности, институтов и инструментов рыночной экономики;
- социально ориентированная рыночная экономика и создание условий для позитивной социальной динамики для всех групп населения, для всех регионов;
- создание сильного государства, которое позаботилось бы о правах и свободах личности, о договорах, контрактах, о защите предпринимательства в условиях рыночной экономики;
- развитие федерализма, в том числе бюджетного и т.д.

А. Н. Шохин подчеркнул, что эти либеральные, «базовые понятия, фундаментальные положения Программы оставались в тексте Программы», а изменения в Программе должны касаться только выработки «конкретных механизмов и инструментов достижения этих целей» [29, 3].

Итоги IV съезда не дали импульса к повышению авторитета НДР в обществе. Ослабление политических позиций В. С. Черномырдина после реорганизации Правительства РФ в марте 1997 г. сказалось на положении движения. В августе 1997 г. покинул ряды движения и ушел с поста руководителя фракции «Наш дом – Россия» в Государственной думе С.Г. Беляев. В сентябре того же года из НДР вышел генерал Л. Я. Рохлин – третий номер в общенациональном списке движения на выборах в Госдуму.

25 апреля 1998 г., спустя месяц после отставки В.С. Черномырдина, состоялся V съезд движения «Наш дом – Россия». На форуме вновь был поднят вопрос о подготовке Программы. В Программе в качестве основных ценностей предполагалось закрепить: индивидуальную свободу и инициативу граждан; незыблемость всех прав человека, включая право собственности; безусловное исполнение законов; проведение эффективной социальной политики. ВОПД НДР вновь предполагало сохранить в основе своих идеологических принципов концепты либеральной идеологии [21].

Однако реализовать эти положения как «партии власти» НДР уже не было суждено. Осенью 1998 г. организация вступила в период полураспада. 28 декабря В.С. Черномырдин встретился с Ю.М. Лужковым, лидером движения «Отечество». В конце встречи лидер НДР сообщил, что готов уступить «Отечеству» титул «партия власти». А затем грустно добавил: «Если Юрий Лужков убережет возглавляемое им движение «Отечество» от титула «партия власти», то «это будет высший класс»...» [27, 3].

Таким образом, положение о ВОПД «Наш дом – Россия» как о центристской и консервативной организации требует уточнения. Создатели движения в период конструирования «право-левого» центра весной 1995 г. планировали для него правоцентристскую ориентацию. Отсутствие ниши в политическом спектре заставило ВОПД НДР и «Блок Ивана Рыбкина», следуя за настроениями электората, маневрировать, искать социальную опору на левом фланге. В этих политических условиях «Наш дом – Россия» вынужденно становился конкурентом своих коллег. Узость идеологического маневра, ограниченность социальной базы привели к борьбе двух «партий власти». НДР, отказавшись от правоцентристской ориентации, заявила о себе как о политическом «движении широкого центра», сформулировав новый идеологический базис – «социальный государственный либерализм»

В идеологических концептах движения вплоть до марта 1997 г. переплелись традиционно-консервативные установки и либеральные концепты. Организация выступала за национально-ориентированную экономику, укрепление государственных начал в других сферах общественно-политической жизни, признании выдающейся роли СССР в истории страны. Помимо этого движение отстаивало курс на развитие свободных рыночных отношений, многопартийность, приватизацию, построение гражданского общества и правового социального государства.

На протяжении 1996–1997 гг., когда в стране четко обозначились контуры правящей политической элиты, своего рода «олигархическая власть», патриотические доминанты, проявленные в партийных документах НДР в период рождения организации, уступили свое место ярко выраженным либеральным концептам. Весной 1997 г. организация прочно заняла нишу «правого центра». Впрочем, личные политические убеждения, идеологические установки членов НДР равным счетом не имели никакого значения. Движение находилось в по-

литической изоляции, его сотрясали внутренние конфликты, а на «левом» фланге прочно обосновалась КППРФ. Поэтому дрейф к «своим истокам» был вынужденным. Лишь в 1999 г., когда на смену А.Н. Шохину придет новый идеолог движения В.А. Рыжков, провозгласивший концепцию «просвещенного консерватизма», можно вести дискуссию о консервативной ориентации движения. Однако это уже выходит за рамки исследования, а уход В.С. Черномырдина с поста Председателя Правительства РФ означал потерю НДР неформального титула «партии власти».

Библиографический список

1. *Архангельская Н.* «Наш дом» распахнул двери для всех желающих // *Коммерсантъ*. 1995. 27 июня. С. 3.
2. *Архангельская Н.* Премьер Черномырдин позвал Россию в даль светлую // *Коммерсантъ*. 1995. 15 августа. С. 1.
3. *Архангельская Н.* Организаторы, доверенные лица и имиджмейкеры // *Коммерсантъ*. 1996. 26 апреля. С. 3.
4. *Барабанов М. В.* Партии и многопартийность в современной России: возникновение, основные тенденции развития. М., 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://uchebnik-besplatno.com/uchebnik-teoriya-politiki/nash-dom-rossia.html> (дата обращения: 22.04.2015).
5. *Богданов А. А.* Вопросы социализма // *Вопросы социализма: работы разных лет*. М.: Политиздат, 1990. С. 308.
6. *Бовт Г., Демина Л., Жихарев С., Калашикова Н.* Власти не стесняются – за нее борются // *Коммерсантъ*. 1995. 16 августа. С. 3.
7. *Бородулин В.* Партийная жизнь (экономика) / *Экономический курс НДР: 90 градусов от Белого дома* // *Коммерсантъ*. 1995. 15 августа. С. 1.
8. *Выборы депутатов Государственной Думы*. 1995. Электоральная статистика. М., 1996. С.89–91.
9. *Ганжаров О. П.* Россия на пороге третьего тысячелетия: от коммунистической трагедии к коммунистическому фарсу // *Собрание сочинений*. Т. 2. Новосибирск: Издательство «Риф + ». 2000. С. 267.
10. *Гребенников В.* Партийные кресла Правительству не нужны. Дом и Отечество. 1997. 6–14 марта. С. 3.
11. *Данилов А.А., Косулина Л.Г., Брандт М.Ю.* История России. XX–начало XXI века. 9 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений. М., 2013. С. 348
12. *Деягин М.* Программа НДР –выбор экономической стратегии // *Коммерсантъ*. 1995. 22 августа. С. 7.
13. *Ельцин Б. Н.* Россия: человек, семья, общество, государство (Программа действий на 1996–2000 годы). М., 1996.
14. *Ельцин Б. Н.* Президентский марафон М.: АСТ., 2006. С. 33.

15. Журавлев В.В. Феномен многопартийности в современной России. В кн.: Политические партии России: история и современность. / Под ред. проф. А. И. Зевелева, проф. Ю. П. Свириденко, проф. В. В. Шелохаева. М., 2000. С. 546.
16. Зотова З. М. Предвыборная программа основной ресурс избирательной кампании. М.: РЦОИТ. 2001. С. 63.
17. Коргунок Ю. Г., Заславский С. Е. Российская многопартийность: становление, функционирование, развитие. М.: Фонд ИНДЕМ, 1996 [Электронный ресурс]. URL: http://www.partinform.ru/ros_mn/gm_7.htm (дата обращения: 23.04.2015).
18. Кудинов О. П., Шипилов Г. А. Диалектика выборов. М., 1997.
19. «Наш дом – Россия» собирается объединять демократов // Коммерсантъ. 1997. 6 марта. С. 3.
20. Попов Э. А. Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та. 2005. С. 147–150.
21. Постановление V Съезда Всероссийского общественно-политического движения «Наш дом – Россия» «О задачах Всероссийского общественно-политического движения "Наш дом – Россия" в связи с подготовкой к выборам в Государственную Думу Российской Федерации в 1999 году». [Электронный ресурс]. URL: <http://socarchive.narod.ru/bibl/partii/ndr/doc/post5.htm> (дата обращения: 23.04.2015).
22. Программа НДР – Интервью // Коммерсантъ. 1995. 22 августа. С. 10.
23. Программа Всероссийского общественно-политического движения «Наш дом – Россия» / Утверждена Вторым съездом Движения 2 сентября 1995 г. М., 1995. С. 42–43.
24. Программа Правительства РФ «Структурная перестройка и экономический рост в 19972000 годах». М., 1997.
25. Трегубова Е. НДР в партию / Генеральная уборка в «Нашем доме» // Коммерсантъ. 1997. 18 марта. С. 3.
26. Черномырдин В.С. «Согласие в обществе во имя развития» / Доклад Председателя Совета движения Виктора Черномырдина на IV съезде НДР «Согласие в обществе во имя развития». Дом и Отечество. 1997. 26 апреля - 4 мая. С. 2-3.
27. Черномырдин и Лужков / Встретились. Ну и, пожалуй, все... // Коммерсантъ. 1998. 29 дек. С. 3.
28. Шохин А.Н. Главный экономический идеолог НДР Александр Шохин о программе партии // Коммерсантъ. 1995. 25 нояб. С. 5.
29. Шохин А.Н. «О новой редакции программы движения «Наш дом Россия» / Из выступления Александра Шохина, первого заместителя председателя Госдумы, заместителя Председателя НДР // Дом и Отечество. 1997. 5–11 мая. С. 3.

**THE FORMATION OF THE IDEOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE
ALL-RUSSIAN SOCIAL POLITICAL MOVEMENT
«OUR HOME – RUSSIA» IN 1995-1998**

Yu.A. Shakirov

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History,
Philosophy and Cultural Studies, Novomoskovsk Institute of D. Mendeleev
University of Chemical Technology of Russia

The article considers the main stages of the evolution of ideological constructs of the all-Russian social political movement "Our home - Russia" during the period of transformation of the political system of the Russian Federation shortly before the second electoral cycle of the elections to the State Duma of the Federal Assembly of the second convocation. The author draws attention to weakening of patriotic dominants, manifested in the OHR party documents in the period of the party's initiation, which were substituted with distinctively liberal concepts.

Keywords: OHR; «Our home – Russia»; party of power; political centrism; political elite; formation of ideology; liberal party.

References:

1. *Arkhangelskaya N.* «Our home» opened its doors to all comers // *Kommersant*. 1995. June 27. P. 3. (In Rus.).
2. *Arkhangelskaya N.* Prime Minister Chernomyrdin called Russia to bright future // *Kommersant*. 1995. August 15. P. 1. (In Rus.).
3. *Arkhangelskaya N.* The organizers, agents and imagemakers // *Kommersant*. 1996. April 26. P. 3. (In Rus.).
4. *Barabanov M. V.* Party and multiparty system in modern Russia: emergence, basic tendencies of development. Moscow, 2011. Available at: <http://uchebnik-besplatno.com/uchebnik-teoriya-politiki/nash-dom-rossia.html> (accessed: 22.04.2015). (In Rus.).
5. *Bogdanov A. A.* Questions of socialism // *Problems of socialism: works of different years*. Moscow: Politizdat, 1990. P. 308. (In Rus.).
6. *Bovt G., Demina L., Zhikharev S., Kalashnikova N.* Power is not being ashamed of – it if fought for // *Kommersant*. 1995. August 16. P. 3. (In Rus.).
7. *Borodulin V.* Party life (Economics) / Economic course of OHR: 90 degrees from the White house // *Kommersant*. 1995. August 15. P. 1. (In Rus.).
8. *Chernomyrdin V. S.* «Harmony in the society for the sake of development» / Report of the Chairman of the Council of the Movement Viktor Chernomyrdin at the IV Congress of the OHR. Home and Motherland. 1997. 26 April - 4 May. P. 2-3. (In Rus.).

9. Chernomyrdin and Luzhkov / Met. And, perhaps, that's all... // Kommersant. 1998. December 29. P. 3. (In Rus.).
10. Danilov A. A., Kozulina L. G., Brandt, M.Y. History of Russia. XX - early XXI century. 9 class. Textbook for general educational institutions. Moscow, 2013. 348 p. (In Rus.).
11. Delyagin M. The Programme of the OHR is selection of economic strategy // Kommersant. 1995. August 22. P. 7. (In Rus.).
12. Elections of deputies of the State Duma. 1995. Electoral statistics. Moscow, 1996. (In Rus.).
13. Ganzharov O. P. Russia at the turn of the third Millennium: from the Communist tragedy to Communist farce. Collected works. Vol. 2. Novosibirsk: «Rif +». 2000. (In Rus.).
14. Grebennikov V. The Party chairs are not needed for the Government. Home and Motherland. 1997. 6-14 March. P. 3. (In Rus.).
15. Korgunyuk Yu. G., Zaslavsky S. E. The Russian multi-party system: formation, functioning, development. Moscow, 1996. Available at: http://www.partinform.ru/ros_mn/rm_7.htm (accessed: 23.04.2015). (In Rus.).
16. Kudinov O. P., Shipilov G. A., The dialectics of elections. Moscow, 1997. P. 26. (In Rus.).
17. «Our home – Russia» is going to unite Democrats // Kommersant. 1997. March 6. P. 3. (In Rus.).
18. Popov E. A. Russian conservatism: ideology and socio-political practice // Rostov-on-Don, 2005. P. 147-150. (In Rus.).
19. The Program of all-Russian social political movement «Our home – Russia» / Approved by the Second Congress of the Movement September 2, 1995 Moscow, 1995. P. 42-43. (In Rus.).
20. Shokhin A. N. The main economic ideologist of the OHR Alexander Shokhin about the party // Kommersant. 1995. November 25. P. 5. (In Rus.).
21. Shokhin A. N. «On the new version of the programme of the movement "Our home - Russia"» // From report of Alexander Shokhin, first Deputy Chairman of the State Duma, Deputy of the Chairman of the OHR. // Home and Motherland. 1997. 5-11 may. P. 3. (In Rus.).
22. The resolution of the fifth Congress of the all-Russian social political movement «Our home – Russia» «The tasks of the all-Russian social political movement "Our home – Russia" in connection with the preparations for the elections to the State Duma of the Russian Federation in 1999». Available at: <http://socarchive.narod.ru/bibl/partii/ndr/doc/post5.htm> (accessed: 23.04.2015). (In Rus.).
23. The OHR programme - Interview // Kommersant. 1995. 22 August. P. 10. (In Rus.).
24. The programme of the Government of the Russian Federation « The structural reorganization and economic growth in 1997-2000». Moscow, 1997. (In Rus.).

25. *Tregubova E.* OHR to the party / General cleaning in «Our home» // *Kommersant*. 1997. March 18. P. 3. (In Rus.).
26. *Yeltsin B. N.* Russia: a man, family, society, state (Programme of action 1996-2000) / B. N. Yeltsin. Moscow, 1996. (In Rus.).
27. *Yeltsin B. N.* Presidential marathon. Moscow, 2006. 33 p. (In Rus.).
28. *Zhuravlev V. V.* The phenomenon of multi-party system in modern Russia // *Political parties of Russia: history and modernity* / ed. by prof. A. I. Shevelev, prof. Y. P. Sviridenko, prof. V. V. Shelokhaev. Moscow, 2000. P. 546. (In Rus.).
29. *Zotova Z. M.* Electoral programme is the main resource of an election campaign. Moscow, 2001. 63 p. (In Rus.).

УДК-323

ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

*А.В. Сулейманов*¹

В статье рассматривается эволюция государственно-политической системы Турецкой Республики после ее возникновения в 1923 г. Автором приводится характеристика деятельности наиболее влиятельных партий, а также подробно раскрываются особенности функционирования политических систем в разные исторические периоды развития турецкого государства и степень их влияния на конституционное устройство страны.

Ключевые слова: Турция; политические партии; государственное устройство; конституция; парламент.

Основы государственного устройства и политической системы Турецкой Республики были заложены практически сразу же после ее провозглашения в 1923 г., обусловленного победой национально-освободительного движения во главе с Мустафой Кемалем Ататюрком в войне за независимость. В дальнейшем, в связи с изменением политической конъюнктуры, основы государственного строя периодически пересматривались, а в конституции вносились соответствующие изменения.

Первым основным законом турецкого государства стала Конституция 1924 г., которая гласила, что «суверенитет неограниченно принадлежит народу» и создавала такую структуру управления, при которой законодательная, а также фактически исполнительная власть были сосредоточены в руках однопалатного парламента – Великого Национального Собрания Турции (ВНСТ). ВНСТ получал полномочия на четырехлетний период и в дальнейшем избирал на тот же срок президента, являвшегося главой государства, который, в свою очередь, назначал премьер-министра и правительство. Наряду с этим конституция провозглашала независимость судебной системы и гарантировала естественные права и свободы граждан [12, 85].

Политическая система того времени также обладала рядом особенностей. Во-первых, огромную роль на процесс принятия политических решений оказывал Ататюрк, который был президентом вплоть до своей смерти в 1938 г. Во-вторых, Республиканская Народная Партия (РНП) играла организующую и

¹ Сулейманов Алим Видадиевич – кандидат политических наук, доцент кафедры восточных языков и лингвокультурологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. E-mail: alim-suleymanov@mail.ru.

© Сулейманов А.В., 2015

консолидирующую для авторитарного по своему характеру политического режима. С самого начала РНП выдвинула программу укрепления национального светского государства, основанного на народной сплоченности, высокой степени государственного регулирования экономики, всесторонней борьбе за подлинную независимость. На первых выборах в ВНСТ депутаты от РНП занимали практически все места в парламенте, а ее лидеры – М. Кемаль и Исмет Инёню избирались на высшие государственные посты.

Господство РНП подкреплялось также постоянными политическими репрессиями в отношении своих конкурентов: от прямых запретов на деятельность различных движений (как левых, так и, в особенности, право-исламистских) до повседневногo цензурного, полицейского контроля [3, 237]. Были запрещены Прогрессивно-республиканская партия, образованная в ноябре 1924 г. после выхода из РНП сторонников сближения с западными странами [11], а позже в августе 1930 г. и ее преемница Республиканская Свободная Партия, отстаивавшая более либеральный, чем РНП, экономический курс и предлагавшая отказаться от государственного регулирования экономики [9].

Однако уже к середине XX в. в политической жизни турецкого государства происходят бурные изменения, обусловленные началом создания новых партий и их активным участием во внутриполитических процессах в стране. Так, в 1946 г. четверьмя политическими деятелями, исключенными из РНП, была основана Демократическая партия. Вскоре, следуя их примеру, общественные группировки левого толка создали Турецкую социалистическую партию рабочих и крестьян, которая была практически сразу же запрещена.

Изменению подверглась и Демократическая партия, которая распалась на две части. Ряд ее членов, преимущественно депутаты ВНСТ, проявившие наибольшую решимость в борьбе с правительством, основали в 1948 г. свою политическую организацию – Национальную партию. Лидером Национальной партии стал бывший начальник Генерального штаба маршал Ф. Чакмак [7].

РНП и Национальная партия играли решающую роль в политической борьбе, которая велась тогда в Турции. Причем в эти годы также возросло и число общественных организаций. Причиной этого был принятый ВНСТ Закон о союзах, на основе которого стали создаваться политические партии, профессиональные союзы и религиозные организации.

В целом же в период между 1945 и 1950 гг. в стране возникло 27 политических партий и общественных организаций под самыми различными наименованиями. Большинство из них защищали интересы крупной и мелкой буржуазии, чиновничества, а также интеллигенции. Однако реальной силой обладали только две вышеназванные партии. Одновременно расширялась антикоммунистическая пропаганда, закрывались все сколько-нибудь передовые газеты и журналы, прогрессивные деятели преследовались [4, 29]. Данное обстоятельство обусловило развитие протестных настроений в турецком обществе, привед-

ших в дальнейшем к вмешательству военных, стремившихся сохранить политические реформы Ататюрка.

Вследствие свержения армией правительства в мае 1960 г. под предлогом злоупотребления властью Демократической партией, победившей на выборах и правившей с 1950 г., а также с целью отстранения от власти правительство А. Мендереса, развернувшего борьбу с идеями кемализма, начала закладываться новая система государственной власти в Турции.

Новая конституция, одобренная на всенародном референдуме 9 июля 1961 г., содержала несколько важных положений. Она существенно изменила государственную систему страны, жестко был проведен принцип разделения властей, установлены значительные гарантии гражданских свобод, включая свободу убеждений, печати и публичных выступлений. ВНСТ становился двухпалатным (с использованием американского и французского конституционного опыта). Национальная палата состояла из 450 депутатов, избираемых гражданами на четырехлетний срок. Верхняя палата, Сенат, состоял из 150 депутатов, избираемых на 6 лет с ротацией на 1/3 каждые два года. Для депутатов устанавливались повышенные цензы пассивного права. Законодательные права палат были практически равными. Вместе с тем были значительно укреплены позиции исполнительной власти – президента и, в особенности, правительства. Для обеспечения высшей силы Конституции вводился Конституционный суд, с правами контроля за правовым содержанием законов.

Несмотря на вмешательство военных, турецкая политическая система не стала более устойчивой. В 1961 г. на основе всеобщих выборов на политическую арену вступили новые партии – Крестьянская Республиканская Национальная Партия (КРНП), Партия «Новая Турция», а также Партия справедливости, одержавшая в самом начале своей деятельности немалую победу, получив на выборах почти 35% голосов, всего на несколько процентов меньше, чем Республиканская Народная Партия [16].

В целом же выборы не принесли решающей победы ни одной из партий. Было сформировано коалиционное правительство, в которое вошли как члены РНП, так и представители Партии справедливости. По вопросам внутренней политики особых разногласий внутри правительства не было: обе партии отстаивали интересы одного и того же класса – буржуазии.

Однако и приход к власти буржуазных партий не вернул стране политическую стабильность. Экономическое положение оставалось неблагоприятным, росла безработица, углублялся аграрный кризис. В этой обстановке внутри коалиционного правительства наметились разногласия, в результате которых после года сотрудничества представители Партии справедливости вышли из его состава. Кроме того, в 1960-е гг. усилилось формирование националистических партий. Так, на выборах 1965 г. кроме КРНП была представлена также Национальная Партия во главе с О. Бёлюкбашем, набравшая 2,2% голосов избирате-

лей. Позже в 1969 г. после закрытия КРНП была создана Партия Национального Действия (ПНД), существующая по сей день [6].

Сложившийся политический баланс не устраивал военных. Определенные круги в армии считали, что задачи «революции 1960 г.» не решены и не решаются. Радикально настроенные офицеры кемалистского толка дважды предпринимали попытки нового военного переворота – в 1962 и в 1963 гг., закончившиеся провалом. Участники майского переворота 1960 г. сожалели, что слишком быстро передали власть в руки гражданских лиц и тем самым погубили все реформы, которые они считали необходимыми осуществить. По их мнению, реформы нужно было провести, пока власть оставалась в руках военных, и лишь позднее перейти к парламентским формам правления.

В 1971 г. военные вновь вмешались в политику, надеясь подавить столкновения левых и правых сил, а также выступления студентов и рабочих, вызванные как экономическими проблемами (ростом безработицы, повышением налогов, ростом цен на товары и услуги), так и желанием отстоять свои гражданские права и политические взгляды (независимость Турции от США и НАТО, ликвидацию иностранных военных баз и др.) [5]. В Конституцию 1961 г. были внесены поправки, ограничивавшие политические свободы и права граждан. Было введено чрезвычайное положение, действовавшее до октября 1973 г. Однако ожесточенная борьба политических партий за власть, нарастание право-консервативной оппозиции и правого экстремизма в стране в условиях кризиса государственной экономики и новых внешнеполитических проблем снова привели к общегосударственному кризису и последующему в сентябре 1980 г. очередному военному перевороту и объявлению чрезвычайного положения.

После военного переворота 1980 г. года Великое Национальное Собрание было распущено, запрещена деятельность политических партий, а депутаты были отстранены от участия в политической жизни страны. Только с принятием конституции 7 ноября 1982 г. и закона «О политических партиях» 22 апреля 1983 г., началось, по сути, заложение современной политической и государственной системы Турецкой Республики.

В первых двух статьях Конституция 1982 г. провозглашала Турцию республикой, а также демократическим, светским и социально-правовым государством. Основой государственной системы был объявлен принцип разделения властей, однако специально было отмечено, что под этим понимается не иерархия власти, а распределение функций [3, 238].

Кроме того, нынешняя Конституция 1982 г. провозгласила длинный перечень гражданских и политических прав, которые могли быть ограничены в случае необходимости защиты «национальной безопасности», «единства государства» и «общественной нравственности». Правительству предоставлялось право вводить чрезвычайное или военное положение. Конституция предусматривала всенародные выборы однопалатного парламента, которому предоставлялась вся полнота законодательной власти, право назначать премьер-министра

и формировать Совет министров, ответственный перед ВНСТ, а также создавать Конституционный суд. Президенту, избираемому Великим национальным собранием сроком на 7 лет, вручались большие полномочия по исполнительной линии и право вето на законодательные акты [13].

Законодательной властью, не подлежащей передаче, как и прежде, наделялось Великое Национальное Собрание Турции, которое было призвано представлять интересы турецкого народа и действовать от его имени. При этом численность ВНСТ, по сравнению с Конституцией 1961 г., увеличивалась до 550 депутатов, избираемых сроком на 5 лет на основе всеобщего избирательного права [8].

Наряду с этим, особое внимание было уделено также и положению о политических партиях. В Конституции от 1982 г. прямо указывалось, что: «Политические партии являются необходимым элементом демократического общества, их деятельность и порядок формирования регулируется настоящим законом». В законе «О политических партиях» также отмечалось, что: «Граждане имеют право создавать политические партии, которые могут быть сформированы свободно, без предварительного разрешения» [10].

После принятия конституции государственная жизнь в Турции вышла на новый уровень политической борьбы. На основе проведенного в 1984 г. референдума был отменен запрет на деятельность политических партий. Старые партии окончательно распались. Среди новых партий наибольшее значение приобрела Партия Отечества (1983 г.), выступающая против чрезмерного авторитаризма, но вместе с тем за сохранение высокой регулирующей роли государства и преимущественно государственной экономики. Партия верного пути (1983 г.) отличалась большей приверженностью классической демократии, парламентскому строю и обществу смешанной экономики, выступив, по сути, преемницей расформированной Партии справедливости. На социал-демократических позициях была образована Демократическая левая партия (1985 г.).

В результате победы на парламентских выборах 6 ноября 1983 г. (211 депутатских мест из 400) созданной перед выборами Партии отечества власть в стране была передана гражданскому правительству, возглавляемому лидером этой партии Т. Озалом. С этого времени можно говорить о более решительном переходе правящей элиты страны к либеральной платформе внутренних преобразований [1, 342].

Однако сфера деятельности политических партий в Турции за прошедшие годы остается достаточно ограниченной: согласно Закону 1983 г. запрещаются партии, выступающие против идей государственности; не допускается также создание партийных женских, молодежных организаций. Государство обеспечивает высокую степень контроля за образованием, особенно высшим. Это позволяет сохранять политическую стабильность в условиях резкого подъема с середины 90-х гг. XX в. исламистских движений [3, 240].

Следует констатировать, что политическая система Турции периода «Третьей Республики» (1983–2015 гг.) прошла путь от лидирующей роли Партии Отечества и сильного правительства (1983–1991 гг.) к раздроблению электората и слабым коалиционным кабинетам (1991–2002 гг.), когда ни одна из партий не могла добиться решающей победы на парламентских выборах.

Особенности же нынешнего политического устройства Турецкой Республики заключаются, прежде всего, в установлении неконкурентной многопартийной системы. Здесь знаменателен тот факт, что при наличии к середине 2015 г., по официальным данным, двадцать шесть постоянно функционирующих политических партий, имеющих дифференцированную политическую окраску и выражающих мнение различных частей населения страны, легитимная власть в Турции на протяжении последних лет находится у Партии Справедливости и Развития (ПСР) во главе с Р.Т.Эрдоганом, идеология которой представляет собой синтез умеренного ислама и либеральной демократии [15].

При этом руководство правящей партии не предприняло каких-либо серьезных шагов по ослаблению светского характера политической системы Турции. Напротив, своей главной целью ПСР провозгласила построение современного демократического общества и активизацию процесса присоединения к Европейскому союзу в соответствии с его политическими критериями. К тому же ПСР попыталась доказать возможность сосуществования ислама и демократии, ислама и светскости, на что ранее не отваживалась ни одна турецкая партия.

Следует отметить, что в отличие от выборов 2002 г., в 2007 г. ПСР не только не ослабила, но даже укрепила свои позиции, набрав 46,58% голосов избирателей и заняв 341 место (из 550) в парламенте, оставив позади две влиятельные политические партии: Республиканскую Народную Партию во главе с Д. Байкалом, набравшую 20,88% и 112 мест в парламенте и Партию Национального Действия во главе с Д. Бахчели – 14,27% и 71 место в парламенте соответственно [14].

Очередные парламентские выборы, состоявшиеся 12 июня 2011 г. в Турции, в очередной раз подтвердили высокую популярность правящей Партии Справедливости и Развития, получившей без малого почти 50% голосов граждан Турции, увеличив поддержку более чем на 3% по сравнению с выборами 2007 г. За РНП проголосовали почти 26%, ПНД – 13%. Однако, несмотря на рост поддержки, ПСР получила меньше мест в парламенте, чем в прошлый раз – 326 мандатов. РНП делегирует в парламент 135, ПНД – 53 депутата. 36 кандидатов победили при поддержке считающейся прокурдской Партии мира и демократии. Таким образом, в настоящий момент в парламенте представлены лишь 4 партии, консолидировавшие подавляющее большинство голосов избирателей страны [2].

Таким образом, государственно-политическая система Турецкой Республики прошла сложный путь своего развития, начало которого было положено с установления однопартийной системы во главе с РНП, опирающейся на армию.

Последующий раскол РНП произошедший в 1946 г., определил, с одной стороны, зарождение многопартийности, с другой – сигнализировал о начале борьбы политических партий за власть и доминирование в условиях жесткой авторитарной идеологии. При этом борьба политических партий характеризовалась прогрессивным нарастанием протестных настроений в турецком обществе, обусловленных стремлением части населения страны к процессам всесторонней либерализации.

Дальнейшее столкновение интересов различных политических групп на фоне усиливающегося отхода от идей кемализма, начавшееся в конце 1950-х гг. обусловило вмешательство военных и восстановление бывшего государственно-го режима путем принятия новой конституции. Схожая ситуация наблюдалась и после военного переворота 1982 г., когда деятельность парламента и политических партий была запрещена, а конституционная система подверглась изменению. Все это время происходило последовательное дробление электората и усиление с середины 1990-х гг. роли религиозных, а позже националистических воззрений. При этом особенности современной государственно-политической системы Турции заключаются в наличии баланса между религией и либерализмом, выраженного в установлении режима личной власти ПСР. Однако, как и прежде, Турция сегодня стоит перед сложным выбором либо дальнейшей демократизации, либо исламизации общества, а возможно, и возвращения к идеям кемализма.

Библиографический список

1. *Киреев Н.Г.* История Турции XX век. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2007.
2. *Мосаки Н.З.* Итоги парламентских выборов в Турции и турецком Курдистане. URL: <http://www.iimes.ru/?p=12803> (дата обращения: 05.05.2015).
3. *Омельченко О.А.* Всеобщая история государства и права. Т. 2 М., 2000.
4. *Пиотровский С.* Свет и тени Турции. М., 1981. С. 29.
5. Adalet Partisi (Türkiye). URL: [http://tr.wikipedia.org/wiki/Adalet_Partisi_\(T%C3%BCrkiye\)](http://tr.wikipedia.org/wiki/Adalet_Partisi_(T%C3%BCrkiye)) (дата обращения: 05.05.2015).
6. Cumhuriyetçi Köylü Millet Partisi. URL: http://tr.wikipedia.org/wiki/Cumhuriyet%C3%A7i_K%C3%B6yl%C3%BC_Millet_Partisi (дата обращения: 05.05.2015).
7. Mustafa Fevzi Çakmak. URL: http://tr.wikipedia.org/wiki/Fevzi_%C3%87akmak (дата обращения: 06.05.2015).
8. Republic of Turkey. Public Administration. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan023185.pdf> (дата обращения: 06.05.2015).
9. Serbest Cumhuriyet Fırkası. URL: http://tr.wikipedia.org/wiki/Serbest_Cumhuriyet_F%C4%B1rkas%C4%B1 (дата обращения: 06.05.2015).
10. Siyasal Partiler Kanunu (22.04.1983). URL: <http://www.tbmm.gov.tr/genser/kanun3.html> (дата обращения: 07.05.2015).

11. Terakkiperver Cumhuriyet Fırkası. URL: http://tr.wikipedia.org/wiki/Terakkiperver_Cumhuriyet_F%C4%B1rkas%C4%B1 (дата обращения: 07.05.2015).
12. The New Constitution of Turkey // Political Science Quarterly, Volume 40, Issue 1. 1925. P. 85.
13. Türkiye Cumhuriyeti Anayasası 1982. URL: <http://www.tbmm.gov.tr/anayasa.htm> (дата обращения: 08.05.2015).
14. Türkiye Cumhuriyeti Milletvekili Genel Seçimleri (2007) / Vikipedi, özgür ansiklopedi. URL: <http://tr.wikipedia.org> (дата обращения: 07.05.2015).
15. Türkiye'deki siyasi partilerin listesi. URL: http://tr.wikipedia.org/wiki/T%C3%BCrkiye'deki_siyasi_partilerin_listesi (дата обращения: 08.05.2015).
16. Türkiye genel seçimleri 1961. URL: http://tr.wikipedia.org/wiki/1961_T%C3%BCrkiye_genel_se%C3%A7imleri (дата обращения: 08.05.2015).

EVOLUTION OF THE STATE-POLITICAL SYSTEM OF THE REPUBLIC OF TURKEY

A.V. Suleymanov

Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Oriental Languages and Linguocultural Studies, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The article researches into the evolution of the state-political system of the Republic of Turkey after its formation in 1923. The author characterizes activity of the most influential parties and also reveals specificities of functioning of political systems during different historical periods of the development of the Turkish state and the degree to which they influenced the constitutional system of the country.

Keywords: Turkey; political parties; state structure; constitution; parliament.

References:

1. Kireev N.G. History of Turkey of the XXth century. Moscow: OSI of the RAS: Kraft +, 2007. (In Rus.).
2. Mosaki N.Z. Results of parliamentary elections in Turkey and Turkish Kurdistan Available at: <http://www.iimes.ru/?p=12803> (accessed: 05/05/2015). (In Rus.).
3. Omelchenko O.A. The General History of the State and Right. Vol. 2. Moscow, 2000. (In Rus.).
4. Piotrovsky S. Light and shades of Turkey. Vol. 2. Moscow, 1981. 29 p. (In Rus.).
5. Adalet Partisi (Türkiye). Available at: [http://tr.wikipedia.org/wiki/Adalet_Partisi_\(T%C3%BCrkiye\)](http://tr.wikipedia.org/wiki/Adalet_Partisi_(T%C3%BCrkiye)) (accessed: 5/05/2015). (In Turkish).

6. Cumhuriyetçi Köylü Millet Partisi. Available at: http://tr.wikipedia.org/wiki/Cumhuriyet%C3%A7i_K%C3%B6yl%C3%BC_Millet_Partisi (accessed: 5/05/2015). (In Turkish).
7. Mustafa Fevzi Çakmak. Available at: http://tr.wikipedia.org/wiki/Fevzi_%C3%87akmak (accessed: 06/05/2015). (In Turkish).
8. Republic of Turkey. Public Administration. Available at: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan023185.pdf> (accessed: 06/05/2015). (In Turkish).
9. Serbest Cumhuriyet Fırkası. Available at: http://tr.wikipedia.org/wiki/Serbest_Cumhuriyet_F%C4%B1rkas%C4%B1 (accessed: 06/05/2015). (In Turkish).
10. Siyası Partiler Kanunu (22.04.1983). Available at: <http://www.tbmm.gov.tr/genser/kanun3.html> (accessed: 07/05/2015). (In Turkish).
11. Terakkiperver Cumhuriyet Fırkası. Available at: http://tr.wikipedia.org/wiki/Terakkiperver_Cumhuriyet_F%C4%B1rkas%C4%B1 (accessed: 07/05/2015). (In Turkish).
12. The New Constitution of Turkey // Political Science Quarterly. Vol. 40. Iss. 1. 1925. P. 85. (In English).
13. Türkiye Cumhuriyeti Anayasası 1982. Available at: <http://www.anayasa.gen.tr/1982ay.htm> (accessed: 08/05/2014). (In Turkish).
14. Türkiye Cumhuriyeti Milletvekili Genel Seçimleri (2007). Available at: <http://tr.wikipedia.org> (accessed: 07/05/2015). (In Turkish).
15. Türkiye'deki siyasi partilerin listesi Available at: http://tr.wikipedia.org/wiki/T%C3%BCrkiye'deki_siyasi_partilerin_listesi (accessed: 08/05/2015). (In Turkish).
16. Türkiye genel seçimleri 1961.s Available at: http://tr.wikipedia.org/wiki/1961_T%C3%BCrkiye_genel_se%C3%A7imleri (accessed: 08/05/2015). (In Turkish).

УДК-32:323(470+571)

ТРАДИЦИИ РУССКОЙ ВЛАСТИ: НАДЕЖНАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ ИЛИ БЕЗАЛЬТЕРНАТИВНАЯ ПРЕДОПРЕДЕЛЕННОСТЬ?

Т.Г. Ндайишимийе¹

В статье проанализированы разные аспекты функционирования российской власти с другими политическими акторами через призму политических традиций. Российская власть рассматривается в качестве основного политического субъекта-новатора, сознательно не допускающего других акторов к управлению страной, тем самым создавая и укрепляя традиции непримиримости и отсутствия диалога между потенциальными политическими участниками, в результате чего гражданское общество и его институты исторически не выработали способность к политической самостоятельности.

Ключевые слова: продуктивность власти; политические традиции; способы управления; политические акторы; «фасадная» демократия.

Любое государственное образование может эффективно существовать только в условиях непрерывного развития. При этом под развитием понимаются не только внедрение и усвоение нового, но и сохранение прежнего опыта с рациональным обеспечением преемственности поколений. В разных государствах на разных этапах развития одни акторы сменяли других, выступая инициаторами изменений и развития своей страны. Такая смена «активистов» одни государства приближала к демократии, другие – отводила от неё. В данном контексте своеобразен опыт России, который свидетельствует о том, что во все времена единственным инициатором сколько-нибудь значимых изменений в стране выступала власть, к этому не привлекался народ и его законные представители (мятежи, революции здесь не рассматриваются в силу отсутствия у них конструктивного потенциала). Это так называемый «принцип конструирования общества “сверху вниз”» [12; 12]. При этом на основе данного принципа строилась и вся политическая система.

Следует отметить, что в силу того, что российская власть стояла и стоит у истоков практически всех нововведений в стране, необходимо исследовать проблему продуктивности деятельности главного «двигателя прогресса», на которого ложится весь груз ответственности за такой «прогресс».

подавляющее большинство россиян, имеющих даже самые скромные представления о демократии, сможет перечислить те основные демократиче-

¹ Ндайишимийе Татьяна Геннадьевна – аспирант кафедры политологии Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: TANUSHKA-KARPOVA@YANDEX.RU.

© Ндайишимийе Т.Г., 2015

ские ценности, без которых теперь практически невозможно вообразить современную Россию, но которых никогда не было в прошлом. Это перечисление возможно даже путём сравнения с СССР, а именно: альтернативные выборы, двухпалатный парламент, относительно самостоятельное МСУ, беспрепятственное пользование продуктами деятельности СМИ (в том числе и сети Интернет), гласность, экономическая свобода и самостоятельность (развитие бизнеса), культурный обмен со всем миром – это несомненные атрибуты демократии. Стоит также заметить, что эти ценности невозможно было бы реализовать в реальной политической жизни без участия господствующей власти и её решений. Следовательно, продуктивность власти высока, так как все её начинания иницируются для народа.

Однако одновременно с этим большая часть россиян, не знакомых с демократией даже поверхностно, отметит, что жить в стране тяжело, повсюду (даже в «свободных» СМИ) обман. Откуда такой парадокс? Неблагодарность населения или имитация созидательной активности власти? К сожалению, реальность демонстрирует фактическое закрепощение.

Такая двойственная социально-политическая обстановка начала складываться в России в 1990-е гг. после распада СССР. Кардинальные изменения происходили во всех областях: в политике, в экономике, в культуре, в социальной сфере. Тем, кто становился у власти, хотелось глобальных перемен: демократии, либерализации экономики, приобщения к ценностям западных культур. Однако непрофессионализм инициаторов реформ, неподготовленность населения к новым условиям и ряд других объективных причин привели к тяжёлым последствиям: разочарование в идеях демократии со стороны народа, излишняя независимость регионов повлекла ожесточённый сепаратизм (Чеченские войны) и в дальнейшем усиление вертикали власти, многократно увеличился разрыв между разными группами населения и ряд других негативных последствий. Все эти обстоятельства демонстрируют несостоятельность тех идей, которые были призваны сделать Россию демократической страной. Демократия не сложилась ни в одной из упомянутых сфер жизни, напротив, население острее почувствовало собственную уязвимость и малозначимость в масштабах государства. Лишившись государственной поддержки после распада СССР, народ не получил взамен возможность достойно существовать в социальной среде самостоятельно. Вместо этого люди вынуждены «брать курс» на выживание. Каждый сосредоточен исключительно на себе, гражданская позиция нечётко выделена либо её нет вообще. В подобных условиях демократия среди ценностей стоит на последнем месте, при этом экономическое благополучие – на одном из первых.

Такое положение дел устанавливает непреодолимую дистанцию, возвышающую власть-инициатора над пассивным народом-потребителем. Здесь явно выступает проблема «непричастности», когда, например, по результатам опроса населения о сущности власти видно, что большинство россиян вос-

принимает власть как нечто далёкое и им не доступное; люди не понимают, кому она принадлежит и кто ею распоряжается. Вместе с тем народ ощущает непреодолимую дистанцию между ним и властью, которая понимается населением так: «Обычные люди нужны власти только для выполнения определённых функций голосования или приветствия и должны выпрашивать как милостыню зарплату и социальные пособия» [14; 162, 165]. На основе чего становится очевидным, что население живёт «под колпаком», причём он прозрачен для власти и непроницаем для населения. В таких условиях крайне сложно «прислушаться» к основам демократии, сделать их частью политического общения. Все кризисы, застои, сломы системы в России в первую очередь ощущает на себе население, в подобных тяжёлых условиях главное – выжить, пережить, приспособиться.

Однако такой политический расклад нельзя назвать исключительно порождением современной России. Такое взаимное отчуждение прослеживается в рамках становления всей российской политической культуры, эта важная проблема далеко уходит корнями в традиции. Итак, российская трагедия заключается в том, что методы разные, а итог всегда один.

Современная российская действительность есть прямое отражение прошлых «властных поколений». Россия зависима от собственных традиций [5; 78]. Многие казусы, парадоксы и феномены можно понять и объяснить, только обратившись к истории. Таким образом, заявленную в качестве проблемы исследования продуктивность власти необходимо анализировать в контексте политических традиций.

Становление и укрепление политических традиций в России имеет ряд специфических особенностей, которые в конечном итоге влекут неизгладимые негативные последствия. Так, накопление или заимствование нового опыта при одновременном сохранении и консервации отживших, устаревших, неэффективных, но привычных основ жизни, порядков, правил неизбежно будет способствовать укреплению универсальных «неизживаемых» традиций, которые безопаснее сохранить, «не трогать» и оставить «как есть». Эти традиции становятся настолько привычными, что не поддаются никакой корректировке или замене, укрепляясь в сознании и поведении своих носителей со временем. Это в своё время отметил М. Н. Карамзин, не соглашаясь с намерениями императора Александра I расширить права крестьян в «неподходящее» время, которое Карамзин считал безвозвратно упущенным. Так, он писал: «Тогда они [крестьяне во время полного своего закрепощения Б. Годуновым] имели навык людей вольных – ныне имеют навык рабов». Такое видение судьбы демократии в России отчасти имеет рациональную основу. Здесь в качестве примера, подтверждающего отмеченную тенденцию, стоит вспомнить отмену крепостного права, так как несколько десятилетий спустя после его отмены положение крестьян практически не изменилось. Им не нужна была свобода, они не умели ею пользоваться.

Далее Карамзин высказывает свою убежденность в том, что «...для твёрдости бытия государственности безопаснее поработить людей, нежели дать им не вовремя свободу» [6; 74]. Однако в этом случае вряд ли стоит соглашаться с таким категоричным утверждением, хотя бы потому, что российское самодержавие (и его современное обличье) всегда старалось заручиться поддержкой народа (хотя бы формально), демонстрировало служение «общему делу» (в том числе и с помощью религии). Поэтому бесконечно закабалить народ, на который приходится рассчитывать, невозможно.

Очевидно, что такая политическая система изначально базируется на порабощении, угнетении народа при одновременном обогащении и неограниченных возможностях властной элиты. Такую систему можно назвать правлением «упорядоченного хаоса», когда продажность и халатность русских чиновников расценивается как позитивный элемент системы. При этом стабильность и работоспособность этой системы обеспечивается за счёт таких чиновников, которые «правят» спустя рукава [1; 78]. Эта традиция прочно укоренилась в системе российского управления. В России каста чиновников либо «зарывается» в правилах, либо не утруждает себя изучением этих правил и действует на своё усмотрение (что больше характерно для России).

Такое положение дел справедливо можно назвать беспорядком, смутой, диссипацией базовых элементов [12; 31]. Примечательно, что ряд отечественных исследователей рассуждают о российской политической системе не как о неприемлемой для человеческого существа, рассматривают дефицит демократии не в качестве отрицательных сторон системы и культуры, но видят в этом некие скрепы, за счёт которых существует весь «политический организм». Вероятно, такая традиция сложилась в России под влиянием негативных исторических обстоятельств, например, во времена нашествия Золотой Орды только хитрость, изворотливость, сокрытие правды помогали князьям получить ханский ярлык. История России также знает примеры раздела власти между императорами (точнее императрицами) и фаворитами, раздела земель и ресурсов с подачи императоров между крупными землевладельцами; безусловно, такие и им подобные факты не могли не способствовать развитию коррупции.

Вполне очевидно, что политические и управленческие навыки современной российской власти имеют богатую историю и уходят корнями в прошлое. Именно поэтому при исследовании феномена политической власти в современной России нельзя пренебрегать так называемой «живой» историей, которая во многом влияет на формирование нынешнего облика власти и способов её деятельности. Линию поведения российской власти определяют традиции, которые формировались и укоренялись веками.

При этом важно отметить, что сущность исторически самого активного актора политической жизни в России – власти – состоит в том, что его [актора] основа содержит в себе различные характеристики и параметры. Речь идёт о складывающихся взаимодействиях с другими (в том числе потенциальными)

акторами и о методах управления. Так, традиции формирования и деятельности российской власти можно исследовать в разных «ракурсах» для анализа современной политической ситуации в России. Поэтому при исследовании нашей страны целесообразно для составления более полного политического обзора современности изучать феномен власти с позиций **власть в себе, власть и элита, власть людей и власть учреждений, единоличная и коллегиальная власть, центральная власть и власть в регионах (имперские амбиции)**.

Современное положение российской публичной политики явно демонстрирует ориентацию субъектов власти на себя и сосредоточение **власти в себе**. Практически все публичные действия, заявления (о непубличных судить не берёмся) представителей власти открыто демонстрируют их убеждённость в собственной исключительной компетентности: единственный безопасный способ народного волеизъявления в России – выборы (при условии, что они не фальсифицируются), другие же способы политического участия не доступны широкой публике, поэтому все важные вопросы властные представители решают, уповая только на собственные знания и профессионализм. Население же либо сознательно дистанцируется от возможности собственного участия в государственных делах, либо не знает своих прав и не умеет ими пользоваться, уповая на «высшие политические силы». Так, 55% граждан России отождествляют главу государства и суверенитет, называя президента главным источником власти и носителем суверенитета [12; 16]. Население не считает себя государствообразующим началом и носителем суверенитета, как и не рассчитывает на то, что выбранные им президент и депутаты как представители интересов своего народа будут активно доказывать и реализовывать то, что их избиратели достойны жить в демократическом государстве.

Такое осознание народом собственного места в своём государстве объясняется сложившейся традицией российской власти оставлять за собой возможность решать все вопросы управления (причём не только населением, но и ресурсами). Так, при Иване IV земли делились на земщину и опричнину, тем самым нарушались элементарные основы местного самоуправления; истинное законодательство возникло только с появлением парламента (при этом оформилось не сразу); выборность встречалась только на локальном уровне; официальное рабство отменили лишь в 1861 г., в то время как некоторые другие государства в то же самое время вполне могли считаться демократическими. Такое позиционирование доступности (в случае России недоступности) властных полномочий и ротации отправляющих её субъектов свидетельствует о закрытости власти, а следовательно – непрозрачности. Эта традиция ведёт начало ещё с царских времён, что позволяет провести сходную параллель современной России с единодержавной империей.

Однако очевидно, что единодержец (будь то царь или президент) и его ближайшее окружение не способны эффективно отправлять власть в стране, совсем не привлекая иных политических акторов, в любом случае доступ к вла-

сти (даже самый минимальный) получают или завоёвывают и другие группы. Поэтому важно также понять суть взаимоотношений **верховная власть – элиты**. История гласит, что высшая власть России всегда неохотно делилась рычагами управления и ресурсами страны с любыми политическими субъектами. Поэтому политическая элита на протяжении длительного времени всячески отстранялась от верховной власти, в том числе и от вождя российских ресурсов. Однако всё изменилось после царствования Петра I, когда дворяне стали получать от императоров всё больше и больше прав и привилегий. Так, при Екатерине II все земли во владении дворян и чиновников юридически закрепились за ними, это способствовало тому, что контроль короны над землевладельцами исчез, таким образом население было отдано им в эксплуатацию, самодержавие больше не заступалось за простоллюдинов перед элитой [10; 185].

Такое положение способствовало мобилизации всех имеющихся у элиты сил, для того чтобы приблизиться к власти, которая всегда считала высшие слои своими «агентами», укрощала их порывы; «в моменты ослабления верховной власти аристократические элементы пытались её ограничить или даже заместить собою» [3; 36]. Поэтому союзниками верховная власть и элиты в нашей стране никогда не были. Эта традиция «ведения диалога» с властью прочно укоренилась в мыслях и действиях российской элиты, современная Россия «работает» по схожему сценарию. И даже советский опыт построения общества ненакопления не стёр эту традицию из политической культуры России. Нет согласованности и доверия между основными участниками политической, социальной, экономической жизни – властью, элитой и народом.

Российский народ был несправедливо отодвинут «на обочину» политики и истории, при этом была исключена даже возможность приблизиться к властному центру. Тем временем российская элита продолжает «засматриваться» на власть, оставляя народ далеко за пределами «властных» перипетий.

Также очень непростым, но важным моментом при исследовании традиций власти в России является витиеватое переплетение **власти людей и власти учреждений**. Здесь принципиальным становится то обстоятельство, что зачастую их функции либо нечётко различимы, либо явно подменяют друг друга. В этой среде также проявляется отчётливое влияние традиций. С одной стороны, усложнилась система институтов, организаций, это, определённо, признак того, что многогранную, усложнившуюся (в плане разветвлённых социальных, политических, экономических и иных отношений) жизнь государства и общества необходимо регулировать по-новому; с другой – усложнению системы государственного управления придали культовое значение, форма стала важнее людей [6; 98]. Таким образом, истинная цель создания разветвлённой сети различных учреждений, правил, процедур (полный охват всех возможных вопросов регулирования усложнившихся государственных отношений) стала сводиться лишь к тому, чтобы создать хоть какое-то движение в этом направлении: разделить, упразднить, переименовать, изменить подведомственность.

Однако «в российской системе «вместилище памяти» – политик, чиновник, но не институция», как следствие «... смена лиц на посту президента РФ оборачивается у нас существенным стрессом для всей системы коллективного политического мышления» [4; 33]. Это действительно так: смена занимающих любой крупный политический и государственный пост приводит не только к смене всей их команды, но и к изменению приоритетов во внутренней и внешней политике, происходит передел собственности и сфер влияния в стране. Поэтому можно заключить, что в России традиционно сильна власть людей, прочно укрепившихся на высоких постах, во многом поэтому ротация и выборность в нашей стране традиционно вызывают у населения чувство неуверенности и неопределённости, от них население ничего положительного не ожидает. Это вносит некий элемент загадочности и непредсказуемости будущих событий.

Здесь можно закономерно перейти к следующему измерению традиций политической власти в России – **единоличная и коллегиальная власть**. Российская политическая культура содержит устойчивую традицию персонификации власти. Верховная власть традиционно отождествляется с определённой личностью, сосредотачивающей полноту власти в своих руках. Одновременно эта личность находится в ответе за пределы сфер влияний, владений и собственности в стране. Так как в России политическая конфигурация предопределяет экономическую, именно президент является главным олигархом «империи», даже если сам ничем не владеет [11; 168–169]. Это обстоятельство, в свою очередь, порождает ещё одну традицию – клиентелизм, основу обновлений и альтернативу ротации. Привязка всех политических событий, изменений к какому-либо лицу – характерная отличительная черта всей российской политической истории.

Значение коллегиальной власти в России целесообразно рассматривать сквозь призму реализации принципа разделения властей, а именно: взаимодействие единоличной власти в лице президента и коллегиальной власти, представляющей интересы населения, в лице парламента. Здесь также важно отметить влияние традиций.

Таким образом, значение коллегиальной власти в России оформилось в следующие традиции. Во-первых, исторически ограниченная роль законодательных органов (и во времена зарождения парламентаризма в России, и теперь) [2; 36]. В России длительное время законами служили царские указы и мораль, поэтому роль законотворчества воспринималась как второстепенная, даже лишняя. При этом во времена зарождения парламентаризма в России депутатов не отличали от чиновников и с их помощью пытались возместить недостаток рук.

Во-вторых, и в начале XX в. исполнительная власть была убеждена, что «У нас парламента, слава Богу, нет» [2; 36] (по выражению Коковцова), и сейчас «Парламент – не место для дискуссий» (Грызлов). Как уже было отмечено, авторитет у населения ни российский парламент, ни его депутаты заслужить не

смогли. Возможно, и сейчас часть населения считает депутатов чиновниками, а не своими представителями, по-прежнему не доверяя им.

В-третьих, привычная установка на конфликтные формы взаимодействия властей, главная цель – «уничтожить врага» в лице представителей других ветвей власти. Таким образом, Государственная дума изначально не соответствовала тем задачам, ради которых создаётся любой парламент. Основной своей функцией она считала «побороть» верховную власть, поспорить с ней (в нынешней России, напротив, – поддержать и послушно выполнить её решения). Об этом свидетельствуют многочисленные расколы внутри Думы, отсутствие единства при принятии каких-либо решений, а также рационально не обоснованные роспуски парламента, инициированные Николаем II. Законотворческая и представительская функции отодвигались на второстепенные места. «В Думе выдвинулась целая плеяда видных ораторов... но ни одного крупного политического деятеля, обладавшего подлинной государственной мудростью, надлежащей силой воли, понимающего народ» [13; 440]. Судя по всему, такой формат взаимодействия с отсутствием *конструктивного* диалога между единоличной и коллегиальной властями прочно укрепился и в современной России.

Отдельно следует отметить традиции взаимодействия **центральной власти с регионами страны**. Такая политика России нередко именуется имперской. Эта сфера функционирования власти не в меньшей степени, чем все ранее упомянутые, строится на основе многовекового опыта, несмотря на то, что политическая система и политический режим претерпели существенные изменения (по крайней мере, де-юре).

Российская империя создавалась и действовала как вотчинное государство, так как корона имела монополию на политическую власть, на землю, торговлю и промышленность, контролировала все социальные слои и была способна изолировать их от нежелательных иноземных влияний [10; 150]. То есть все богатства, ресурсы страны были в полном распоряжении центральной власти, регионы фактически ничего не имели.

Однако огромную страну необходимо было держать в повиновении и исключить сепаратизм. Каким бы тотальным и несправедливым ни был режим, без налаженной связи с провинцией он не сможет существовать (эксплуатация может вполне считаться в России налаженной связью с регионами). В этой связи на откуп местным властям отдавались деревни вместе с людьми, земельные угодья, предоставлялась полная независимость в решении каких-либо вопросов. Например, полное бесправие крестьян, уже сложившееся к началу XVIII в., было подкреплено в том числе независимостью помещиков при наборе рекрутов [19; 167]. Так зарождалась и набирала силу традиция всевластия «региональных баронов» [16; 6].

Современная ситуация с российским федерализмом практически ничем не отличается от сложившейся ранее схемы. Укоренившаяся традиция отношения центральной и региональных властей получила название ресурсы в обмен

на лояльность. Таким образом поддерживается легитимность российской власти и происходит адаптация её имперского прошлого к современным условиям [15; 118]. Поэтому можно однозначно констатировать негативное влияние так называемой «живой» истории на современную политическую обстановку в нашей стране.

Однако как бы ни были крепки и всеобъемлющи политические традиции, определяющие модель поведения власти в современной России и способы реализации этой модели при взаимодействии с другими акторами, «... для понимания сущности власти необходимо выяснить, как достигается подчинение людей» [9; 27–45]. С этим утверждением сложно не согласиться. Действительно, как было отмечено ещё в начале статьи, власть только тогда может считаться продуктивной и эффективной в своей деятельности, когда эта деятельность пойдёт на благо населения. Как же обстоит дело в России?

Следует отметить, что современная ситуация «несотрудничества» населения и власти – результат длительных противоречий, трагедий (например, неоднократный распад государства), которые возникали в истории нашей страны (при разных режимах и руководителях). Поэтому можно констатировать наличие самой «живучей» традиции – взаимной отчуждённости между управляющими и управляемыми (именно так позиционируют себя и та, и другая стороны).

Как было отмечено, российская власть – самый активный субъект и в политике, и в экономике, и в социальной сфере. Эта власть, точнее, люди, сменяющиеся у «руля», не терпит конкуренции. Для российской власти во все времена конкуренция, плюрализм, гражданская активность – это хаос и отсутствие управляемого порядка в стране. «Конституирование другого оборачивается в России в превращение всего окружения в врагов... Призрак непримиримости другого бродит по России, порождая тягу к простым (“традиционным”) рецептам». Это ведёт к конфронтации социальных акторов, «... каждый из которых постепенно конституируется в качестве “другого” для остальных» [4; 39]. Следует отметить, что под другим понимается любой социальный актор, который может стать конкурентом власти. Это значит, что внутри государства нет согласованности в принципе. То есть в стране есть «надзиратель», который устанавливает по своему усмотрению порядки, следит за соблюдением этих порядков, и этого всем достаточно. Все остальные – это некое аморфное тело, в котором сложно усмотреть элементы самостоятельности, выделенности из остальных, это – массовка.

Уровень политической культуры России таков, что невозможно даже представить среди её элементов такие важные для цивилизованного государства составляющие, как сотрудничество, диалог, взаимопонимание при взаимодействии всех акторов. Население России никогда не воспринималось в качестве полноценного политического актора, способного действовать самостоятельно, например, при помощи свободных и доступных всем гражданам выборов,

даже в современной России выборы не ценятся ни избирателями, ни избираемыми. Если говорить о реальном положении дел в России, то народное представительство воспринимается государственной властью как естественный враг [8; 62].

При этом важно отметить, что такая ситуация стала возможной не только потому, что власть в России всемогуща при слабом и безынициативном народе, причина кроется также и в том, что власть всегда боялась народа, отсюда – желание подавить любую «несанкционированную» активность. Так, традиция «быть в курсе всего ради безопасности» имеет давние корни: избрание в 1613 г. Михаила Романова царём сопровождалось предварительным тайным подслушиванием народного мнения о кандидатуре будущего царя [3; 36]; при Петре I действовал Преображенский полк, тайно подслушивавший, что говорит о царе народ [7; 416]; созыв Думы при Николае II – желание вернуть утраченный в войне престиж [1; 77]. Такая позиция участников политической жизни значительно уменьшает шансы в продвижении нашей страны в сторону демократии. Приведённые исторические примеры отчётливо демонстрируют не столько невозможность вступления в диалог с народом, сколько нежелание делать даже попытки в этом направлении. Любое несогласие со стороны общества, с которым должна считаться власть в процессе политического диалога, может поставить под удар всю властную систему, для которой уступки считаются утратой собственного престижа.

Давно сложившиеся политические традиции функционирования верховной власти в России в разных ракурсах, направлениях внутри себя и для себя и с другими акторами политической, социальной, экономической жизни имеют авторитарный, закрытый характер, это – прямое противопоказание для установления демократии в любой стране. Ориентация на такие традиции, апелляция к такой истории и возведение её в ранг «живой», то есть постоянно воспроизводимой в различных условиях, фактически всегда будет способствовать бесконечному возвращению к авторитаризму, закрытости власти, отстранённости населения от государства и политического участия. И в таких условиях не так важно, есть ли в стране Конституция и каково её содержание.

Библиографический список

1. Вебер М. Переход России к псевдоконституционализму // Полис. 2006. №2.
2. Гаман-Голутвина О. В. Российский парламентаризм в исторической ретроспективе и сравнительной перспективе (I) // Полис. 2006. №2.
3. Глебова И. И. Политическая культура современной России: облики новой русской власти и социальные расколы // Полис. 2006. №1.
4. Дахин А. В. Система государственной власти в России: феноменологический транзит // Полис. 2006. №3.

5. Журавлёв В. В. Общество и власть в России: исторические традиции и перспективы взаимодействия. Куда идёт Россия?.. Общее и особенное в современном развитии. М., 1997.
6. Карамзин М. Н. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях. Прим. Ю.С. Пивоварова. М.: Наука, 1991.
7. Ключевский В. О. Курс русской истории. Полный курс лекций. М., 1995.
8. Кустарев А. С. Макс Вебер о модернизации русского самодержавия // Полис. 2006. №2.
9. Ледаев В. Г. Политическая власть: концептуальный анализ // Управленческое консультирование. 2009. № 4.
10. Пайнс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая Газета, 1993.
11. Пастухов В. Б. Третий срок Путина как альтернатива политическому ханжеству. Реплика политического циника // Полис. 2006. №2.
12. Пивоваров Ю. С. Русская власть и публичная политика. Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита // Полис. 2006. №1.
13. Смирнов А. Государственная дума Российской империи. 1906–1917. М., 1998.
14. Шестопал Е. Б. Образы власти в постсоветской России: политико-психологический анализ. М., 2004.
15. Шишков В. В. Проблемы постимперской адаптации политики современной России // Вестник Пермского университета. Серия Политология. 2014. №2.
16. Этнодемографические процессы и переселенческое общество на Востоке России: история и современность / под ред. В. И. Дятлова и К. В. Григоричева. Иркутск: Оттиск, 2012.

TRADITIONS OF RUSSIAN POWER: ROBUST STABILITY OR NON-ALTERNATIVE PREDETERMINATION?

T.G. Ndayishimiye

Postgraduate Student, Department of Political Science, Kazan (Volga Region)
Federal University

The article analyses various aspects of Russian political power functioning through the prism of political traditions. Russian power is considered as the main political actor and innovator that consciously does not allow other actors to govern the country, thereby creating and strengthening the traditions of intransigence and absence of a dialogue between potential participants of the political process. As a result, the civil society and its institutions have not historically developed the capacity for political independence.

Keywords: power efficiency; political traditions; methods of governance; political actors; "facade" democracy.

References:

1. *Weber M.* Russia's transition to pseudo-constitutionalism // *Polis*. 2006. No. 2. (In Rus.).
2. *Gaman-Golutvina O. V.* Russian parliamentarism from the historical retrospective and comparative perspective (I) // *Polis*. 2006. No. 2. (In Rus.).
3. *Glebova I. I.* Political culture of modern Russia: images of the new Russian authorities and social schisms // *Polis*. 2006. No. 1. (In Rus.).
4. *Dakhin A.V.* The system of government in Russia: a phenomenological transit // *Polis*. 2006. No. 3. (In Rus.).
5. *Zhuravlev V. V.* Society and power in Russia: historical traditions and perspectives of interaction / Where is Russia heading for? General and specific features of modern development. M., 1997. (In Rus.).
6. *Karamzin M. N.* Memoir on ancient and modern Russia. M.: Nauka, 1991. (In Rus.).
7. *Klyuchevsky V. O.* The course of the Russian history. Complete course of lectures. Moscow, 1995. (In Rus.).
8. *Kustarev S. A.* Max Weber on modernization of the Russian autocracy // *Polis*. 2006. No. 2. (In Rus.).
9. *Ledyayev V. G.* Political power: a conceptual analysis // *Management consulting*. 2009. No. 4. (In Rus.).
10. *Pipes R.* Russia under the old regime. M.: Nezavisimaya Gazeta, 1993. (In Rus.).
11. *Pastukhov V. B.* Putin's third term as an alternative to political hypocrisy. A remark from a political cynic // *Polis*. 2006. No. 2. (In Rus.).
12. *Pivovarov Yu. S.* Russian government and public policy. Notes of a historian on the reasons for the failure of democratic transition // *Polis*. 2006. No. 1. (In Rus.).
13. *Smirnov A.* The State Duma of the Russian Empire. 1906 – 1917. M., 1998. (In Rus.).
14. *Shestopal E. B.* Images of the power in post-Soviet Russia: political and psychological analysis. M., 2004. (In Rus.).
15. *Shishkov V. V.* The problems of modern Russia's policy post-Imperial adaptation // *Perm University Herald. Series: Political Science*. 2014. No. 2. (In Rus.).
16. Ethnic-demographic processes and migration of society in the East of Russia: history and modernity / ed. by V. I. Dyatlov and K. V. Grigoriev. Irkutsk: "Ottisk", 2012. (In Rus.).

Локальная политика в современном мире

УДК-328:352(470.53)

ЛЕГИСЛАТУРЫ В МАЛЫХ ГОРОДАХ ПЕРМСКОГО КРАЯ: СОСТАВ И УРОВЕНЬ КОМПЕТЕНЦИЙ

*Т.Б. Витковская*¹

Статья посвящена исследованию состава и структуры представительных органов местного самоуправления в малых городах. Показано, как лоббистский потенциал городских ассамблей предопределяет их качественный состав. Рассмотрены основные депутатские группы, представленные в локальных легислатурах: про-заводские группы, группы депутатов, представляющих интересы исполнительной власти, оппозиционные группы. Указаны причины низкой компетентности депутатского корпуса локальных легислатур.

Ключевые слова: местное самоуправление; представительный орган МСУ; исполнительный орган МСУ; локальная легислатура; муниципальная администрация; депутаты; депутатский корпус; локальная политика; городская политика.

Изучение локальных политических практик сегодня представляется актуальным направлением отечественных политологических исследований. В рамках проблематики локальной политики разрабатывается широкий спектр сюжетов, но изучение любого из них требует включения в исследование органов местного самоуправления – муниципальной администрации и локальной легислатуры, поскольку их представители встроены в систему местных властных отношений при любом варианте локального политического ландшафта.

При этом исследования указывают на то, что если исполнительная власть оказывается доминирующей в городском пространстве политической силой практически во всех малых городах (кроме городов с градообразующими предприятиями), то представительная власть оказывается менее влиятельна [11, 92, 95-96; 12, 11, 18; 8, 225].

В соответствии с действующим законодательством о местном самоуправлении, полномочия органа представительной власти включают принятие устава муниципального образования и внесение в него изменений и дополнений, утверждение местного бюджета и отчета о его исполнении, установление, изме-

¹ Татьяна Борисовна Витковская – научный сотрудник, Отдел по исследованию политических институтов и процессов Пермского научного центра Уральского отделения Российской Академии наук (ПНЦ УрО РАН), кандидат политических наук, lappanata@gmail.com.

© Витковская Т.Б., 2015

нение и отмену местных налогов и сборов, определение порядка управления и распоряжения имуществом в муниципальной собственности и пр. [13]. Депутаты могут влиять на повестку дня (вынося вопросы на обсуждение или снимая их с обсуждения), принимать (или отказываться принимать) нормативные акты, вносить в них поправки, по широкому кругу вопросов местного значения.

Основной ресурс депутатского корпуса – право на нормотворчество, что предопределяет лоббистский потенциал депутатов и делает локальную легислатуру объектом пристального внимания со стороны сильных игроков на локальном политическом поле. Как правило, такими игроками выступают глава исполнительной власти и его команда, а также собственники или менеджмент градообразующего предприятия (в случаях, когда они мотивированы включиться в политический процесс и составить конкуренцию главе).

По этой причине ситуация, когда по итогам выборов депутатов представительного органа МСУ локальная легислатура оказывается заполнена автономными игроками, которые начинают с чистого листа выстраивать отношения с прочими участниками политического процесса, на практике невозможна. Напротив, расстановка политических сил в городском пространстве может отражаться в раскладе сил в местной легислатуре, внутри-элитные расколы могут определять размежевания в депутатском корпусе.

В сложившихся на сегодняшний день политических условиях локальные легислатуры выступают не самостоятельными игроками на поле городской политики, а площадкой, где стремятся быть представленными основные игроки. Если влиятельных политических игроков в границах территории несколько, легислатура становится ареной для их взаимодействия, если они конфликтуют – еще одним «полем битвы» для них.

Например, если в городе представители муниципалитета конфликтуют с представителями завода, этот конфликт с большой долей вероятности будет разворачиваться и в легислатуре, как в Александровске несколько электоральных циклов назад, когда глава города Сергей Сертаков оппонировал собственнику градообразующего предприятия «Александровский машиностроительный завод» Геворгу Меграбяну, и в городской Думе сложились неформальные депутатские «фракции» муниципалов и заводчан [1, 196–204]. Если на территории муниципального образования расположено два крупных предприятия, директорат которых конкурирует за политическое влияние, их конфликт также, вероятно, найдет отражение во взаимодействии депутатов в городской легислатуре, как, например, в Лысьве, где металлургический и турбогенераторный заводы сформировали собственные депутатские группы в Думе, и в разные периоды характер их взаимодействий был конфликтным и коалиционным, отражая этапы отношений руководства градообразующих предприятий [1, 243–245].

Если депутатский корпус не расколот, это не доказывает его самостоятельности, поскольку за сплоченным депутатским большинством также может стоять сильный игрок, способный его сформировать. И это необязательно сви-

детельствует об отсутствии внутри-политических конфликтов на территории. Например, в Губахе два состава депутатского корпуса были про-заводскими, но весь этот период в городе разворачивался конфликт между исполнительной властью и градообразующим предприятием, который в значительной степени лежал в русле личных отношений главы города Виктора Цеова и представителя собственников предприятия Армена Гарсляна [8, 231–232].

Фактически, властные интенции активных и сильных игроков на поле городской политики, их стремление присутствовать и доминировать в представительном органе МСУ (через «своих» депутатов) ограничивают возможности создания других влиятельных депутатских групп в его составе. Прочие игроки могут быть представлены в легислатуре, но не определять итоги голосования и политику представительной власти в целом.

Прежде всего следует указать, через каких депутатов исполнительная власть может эффективно проводить свою политику в легислатуре.

Во-первых, это представители «ближнего круга» главы – супруга, родственники, близкие друзья. В качестве примера можно привести состав депутатского корпуса городской Думы Кунгура после выборов 2008 г., по итогам которых депутатские мандаты получили супруга главы, его родственники и бизнес-партнеры [3]. В целом, малые компактные сообщества предоставляют много подобных примеров.

Во-вторых, депутаты, которые воспринимают свою деятельность в составе представительного органа власти как работу за вознаграждение, в их числе – депутаты на освобожденной основе, председатели думских комитетов на постоянной основе.

В-третьих, собственники малого бизнеса, индивидуальные предприниматели.

В целом, в малых городах взаимодействие исполнительной власти с местным бизнесом, как правило, проходит в неформальном поле, что выгодно обеим сторонам: бизнес может получать различные преференции, необходимые разрешения, выигрывать конкурсы и пр., представители власти могут рассчитывать на покрытие каких-либо городских расходов, или извлекать личную выгоду. На подобные неформальные отношения с исполнительной властью могут претендовать собственники достаточного успешного, крупного (в масштабах малого города) бизнеса, которые располагают достаточными для решения каких-либо местных вопросов средствами, либо те, кто связан с главой родственными или дружескими связями.

Для собственников малого бизнеса проблемой часто оказывается именно невозможность войти в это поле неформальных отношений, поэтому приемлемым вариантом оказывается получить мандат депутата, с тем чтобы затем предложить главе свою лояльность (и свой голос), в обмен на преференции, либо просто на сохранность своего бизнеса.

В-четвертых, т.н. «бюджетники» – работники бюджетных учреждений, представители сферы образования, здравоохранения и культуры.

Они опасаются потерять свои должности, и в малом городе часто не имеют карьерных альтернатив, поэтому оказываются зависимы от муниципальной администрации. Кроме того, на выборах в малых компактных сообществах представители социальной сферы – это перспективные кандидаты: они узнаваемы и имеют авторитет. Подбирая кандидатов в депутаты, главы повсеместно делают ставку на бюджетников: они легко избираемы, и легко управляемы.

Другой сильный игрок, который стремится обеспечить присутствие своих представителей в локальных легислатурах – крупный бизнес и градообразующие предприятия. Такие предприятия располагают финансовыми и организационными ресурсами, зачастую – поддержкой части городского сообщества (работников завода и членов их семей), что позволяет им обеспечивать участие и победы своих представителей на муниципальных выборах.

Отметим, кто защищает интересы предприятий в городских легислатурах.

Во-первых, как и в случае с представительством интересов исполнительной власти, работники бюджетных учреждений, поскольку это оптимальный выбор с точки зрения электоральных предпочтений.

Часто в небольших промышленных городах вся сфера занятости населения – это завод и бюджетные учреждения, поэтому круг потенциальных кандидатов, из которых может выбирать руководство предприятия, которому нужно сформировать пул из нескольких десятков кандидатов, не очень широк и не разнообразен.

Во-вторых, собственно заводчане – работники данного предприятия и предприятий в одной производственной цепочке с ним. К этой категории можно отнести также представителей дочерних или подконтрольных заводу организаций, собственников зависимого от предприятия малого бизнеса. Они по понятным причинам зависимы от директора.

Как для некоторых «бюджетников» присутствие в городской Думе может быть обязанностью, неофициально наложенной на них муниципальной администрацией, так и для работников завода – обязанностью, наложенной заводским руководством.

Иногда они составляют большинство кандидатов, и затем – депутатов, поскольку менеджмент видит их выдвижение самым простым, с точки зрения финансовых затрат и организационных усилий, способом добиться цели – постоянного большинства голосов в местной легислатуре.

В качестве примера можно рассмотреть действующий состав Думы Чусовского городского поселения, избранной в 2013 г. Руководство завода стремилось получить большинство в представительном органе, и менеджмент предприятия отбирал кандидатов самостоятельно, не обращаясь за помощью к политконсультантам или другим сторонним специалистам. В городской Думе было 20 депутатских мест. Из 83 зарегистрированных кандидатов в депутаты 34

были работниками градообразующего предприятия ОАО «Чусовской металлургический завод» и ОАО «Трубодеталь» (структура, созданная под строительство трубно-сталеплавильного комплекса на базе завода), и еще 8 представляли дочерние заводские организации. Половина выдвинутых от завода кандидатов имели лишь начальное специальное или среднее профессиональное образование, среди будущих депутатов были: механик, плавильщик, начальник участка, газорезчик, бригадир, 3 слесаря, шлифовщик, штамповщик, 2 электромонтера, 3 вальцовщика и специалист по общим вопросам. По итогам выборов из 20 избранных депутатов 14 были заводчанами, и большинство из них – представителями рабочих профессий [5, 4–5].

В легислатуре с таким составом депутатов могут эффективно решаться только вопросы, связанные с работой предприятия, или общие для завода и города вопросы, касающиеся городской инфраструктуры, коммунальных сетей и т.п. Депутатский корпус должен принимать решения по гораздо более широкому и разнообразному кругу вопросов местного значения, и поэтому в таком составе оказывается фактически некомпетентен.

Данная электоральная стратегия применяется в малых городах с крупными предприятиями достаточно часто, поскольку заводское руководство может воспринимать легислатуру не столько как орган местного самоуправления, сколько как институт, через который можно лоббировать корпоративные интересы, или как институт, который может официально оформить решения, принятые вне формальных управленческих процедур, т.е. как легитимирующий институт.

Городская Дума Чусового – это показательный пример, но легислатура малого промышленного города не обязательно состоит только из заводских специалистов. Например, в промышленной Нытве в действующем составе депутатского корпуса Думы только 5 из 15 депутатов – представители рабочих профессий [14], в Горнозаводске, на территории которого расположено два завода, – 6 из 15 депутатов [14].

Некоторые предприятия выбирают другую политическую стратегию. Если собственники могут лоббировать свои интересы на региональном уровне, например, через администрацию губернатора, они зачастую не выказывают заинтересованности в присутствии своих ставленников в органах МСУ. В ряде случаев предприятия не претендуют на все депутатские мандаты, сосредоточиваясь на выборах на ключевые муниципальные посты. В настоящее время предприятия также нередко переносят акцент с прямого представительства собственных интересов своими работниками на косвенное. В этом случае у заводского руководства нет твердых гарантий лояльности депутатов, но есть основа для достижения неформальных договоренностей. Например, в упомянутом выше Чусовом ранее, в 2006 г. (на выборах депутатов представительного органа района), при наличии тех же 21 мест, было выдвинуто всего 6 работников завода, но были поддержаны также бюджетники, в т.ч. директор школы, спортсме-

ны, военком города, представители зависимых от завода строительных компаний [1, 173]. Такая стратегия заводского менеджмента дала шанс муниципальной оппозиции после выборов бороться за голоса депутатов, не представляющих завод напрямую.

Муниципальная оппозиция также может быть представлена в локальной легислатуре, хотя оппозиционеры присутствуют в представительных органах и не в каждом созыве, и не в каждом городе. Данную группу нельзя поставить в один ряд с такими игроками, как глава или крупное предприятие, поскольку оппозиция не располагает сопоставимыми ресурсами. Фактически, ее основным ресурсом, который может обеспечить несколько мест в составе депутатского корпуса, является потенциал протеста в городском сообществе против политики действующей администрации или против предприятия, которое проводит свою политику через муниципальную администрацию, или против отдельных персон на муниципальных должностях. Представленность в легислатуре имеет для муниципальной оппозиции определяющее значение, поскольку легитимизирует их положение, фактически, может превратить ее из «группы недовольных горожан» в институционализированную оппозицию [2, 75–76; 9, 25–29].

Оппонентами действующей городской власти могут выступать идейные оппозиционеры, общественные активисты, разного рода политические трибуны и маргиналы, а также бывшие депутаты и главы, смещенные с прежних позиций, но сохранившие политические амбиции. Именно последние, имея капитал социальных связей, релевантный политический опыт (как в сфере публичной политики, так и опыт кулуарных взаимодействий) и аккумулируя зреющий в сообществе протест против политики муниципальной или заводской администрации, могут сформировать и возглавить более или менее эффективную неформальную оппозиционную депутатскую группу в легислатуре.

Различные общественные организации и группы самоорганизации граждан (такие как советы ветеранов, союзы молодежи, объединения пенсионеров и прочее) в малых городах, как правило, слишком слабы, чтобы самостоятельно эффективно действовать через локальные легислатуры. Однако те из них, что имеют влияние в городе, исполнительная власть может вовлекать в неформальные взаимодействия, используя как посредников в общении с социальными группами, которые они представляют.

Статистика численности партийных фракций в муниципальных представительных органах позволяет предположить, что фракции партии «Единая Россия» составляют влиятельные независимые депутатские группы в местных легислатурах, поскольку они сформированы в городских легислатурах повсеместно и почти в каждой являются самыми многочисленными.

Численность депутатов, выдвинутых от «Единой России», в соотношении с общим числом депутатских мандатов, по основным городским округам и поселениям Пермского края выглядит следующим образом: Чернушка – 20 / 14, Чусовой – 20 / 10, Чайковский – 20 / 3, Очер – 15 / 4, Кунгур – 11 / 8, Оса – 15 /

10, Гремячинск – 15 / 11, Кизел – 15 / 8, Горнозаводск – 15 / 6, Оханск – 10 / 7, Суксун – 10 / 7, Усолье – 10 / 7, Чердынь – 10 / 7 [14].

Однако на практике фракции «Единой России» не являются ни сплоченными, ни автономными депутатскими группами, что объясняется особенностями партийного строительства и партийного представительства на уровне малых городов. Тактика «Единой России» – включение в состав партии возможно большего числа значимых в пределах конкретных локальных сообществ фигур (глав городов, глав администраций, депутатов представительных органов, успешных бизнесменов, и прочих) – обеспечила большое число «партийных» депутатов, как и чиновников, но не смогла обеспечить их сплочения в единые группы. Многие локальные сообщества были и остаются конкурентной средой, поэтому внутриполитическая конкуренция оказывается привнесена и в партийные структуры [4, 31; 10, 106]. Члены партии по-прежнему имеют разнонаправленные интересы, которые руководители местных партийных отделений не могут согласовать и привести к единому знаменателю. Депутаты, избранные в представительные органы при поддержке «Единой России», могут ставить интересы личные или корпоративные выше интересов партийных. В случае «Единой России» партийность зачастую воспринимается как формальность и поэтому является слабым объединяющим средством [6, 101; 11, 92].

Уровень компетентности депутатского корпуса малого города на сегодняшний день остается достаточно низким. Основные причины – это низкий образовательный уровень (многие депутаты не имеют высшего образования, некоторые имеют только начальное или среднеспециальное образование), нехватка специалистов с профильным образованием (для депутатов профильным выступает образование по специальностям «юриспруденция», «государственное и муниципальное управление», и т.п.) и нерелевантный профессиональный опыт [7, 91–92].

С одной стороны, это неизбежное следствие того, что в малых городах человеческий капитал остается невысоким. С другой стороны, это обусловлено принципом подбора кандидатов мэрией и заводским менеджментом – для обеих сторон определяющим критерием является лояльность кандидатов, а не их профессионализм.

Кроме того, в малых городах кадровый резерв – это очень узкая группа, и ротация кадров происходит медленно. Также в малых компактных сообществах многие депутаты, как и чиновники, привыкли работать в рамках сложившихся неофициальных управленческих схем, предопределяющих, как формируется повестка дня и идет процесс согласования и принятия решений, и не выходят за установленные рамки. Важно, что образованные и амбициозные кандидаты, как правило, ориентированы на занятие постов в муниципальной администрации, а не на продвижение через легислатуру, поскольку в малом городе это воспринимается как более перспективная карьерная возможность.

Депутатский корпус в малом городе зачастую оказывается недостаточно компетентным для того, чтобы легислатура эффективно исполняла возложенные на нее обязанности представительного органа местного самоуправления, не только и не столько по причине низкого профессионального уровня и некомпетентности отдельных депутатов, сколько в силу того, какими мотивами руководствуются депутаты, какие цели преследуют, как они сами понимают смысл своей деятельности. Их деятельность оказывается далека от представления интересов местного сообщества. Депутаты либо преследуют личные интересы, иногда корыстные, либо отстаивают групповые интересы (при этом речь идет об элитных группах, которые действуют на городском политическом поле и вне легислатуры), как правило, представляя интересы исполнительной власти или корпоративные интересы.

Библиографический список

1. *Витковская Т.Б., Рябова О.А.* Моногорода Среднего Урала: локальные элиты и политические процессы. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 284 с.
2. *Витковская Т.Б.* Местное самоуправление и потенциал общественного протеста в моногороде. // Современный муниципалитет: фабрика услуг или платформа для гражданского общества. Пермь: ПНИПУ, 2013. С. 75–78.
3. *Махмудова Е.А.* Субъекты и механизмы принятия политических решений на муниципальном уровне: опыт неформальных практик в Пермском крае. // Доклад на научной-практической конференции «Современный город: власть, управление, экономика». Пермь: ПНИПУ, апрель 2013.
4. *Панов П.В.* Локальная политика в разных измерениях. // Политическая наука. Вып. 3: Локальная политика, местное самоуправление: российский и зарубежный опыт. М., ИНИОН РАН, 2008. С. 9–31.
5. Политическая ситуация по итогам выборов Главы Чусовского городского поселения и депутатов Чусовской городской Думы: аналитическая записка. Пермь, 2013 (архив автора).
6. *Подвинцев О.Б.* «Глиняные ноги» партии власти. Чем обусловлены проигрыши «Единой России» на местных выборах 2008–2010 гг.: кризисом в обществе или самой ее природой? // «Pro et Contra». М., 2010. Т. 14. № 3. май-июнь. С. 97–105.
7. *Подвинцев О.Б., Витковская Т.Б.* Муниципальная политическая элита Пермского края: уровень образовательной подготовки и возможности его совершенствования // Высшее профессиональное образование, бизнес, власть: опыт и перспективы взаимодействия в подготовке управленческих кадров, ориентированных на инновации. Пермь, 2009. С. 89–93.
8. *Рябова О.А.* Градообразующие предприятия и политические процессы в малых промышленных городах Урала // Политическая наука. 2008. № 3. Ло-

кальная политика, местное самоуправление: российский и зарубежный опыт. С. 224–233.

9. Рябова О.А. «Муниципальные группировки» и развитие конкурентного политического поля малых промышленных городов Урала // Вестник Пермского университета. Серия: История и Политология. 2009. № 1. С. 24–34.
10. Стенограмма круглого стола «Исследование локальных политических процессов в современной России: реалии, проблемы и перспективы» // Методология и теория исследований локальной политики: сб. науч. ст.: материалы научно-практической конференции. Пермь, 2014. С. 102–145.
11. Чирикова А.Е., Ледаев В.Г., Сельцер Д.Г. Власть в малом российском городе: конфигурация и взаимодействие основных акторов. // Полис. 2014. № 2 (140). С. 88–105.
12. Чирикова А.Е. Властные акторы в малых российских городах: формальная и неформальная проекции. // Современный город: власть, управление, экономика. Пермь: ПНИПУ, 2013. Вып. № 3. С. 8–19.
13. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон Рос. Федерации от 6 окт. 2003 г. (в ред. 3 марта 2015 г.) № 131-ФЗ // Информационно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.05.2015)
14. Электоральная статистика: Архив выборов. Местные выборы // Сайт Избирательной комиссии Пермского края [Электронный ресурс]. URL: <http://www.permkrai.izbirkom.ru> (дата обращения: 01.04.2015).

LEGISLATURES IN SMALL TOWNS OF THE PERM REGION: COMPOSITION AND COMPETENCE LEVEL

T.B. Vitkovskaya

Candidate of Political Sciences, Research Associate, Department of Political
Institutions and Processes Research of the Perm Scientific Center of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences

The article is devoted to analysis of the composition and structure of representative bodies of local self-government in small towns. It is shown how lobbying potential of urban assemblies determines their qualitative composition. The main deputy groups represented in local legislatures are examined: pro-enterprise groups, groups of deputies representing the interests of the executive power, opposition groups. The causes of low competence of the deputies corps of local legislatures are given.

Keywords: local self-government; representative body of local self-government; executive body of local self-government; local legislature; municipal administration; deputies; deputy corps; local policy; urban policy.

References:

1. *Vitkovskaya T.B., Ryabova O.A.* Single-industry cities of the Middle Urals: local elites and political processes. Ekaterinburg: UB RAS Publ., 2011. 284 p. (In Rus.).
2. *Vitkovskaya T.B.* Local government and potential of social protest monotowns// Modern municipality: a factory of services or platform for the civil society// PNRPU. 2013. P. 75-78. (In Rus.).
3. *Makhmudova E.A.* Subjects and mechanisms of political decision-making process at the municipal level: experience of informal practices in the Perm region // Report at the scientific conference "Modern city: power, management, economics"// Perm, PNRPU. April 2013. (In Rus.).
4. *Panov P.V.* Local politics in different dimensions // Political sciences. V. 3: Local policy and local government: Russian and foreign experience. M., INION RAS. 2008. P. 9-31. (In Rus.).
5. "The political situation under the results of election of the Head of Chusovoy urban settlement and the deputies of Chusovoy City Council. Analytical note"// Perm, 2013. (In Rus.).
6. *Podvintzev O.B.* «Clay legs» of the ruling party. What are the reasons for "United Russia"'s local election failures in 2008-2010: society crises or its own nature? // «Pro et Contra». M., 2010. Vol. 14. №3. May-June. P. 97-105. (In Rus.).
7. *Podvintzev O.B., Vitkovskaya T.B.* Municipal political elite of the Perm region: the level of educational attainment and opportunities to improve. // Higher education, business, government: experience and prospects for cooperation in management training focused on innovations// Perm, 2009. P. 89-93. (In Rus.).
8. *Ryabova O.A.* City-forming enterprises and political processes in small industrial towns of the Urals // Political science. 2008. № 3. Local policy, local government: Russian and foreign experience. P. 224-233. (In Rus.).
9. *Ryabova O.A.* The municipal groups and the development of a competitive political field of small industrial towns of the Urals. // Perm University Herald. Series: History and Political Science. 2009. № 1. P. 24-34. (In Rus.).
10. Shorthand record of the round table "The study of local political processes in modern Russia: Realities, Challenges and Prospects" // Methodology and theory research of local policy. Collected articles. Proceedings of the scientific conference// Perm, 2014. P. 102-145. (In Rus.).
11. *Chirikova A.E., Ledyayev V.G., Seltzer D.G.* Authorities in a small Russian town: the configuration and interactions of the main actors // Polis. 2014. № 2 (140). P. 88-105. (In Rus.).
12. *Chirikova A.E.* Main actors in small Russian towns: formal and informal perspective // Modern city: power, management and economy// Perm: PNRPU, 2013. Vol. № 3. P. 8-19. (In Rus.).

13. Federal Act «General principles of organization of local self-government in the Russian Federation» № 131-FA, 10.06.2003 // Information system «Consultant plus». (In Rus.).
14. Electoral statistics: Archive of election results. Municipal elections // Website of Perm Region Election Commission. Available at: <http://www.permkrai.izbirkom.ru> (In Rus.).

УДК-323:352

NON-PARTISAN GROUPS IN GERMAN LOCAL POLITICS: BETWEEN POPULISM AND ‚POLITICS AS USUAL‘?

*Michael Angenendt*¹

The article aims to give an overview of the current state of research concerning the presence and success of German non-partisan groups in local politics. It can be shown that their presence in German municipalities rose between 2008 and 2015, so they are active in more than 80 per cent of all municipalities up to now. The author also focuses on the current problems of definition for international comparison and raises the question whether or not it is useful to analyse these local groups within the concept of populism (Barr 2009) and anti-establishment parties (Schedler 1996). Special attention is given to possible spill-over effects from successful anti-party rhetoric of non-partisan groups in local politics to higher levels of the political system.

Key words: non-partisan groups; independent local lists; local parties; populism; anti-establishment parties; local politics.

1. Introduction

In the last few decades non-partisan groups in German local politics have developed as serious competitors to national parties. In some regions they even dominate the political competition, especially in Southern Germany [50, 124]. The estimated number of 280.000 members, organized in regional associations of the so called Free Voters, are more than the members of the German green, left and liberal party together [22]. But despite their widespread presence and success, party researchers have ignored the phenomenon of local voter associations for a long time: Until the middle of the last decade, only a few case and regional studies had focused on these non-parties at the local level [e.g. 23; 54; 17]. A first national wide study to explore the reasons of their success and their attitudes to the local political sphere started in 2001 [e.g. 43; 44; 19; 47; 31], followed by a comparative overview of non-partisan groups in European countries [46].

Due to the programmatic and organizational heterogeneity of these local actors [43, 278; 58, 65; 33], it is tricky to find a common definition for systematic international comparison. Up to now, empirical evidence for Germany is still missing, concerning their attitudes towards established parties and the democratic

¹ Michael Angenendt – M.A., Researcher at the Party Research Institute (PRuF) and the Chair of Comparative Politics, Heinrich-Heine-University Duesseldorf, Building 23.31.01.24, Universitätsstraße 1, Germany, 40225 Duesseldorf, michael.angenendt@hhu.de.

© Angenendt M., 2015

process at the national level¹. Because of this, it is unknown if their self-described picture as non-parties or even anti-parties is rooted in the beliefs of their members and manifests itself in the political decisions of their representatives in the local arena. Especially in small municipalities, the presence of non-partisan groups need not necessarily be the result of a refusal to party democracy. Instead, it could be also a result of the absence of national party branches, as Holtmann (2012) [30] has shown. Nevertheless, their declaration as independent actors and promoters of a factual style of local politics seems to be a core component of non-partisan groups in Germany [29, 141].

In so far, this article attempts to give an overview about the recent state of research concerning the presence and success of non-partisan groups in Germany and the efforts to find a definition that captures the phenomenon adequately as well as a critical reflection of their claim to pursue anti-ideological and objective policies.

2. Problems of definition

Despite the widespread presence of non-partisan groups in different European countries [1; 7; 18; 46], it is hard to find a common definition for cross-national research. So what is the problem of definition and which attempts exist to solve it?

Next to political parties at the local level exists a lot of different kinds of groups, which try to influence local political decision making. Prominent examples are citizens' initiatives and political movements, but different to the non-partisan groups discussed here, they do not try to influence local politics directly by engaging in the electoral competition [40, 35f.]. Consequently, it is inherent for non-partisan groups to participate at the local election process. Naßmacher (1996) [39] calls these local groups "town-hall parties" (own translation), because they are regularly bounded to a municipality. The term seems to be inadequately, due to the fact that they are not parties in the sense of the German party law [29, 128]: An integral part to be a political party in Germany is the participation at state and/or federal elections (German party law § 2). Recent approaches for definition respect this aspect and propose the term "independent local lists" [46], specified as "groups participating in local elections, and being not political parties in the sense of the German party law" [19, 128]. The definition distinguishes between two lines: They are not a political party, but require a higher degree of organization than independent candidates [19, 128] and it also captures the aspect that they are running for *local* elections.

Although this definition is the recent term to grab the phenomenon, it may be problematically for an international comparison. First, because in other countries political *parties* exist that are bound to the local level and being absent from national elections. Second, it is questionable to what extend these groups are really 'independent': On one hand this may indicate that they have no formal linkages to

¹ For empirical evidence regarding their attitudes and beliefs to *local* political processes see also Holtmann 2012.

parties, on the other hand it suggests that they are ideologically independent. Both can be confusing in the attempt to classify them unambiguously, because some non-partisan groups de facto have linkages to a national party, but renounce the party label in their name [45, 77ff.]. Previous research has also shown that different kinds of non-partisan groups exist, which are supporting different ideologies: The ‘old type’ of non-partisan groups represents a conservative profile, while more postmaterialistic groups support leftwing policies, next to populist right-wing groups [24, 357; 47; 33]. For the purpose of the present article, I refer to the definition from Reiser and Holtmann [e.g. 31; 49], mentioned above. For further comparative research it may be useful to remove the condition of being a non-party. So, my recommendation is to define them as a political group which presents candidates exclusively at local and/or regional elections. The definition is able to capture the whole spectrum of local and regional parties and independent local lists, exclusively acting below the national or federal political arena. Also, a certain degree of organizational cohesiveness is necessary. The following typology from Reiser [45, 80] recaps the presented problems of definition:

Table 1: Typology of local political groups

		Party linkage	
		no party linkage	party linkage
Focus	local	I) Non-partisan groups / independent local lists	II) ‘hidden party lists’
	Local / supralocal	III) Multi-level organized ‘Free Voters’	IV) local party branches

Source: Reiser 2012 [45, 80], own translation

Type I is the idealtypical German non-partisan group, without party linkages and focused exclusively on one municipality. Type II de facto has linkages to a national party but covered it by using a different label [57, 152]. The reasons for the emergence of this type can be the legal ban for national parties to participate in local elections, e.g. like in Greece [45, 86] or that the members of the local party branch share the belief that they will benefit from existing anti-party sentiments in the electorate. A somewhat hybrid phenomenon are the Free Voters in Germany, which are organized in a state association and so be present in more than one municipality.

This may be comparable with local parties in other European countries, acting in different cities but always restricted to the local or regional level [e.g. 1; 7; 18]. Type IV presents the classic party branch with formal ties to higher levels of the political system and is in this way unproblematic to identify empirically.

3. Presence and Success of non-partisan groups in Germany

Up to the 1990's, the thesis of a rising party politicisation in German local politics had been widespread among political scientists [e.g. 28]. Following that, the national parties 'colonise' the local level more and more. But instead of a growing politicisation, non-partisan groups have become more and more successful [27]: Especially in Southern Germany, non-partisan groups had been established since 1945 [47, 198]. Also in Eastern Germany they were able to become an integral part of the new forming local political system after the fall of communism [39; 30, 27]. In all West-German states the average success rose up until 1990¹. Also in Eastern Germany the average success of non-partisan groups rose up in every State between 1990 and 2010 [30, 27]².

Table 2: Presence and success of non-partisan groups in Germany

Federal State / Province	Presence (in % of all city councils)	Success (Average number of vote share in %)
Baden-Wuerttemberg	89,5	47,9
Bavaria	94,2	45,6
Hesse	82,4	17,0
Lower Saxony	60,8	20,9
North Rhine-Westphalia	72,5	9,6
Rhineland-Palatinate	37,7	17,9
Saarland	58,6	6,6
Average West-Germany	69,8	30,0
Brandenburg	91,4	45,0
Mecklenburg-Western Pomerania	72,3	43,6
Saxony	90,1	39,4
Saxony-Anhalt	73,8	41,0
Thuringia	84,4	56,3
Average East-Germany	80,3	45,7

¹ An exception is Rhineland-Palatinate, where the success between 2004 and 2009 drop down from 35,1 percent to 18,7 percent of all votes (Holtmann 2012: 26)

² Newer data are up to now not available

Average Germany	73,4 (2015: 81,1)	35,5
-----------------	-------------------	------

Source: Göhlert et al. 2008 [20, 132]. The data for 2015 in brackets is a first result of the Free Voters Membership Study¹

The results presented in table two show that despite the rising success, huge differences exists between the federal states in Germany: While in Baden-Wuerttemberg and Bavaria non-partisan groups traditionally reach their biggest electoral successes (more than 40 per cent of all votes in average), they are not able to connect at these triumphs in Saarland and North Rhine-Westphalia (less than 10 per cent of all votes on average), whereas in Eastern Germany the differences between the federal states are much lower. Obviously, the average success in the newly-formed German states is more than 15 percentage points higher than in Western Germany.

Noteworthy is also the continuous spread between 2008 and 2015: In 2008, non-partisan groups were presented in 73,4 percent of all German municipalities while there are now present in more than 80 percent of all municipalities². The result can be seen as an (weak) indicator for the continuous depoliticisation of the local level.

Despite their continuous success in Germany, the differences between the federal States raise two questions: (1) How can the continuing success for German non-partisan groups be explained *in general* and (2) what are the *specific* reasons for the different levels between the federal States?

4. Theoretical assumptions to explain the rising success of non-partisan groups in Germany

In the literature, different hypotheses compete against one another to explain the different levels of success [e.g. 39; 43; 27; 40], summarized by Holtmann (2012) [30] as institutional, structural, organizational and cultural factors:

(1) Institutional aspects refer to the different arrangements of the electoral law in the federal states. Especially two aspects seem to be important. The electoral threshold and the ability to panachage and accumulate one's vote at the ballot [20, 133ff.]. From an individualistic point of view, high thresholds may influence voters' belief that a choice for a non-partisan group is a wasted one, because high thresholds complicate the chance to obtain a seat in the town hall [e.g. 53; 6]. If all or at least a lot of voters share this belief, the phenomenon can be explained by a self-fulfilling prophecy [13, 179]: Someone will vote for a non-partisan group if a sufficient number of voters would do so, too. But if idealtypically every potential voter of a

¹ Both based on data from the State Statistical Offices in Germany

² Attention should be paid to the fact that the percentage share of communities in Germany, in which non-partisan groups are present in 2015, based on a random sampling of all German municipalities, while the rest of the results based on a full census by Göhlert et al. (2008).

non-partisan group shares the belief that there are too little followers for this group, no one takes the chance and the non-partisan group will in fact not achieve the threshold. The second aspect is the opportunity to split one's vote. Because non-partisan groups are focused on regional and/or local topics, prominent people at the local level have a good chance to gain a seat in the town hall [24, 342]. In this way personality matters more than party ideology and the right to split one's vote reduces the costs of promoting the desired candidate.

(2) Structural aspects refer to the region and size of municipality as potential variables to influence the success. While empirical findings show that the region (rural vs. urban) has no impact on the success, the size of the municipality has an impact: The less citizens live in a municipality, the bigger is the success [43, 284]. How can this correlation be explained in detail? Two different ways to interpret are conceivable: In smaller communities exist less anonymity between the citizens and in succession less need for parties to bundle and aggregate interests. Ideology and conflict are in this view reserved to national politics and the success of non-partisan groups is the consequence of the absence or uselessness of parties in small municipalities [27, 263; 30, 42]. Another interpretation may be that people in small municipalities have stronger ties to a limited number of people with similar social-economic characteristics [21] and as a result forming particular trust to the citizens of their own community along with a generalized distrust towards their fellow citizens and their representatives outside one's own community [2; 4]. If the latter is right, anti-party sentiments should be the reason for a specific or general rejection of parties [e.g. 41; 42] at the local level and a preference for anti-party voting in the (local) electoral arena [5].

Thesis three, regarding the organizational degree of parties at the local level, is suited to discriminate between the two different possibilities standing behind the size of the municipality as a potential explanatory variable. A multivariate analysis by Holtmann [30, 42] shows, that it is not the size of the municipality itself that leads to a greater success: Instead, a small number of citizens in a municipality correlates statistically with a small number of parties in this municipality. But causally responsible for the success is the small number of parties, not the sheer number of citizens, as regression analysis indicates. So even in cities with a small number of inhabitants, parties are successful – if they participate at local elections.

At last, the political culture (4) is seen to have an impact (see also Eith/Mikhaleva 2014) [12]. An indication for this assumption is the great success on non-partisan groups in Baden-Wuerttemberg in contrast to North Rhine-Westphalia. Indeed, in both States the success has risen in recent years [30, 26], but in Baden-Wuerttemberg these groups had been well established even before the success has risen in North Rhine-Westphalia. Different political cultures may also explain the different levels of success between Eastern and Western Germany: The negative experience with the SED regime in Eastern Germany may foster "cultural antipartyism", which "might be closely associated with other cynical or negative

assessments of various dimensions of democratic politics, forming part of a broader syndrome of political disaffection” [55, 262].

5. Non-partisan groups as advocates of a factual political style

Despite the heterogenous nature of non-partisan groups, their identifying feature is the promotion of factual politics on the local level [48]. More than 95 percent of group chairmen from non-partisan groups agreed to the statement that “factual politics has to have priority over party politics on the local level” [20, 141]. In contrast: Nearly 80 percent of party group chairmen at the local level agreed to the statement [20, 141]. The empirical findings refer to an ongoing controversy between political scientists: Is the local level anyway “a place to party” as Copus et al. (2012) [9] points out? Two different explanatory models polarize the current debate: One the one hand, “local self government was considered to be outside of the political sphere, and seen as purely factual and harmonic. In this view, the political sphere existed only on state and federal levels, mainly characterised by competition between political parties” [20, 129]. Maybe this view can be best captured by the english saying: “there is no Socialist or Conservative way to dig a ditch” [9, 221]. But, as Copus et al. [9, 221] in contrast to this expression underline, “there is a Republican and Democratic, Socialist and Conservative view about how many of these things there are, who builds them, who maintains them, where they are and who pays for them”. It is not the aim of this article to evaluate both statements, but to point out that this controversy gives an indication to understand the high level of acceptance to a somewhat factual style of local politics by both, party politicians and non-partisan politicians. In spite of commonalities, the difference of 15 percentage points to the statement above shows that members of non-partisan groups accept an harmonious political style even more. The following application tries to recapitulate the debate:

Table 3: Differences between local and national politics

Local politics	National politics
Independent candidates and non-partisan groups	Political Parties
Parties as a ‘necessary evil’	Parties as a linkage between state and citizen
Factual politics	Ideology and interest
‘big family’	Government and Opposition
common sense	Competition

Source: Jüptner 2008 [32, 35]

From a normative point of view, it may be interesting whether non-partisan groups challenge the established parties, because they promote a different political style. But up to now it is unclear if the non-partisan councillors behave and decide in a different manner than their party member counterparts in the town hall. As Holtkamp [25; 26] argues, we can distinguish between two ideal types of political behavior at the local level: Concordance and concurrence democracy, while the latter is characterised by a strong party politicisation and majority decisions and the former by a domination of non-partisan groups and the de facto dominance of unanimity decision making. But even if non-partisan groups frequently occur in concordance democracy, this may be no indicator to assume that they substantially differ from party politicians in the decision making process, because the behavior of both, party and non-partisan councillors can be influenced by the local settings¹: If a cooperative political style dominates the local political process, both types of political groups may behave differently than in a more competitive setting. That in turn means that there would be no causal influence of the membership in a non-partisan group for explaining an orientation towards a harmonious political style.

6. Populism or ‘Politics as Usual’ ?

The German Free Voters association, the oldest association of non-partisan groups in Germany, describes their political style as “people-oriented common sense politics” and themselves as the “political force of the middle grounds” (Free Voters 2015, own translation). But what does that mean in everyday political practise is still unknown. To get a deeper understanding of how the members of non-partisan groups behave and what are their beliefs and attitudes, we are currently aim to study the members of the German non-partisan groups by a survey to close the gap. Because empirical results are currently not yet available, my assumptions of whether non-partisan groups are populist actors in local politics or not must be restricted to theoretical assumptions, based on literature available to the topic of populism in general. Of course, previous results concerning the heterogeneity of these actors have pointed out that there will be no general answer. Instead, it seems to depend on the specific type of non-partisan group as well as the contextual conditions². To put it pointedly: Is it a problem for representative democracy if non-partisan groups foster a factual political style? Top put it ironically, at least for the type of local concordance

¹ It should be noted here, that this refers to a common phenomenon, explained by Lehmbruch (1979) as “janus-faced local party branches” (own translation): In this perspective party members have to deny their party membership and focus on local issues instead of ideology and interest (see Table 3 above) and simultaneously promote the party programme in national election campaigns.

² For example, as Reiser and Holtmann (2009: 209) have demonstrated empirically, the acceptance of different interests and ideologies is more widespread among non-partisan councilors in bigger cities than in smaller ones.

democracy it seems to be common that local decision making is reached by an unanimity rule and factual politics is dominating, but nevertheless political scientists in Germany are not afraid that democracy is endangered at the local level by non-partisan groups in these municipalities. But it could become problematically if the refusal of party politics will not just be restricted to the local political sphere and instead spill over to the national political system: “As party leaderships become increasingly remote from the wider society, and as they also appear increasingly similar to one another in ideological or policy terms, it simply becomes that much easier for populist protestors to rally against the supposed privileges of an undifferentiated political class. As party democracy weakens, therefore, the opportunities for populist protest clearly increase” [37, 519]. Therefore, I propose to distinguish between anti-party sentiments restricted to the local level and such which are directed against specific parties or parties in general [41; 42] at the federal or national level.

A current example to show that the electoral success from anti-party parties or anti-establishment parties [e.g. 51] can spread from the local to the national level is the Five Star Movement from Beppe Grillo in Italy [8]. In comparison, also the Free Voters are rooted at the local level for a long time, especially in Baden-Wuerttemberg and Bavaria (see table 1) and have managed to overcome the five percent hurdle at the state elections in Bavaria in 2008 and 2013 [52, 34]. But the success in Bavaria is seen as an exception [52; 38, 11] as well as their chance to become a nationwide successful actor [14].

Surprisingly, the question whether the Free Voters, as a spearhead of a factual and anti-ideological style of politics [36], are a populist or anti-establishment political group or not has not been investigated empirically up to now (for theoretical assumptions see Eith 2012 [11]; Lütjen 2012 [36]). A characteristic feature of the concept of populism and anti-establishment or anti-party parties is the distinction between ‘us and them’. As Schedler [51, 294] points out, the fundamental cleavage in this respect is “between the ‘ruled’ and the ‘rulers’, or alternatively, the conflict between audience and politics, voters and parties, citizens and politicians [...]. The semantic clothing may vary but the basic message remains the same: public officials form an anti-popular coalition; they have degenerated into a political class”. Schedler [ibid.: 51, 295] calls this rhetoric strategy “de-differentiation”, because it sets out the binary code ‘government vs. opposition’. This de-differentiation can in fact be seen in the anti-party rhetoric of the Free Voters, which do not separate between the different political parties [e.g. 36, 163]. Evidently is also the apparent contradiction between the citizens in the local community and the role of political parties: “While citizens and anti-political establishment actors live in peace and harmony, their relationship with the political establishment is deeply antagonistic. Those ‘above’ do not even belong to the pre-established community of those ‘below’” [59, 293]. This distinction comes very close to the presented distinction between local politics and national politics. But on the contrary, it is noteworthy that in some German

municipalities the Free Voters are established actors and so it may seem contradictory to define them as anti-establishment. One way to resolve this is to distinguish between their anti-party rhetoric and their actual behavior. This raises the question whether they will be able to maintain their anti-establishment appeal in the electorate, even if they have responsibility in local government.

Furthermore, Barr [3, 37] emphasizes that as a reaction to the behavior of the 'political class', the claim to improve accountability is an essential characteristic of populist groups. He identifies two different kinds in this regard: First, the vertical and top-down form ("I can do it for you") which leads to the claim that the possibility or the sheer number of direct democratic decisions must be enhanced. Second, the claim to promote citizen participation ("We can do it for ourselves") [3, 37]. And in fact, we can find both in the electoral programme of the Free Voters (Free Voters election program - 2013) [15, 5]. In spite of these sketchy considerations, the question whether or not the Free Voters, as the most known non-partisan group in Germany, are a kind of populist actor in German local politics deserves more attention in future research activities. But let me conclude this aspect by reiterating and point out very clearly that the Free Voters are only one non-partisan group among others. Currently, we do not know how much of the non-partisan groups are members in the Free Voters association. Likewise, it would be irresponsible to capture non-partisan groups as a homogenous actor.

In contrast to the presented skeptical point of view here, non-partisan groups may enhance the participation of otherwise political passive citizens in the local political sphere [e.g. 56; 29, 144] and establish a new cleavage: "Parties with a localist profile emphasise the contrast between municipal interests on one side, and regional, provincial, or national interests, on the other. They stress that independent local party councillors are in a better position to promote local interests than representatives of party branches, who are assumed to be more responsive to pressures from fellow party members at higher administrative levels" [7, 85]. Also from a normative point of view it may be questionable if populism is, simplified, always bad for (local) democracy. The construction of a homogenous identity is seen to be a core element of populism and may be incompatible with liberal democracy [e.g. 10, 26f.], but if the political class itself tends to become illiberal, it may be evaluated positively to distance oneself from the political class above. In this way, the option to form a non-partisan group without a lot of bureaucratic burden may allow oneself room for promoting local topics that would have been ignored otherwise.

7. Conclusion

The article aimed to give a short summary of the current status of research about non-partisan groups in German local politics and raised the question, if (a subsample of) non-partisan groups fit into the concept of populism. I have pointed out that these groups are characterised by their role as non-parties in German local

politics. A reasonable definition has proposed by Göhlert et al. (2008) [20], which separate non-partisan groups from single candidates and political parties. For an international comparison it also may be useful to apply a broader definition which removes the criteria of a non-party and stresses their limitation to the local and/or regional political sphere. This will be possible to compare local political groups between different countries, regardless of their legal status and provides a common analytical framework. So, even if the number of articles, focused on local political parties or non-partisan groups in local politics, has risen in the last years, a systematic comparison is still lacking¹. The presented empirical findings indicate that non-partisan groups are a widespread phenomenon in Germany: In 2015, non-partisan groups are present in more than 80 percent of all German municipalities.

For future research it may be interesting to compare different countries to get a deeper understanding of how different levels of presence and electoral success can be explained by institutional factors of the national political system as well as the political culture. As Reiser and Krappidel [48, 91] have presented first insights into the beliefs of political group chairmen concerning local political processes, it will be also relevant to analyse their attitudes and beliefs towards political processes and democracy in general. This would improve our understanding whether the proclaimed anti-partyism of non-partisan groups is rooted in the beliefs and behavior of their members, or just political marketing, combined with politics as usual.

References (Original)

1. Aars J., Ringkjøb Hans-Erik (2005): Party Politicisation Reversed? Non-partisan Alternatives in Norwegian Local Politics. In: *Scandinavian Political Studies* 28 (2), p. 161–181.
2. Angenendt, Michael; Schmitt, Johannes (2015): (Warum) Vertrauen wir Politikern? Kontextuelle und individuelle Determinanten politischen Vertrauens. In: *Krisen. Prozesse. Potenziale. Beiträge zum 4. Studentischen Soziologiekongress*. Bamberg.
3. Barr, Robert R. (2009): Populists, Outsiders and Anti-Establishment Politics. In: *Party Politics* 15 (1), p. 29–48.
4. Baurmann, Michael; Zintl, Reinhard (2006): Social and Cultural Preconditions of Democracy. In: Michael Baurmann, Geoffrey Brennan und Reinhard Zintl (eds.): *Preconditions of Democracy*. Tampere: Tampere University Press, p. 19–74.
5. Bélanger, Éric (2004): Antipartyism and Third-Party Vote Choice: A Comparison of Canada, Britain, and Australia. In: *Comparative Political Studies* 37, p. 1054–1078.

¹ A notable exception in this way is Reiser/Holtmann (2008).

6. *Blais, A.; Erisen, C.; Rheault, L.* (2014): Strategic Voting and Coordination Problems in Proportional Systems: An Experimental Study. In: *Political Research Quarterly* 67 (2), p. 386–397.
7. *Boogers, Marcel; Voerman, Gerrit* (2010): Independent Local Political Parties in the Netherlands. In: *Local Government Studies* 36 (1), p. 75–90.
8. *Bordignon, Fabio; Ceccarini, Luigi* (2013): Five Stars and a Cricket. Beppe Grillo Shakes Italian Politics. In: *South European Society and Politics* 18 (4), p. 427–449.
9. *Copus, Colin; Wingfield, Melvin; Steyvers, Kristof; Reynaert, Herwig* (2012): A Place to Party?: Parties and Nonpartisanship in Local Government. In: *Karen Mossberger, Susan E. Clarke und Peter John* (eds.): *The Oxford Handbook of Urban Politics*. New York: Oxford University Press, p. 210–230.
10. *Decker, Frank* (2006): Die populistische Herausforderung. Theoretische und ländervergleichende Perspektiven. In: *Frank Decker* (eds.): *Populismus. Gefahr für die Demokratie oder nützliches Korrektiv?* Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, p. 9–32.
11. *Eith, Ulrich* (2012): Ideologiefreie Sachpolitik oder populistischer Protest? Freie Wähler auf Landes- und Bundesebene. In: *Martin Morlok, Thomas Poguntke und Jens Walther* (eds.): *Politik an den Parteien vorbei. Freie Wähler und Kommunale Wählergemeinschaften als Alternative*. Baden-Baden: Nomos, p. 147–156.
12. *Eith, U.; Mikhaleva A.V.* (2014): Regional Political Identities and Milieus in Germany. Impacts of the Electoral Law, the Social Strata and the Economic Structure. In: *Review of Political Science* 28 (4).
13. *Elster, Jon* (2007): *Explaining Social Behavior. More Nuts and Bolts for the Social Sciences*. New York: Cambridge University Press.
14. *Faas, Thorsten; Blumenberg, Johannes N.* (2012): Freie Wähler bei Landtagswahlen: Eine Potenzialanalyse am Beispiel der baden-württembergischen Landtagswahl 2011. In: *Martin Morlok, Thomas Poguntke und Jens Walther* (eds.): *Politik an den Parteien vorbei. Freie Wähler und Kommunale Wählergemeinschaften als Alternative*. Baden-Baden: Nomos, p. 181–196.
15. Free Voters election program (2013): Bürger ernst nehmen. Wohlstand sichern. Zukunft gestalten. Programm für Deutschland. Online available at: [http://www.freiewaehler.eu/fileadmin/user_upload/Bundesvereinigung/Dokument e/Wahlprogramm_der_Bundesvereinigung.pdf](http://www.freiewaehler.eu/fileadmin/user_upload/Bundesvereinigung/Dokument_e/Wahlprogramm_der_Bundesvereinigung.pdf).
16. Free Voters (2015): Homepage of the Free Voters party. <http://www.freiewaehler.eu/startseite/>.
17. *Gabriel, Oskar W.* (1991): Das lokale Parteiensystem zwischen Wettbewerbs- und Konsensdemokratie. In: *Oberndörfer, Dieter; Schmitt, Karl* (eds.): *Parteien und regionale politische Tradition in der Bundesrepublik Deutschland*. Duncker & Humblot. p. 371–396.

18. *Gendźwiłł, Adam* (2012): Independent Mayors and Local Lists in Large Polish Cities: Towards a Non-partisan Model of Local Government. In: *Local Government Studies* 38 (4), p. 501–518.
19. *Göhlert, Stefan* (2008): Wählergemeinschaften in Deutschland : eine Wahlstudie über Präsenz, Erfolge und Misserfolge im Licht von vier Kommunalwahlen. In: Marion Reiser, Adrienne Krappidel, Everhard Holtmann und Stefan Göhlert (eds.): *Parteifrei im Parteienstaat. Kommunale Wählergemeinschaften - Elektorale Verankerung und soziales Profil im Ost-West-Vergleich: SFB 580 Mitteilungen*, No. 25, p. 10–72.
20. *Göhlert, Stefan; Holtmann, Everhard; Krappidel, Adrienne; Reiser, Marion* (2008): Independent Local Lists in East and West Germany. In: Marion Reiser und Everhard Holtmann (eds.): *Farewell to the Party Model? Independent Local Lists in East and West European Countries*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, p. 127–148.
21. *Granovetter, Mark S.* (1973): The Strength of Weak Ties. In: *American Journal of Sociology* 78, p. 1360–1380.
22. *Grein, Armin* (2007): 'Großstädte - ein schwieriges Terrain für die Freien Wähler?' Introduction to the panel debate, Bundesverbandstagung of the Free Voters at March 3th, 2007 in Fallersleben.
23. *Grundmann, Werner* (1960): *Die Rathausparteien*. Göttingen: Schwartz Verlag.
24. *Haller, Hans-Martin* (1979): Die Freien Wähler in der Kommunalpolitik. In: Helmut Köser (eds.): *Der Bürger in der Gemeinde. Kommunalpolitik und politische Bildung*. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, p. 335–368.
25. *Holtkamp, Lars* (2006): Parteien und Bürgermeister in der repräsentativen Demokratie. *Kommunale Konkordanz- und Konkurrenzdemokratie im Vergleich*. In: *Politische Vierteljahresschrift* 47 (4), p. 641–661.
26. *Holtkamp, Lars* (2008): *Kommunale Konkordanz- und Konkurrenzdemokratie. Parteien und Bürgermeister in der repräsentativen Demokratie*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
27. *Holtkamp, Lars; Eimer, Thomas R.* (2006): Totgesagte leben länger... Kommunale Wählergemeinschaften in Westdeutschland. In: Uwe Jun, Henry Kreikenbom und Viola Neu (eds.): *Kleine Parteien im Aufwind. Zur Veränderung der deutschen Parteienlandschaft*. Frankfurt am Main: Campus, p. 249–276.
28. *Holtmann, Everhard* (1992): Politisierung der Kommunalpolitik und Wandlungen im lokalen Parteiensystem. In: *Aus Politik und Zeitgeschichte* (22-23), p. 13–22.
29. *Holtmann, Everhard* (2008): Local lists in Europe. In: Marion Reiser und Everhard Holtmann (eds.): *Farewell to the Party Model? Independent Local Lists in East and West European Countries*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, S. 11–19.
30. *Holtmann, Everhard* (2012): Parteifrei im Parteienstaat - Kommunale Wählergemeinschaften in der politischen Landschaft der Bundesrepublik Deutschland. Eine Bestandsaufnahme. In: Martin Morlok, Thomas Poguntke und

- Jens Walther (eds.): Politik an den Parteien vorbei. Freie Wähler und Kommunale Wählergemeinschaften als Alternative. Baden-Baden: Nomos, p. 25–50.
31. *Holtmann, Everhard; Khachatryan, Kristine; Krappidel, Adrienne; Plassa, Rebecca; Rademacher, Christian; Runberger, Maik* (2012): "Die Anderen" - Parteifreie Akteure in der lokalen Risikogesellschaft. In: Heinrich Best und Everhard Holtmann (eds.): Aufbruch der entsicherten Gesellschaft. Deutschland nach der Wiedervereinigung. Frankfurt, New York: Campus Verlag, p. 150–171.
 32. *Petr* (2008): Local Lists in the Czech Republic. In: Holtmann, Everhard; Reiser, Marion (eds.): Farewell to the Party Model? Independent Local Lists in East and West European Countries. VS Verlag, p. 21–37.
 33. *Krappidel, Adrienne* (2012): Politisches Verhalten von demokratischen Parteien und rechtsextremen Wählergemeinschaften in Kommunalparlamenten. In: Morlok, Martin; Poguntke, Thomas; Walther, Jens (eds.): Politik an den Parteien vorbei – Freie Wähler und Kommunale Wählergemeinschaften als Alternative. Nomos Verlag, p. 197–225.
 34. Landeswahlleiter des Freistaates Bayern (2013): State Election in Bayern at September, 15th in 2013. Online available at <http://www.wahlen.bayern.de/lw2013/pm07.pdf>.
 35. *Lehmbruch, Gerhard* (1979): Der Januskopf der Ortsparteien. Kommunalpolitik und das lokale Parteiensystem. In: Helmut Köser (eds.): Der Bürger in der Gemeinde. Kommunalpolitik und politische Bildung. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, p. 320–334.
 36. *Lütjen, Torben* (2012): Jenseits der Parteilichkeit? Zum Anspruch der Freien Wähler auf Ideologiefreiheit. In: Martin Morlok, Thomas Poguntke und Jens Walther (eds.): Politik an den Parteien vorbei. Freie Wähler und Kommunale Wählergemeinschaften als Alternative. Baden-Baden: Nomos, p. 157–172.
 37. *Mair, Peter* (2014): Populist Democracy vs. Party Democracy. In: Peter Mair und Ingrid van Biezen (eds.): On Parties, Party Systems and Democracy. Selected writings of Peter Mair. Colchester, U.K: ECPR Press (ECPR essays), p. 513–530.
 38. *Morlok, Martin; Poguntke, Thomas; Walther, Jens* (eds.) (2012): Politik an den Parteien vorbei. Freie Wähler und Kommunale Wählergemeinschaften als Alternative. Baden-Baden: Nomos.
 39. *Naßmacher, Hiltrud* (1996): Die Rathausparteien. In: Oskar Niedermayer (eds.): Intermediäre Strukturen in Ostdeutschland. Opladen: Leske + Budrich, p. 173–191.
 40. *Naumann, Ingo* (2012): Wählergemeinschaften in einer Parteiendemokratie. Ihre Stellung im politischen System der Bundesrepublik Deutschland. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
 41. *Poguntke, Thomas* (1996): Anti-Party Sentiment. Conceptual Thoughts and Empirical Evidence: Explorations Into a Minefield. In: European Journal of Political Research 29, p. 319–344.

42. *Poguntke, Thomas; Scarrow, Susan E.* (1996): The Politics of Anti-Party Sentiment: Introduction. In: *European Journal of Political Research* 29, p. 257–262.
43. *Reiser, Marion* (2006): Kommunale Wählergemeinschaften in Ost- und Westdeutschland. Eine Analyse zur Präsenz der parteifreien Gruppierungen in vier Bundesländern. In: Uwe Jun, Henry Kreikenbom und Viola Neu (eds.): *Kleine Parteien im Aufwind. Zur Veränderung der deutschen Parteienlandschaft*. Frankfurt am Main: Campus, p. 277–297.
44. *Reiser, Marion* (2008): Independent Local Lists in East and West European Countries. In: Marion Reiser und Everhard Holtmann (eds.): *Farewell to the Party Model? Independent Local Lists in East and West European Countries*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, p. 277–294.
45. *Reiser, Marion* (2012): Kommunale Wählergemeinschaften – Deutsche Besonderheit oder gesamteuropäisches Phänomen? In: Martin Morlok, Thomas Poguntke und Jens Walther (eds.): *Politik an den Parteien vorbei. Freie Wähler und Kommunale Wählergemeinschaften als Alternative*. Baden-Baden: Nomos, p. 73–94.
46. *Reiser, Marion; Holtmann, Everhard* (eds.) (2008): *Farewell to the Party Model? Independent Local Lists in East and West European Countries*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
47. *Reiser, Marion; Holtmann, Everhard* (2009): Alter und neuer Lokalismus - Zu Rolle und Bedeutung parteifreier kommunaler Wählergemeinschaften in Deutschland. In: Gesine Foljanty-Jost (eds.): *Kommunalreform in Deutschland und Japan*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, p. 189–219.
48. *Reiser, Marion; Krappidel, Adrienne* (2008): Parteien ohne Parteilichkeit? : Analyse zum Profil parteifreier Gruppierungen. In: Marion Reiser, Adrienne Krappidel, Everhard Holtmann und Stefan Göhlert (eds.): *Parteifrei im Parteienstaat. Kommunale Wählergemeinschaften - Elektorale Verankerung und soziales Profil im Ost-West-Vergleich: SFB 580 Mitteilungen, Heft 25*, p. 74–102.
49. *Reiser, Marion; Krappidel, Adrienne; Holtmann, Everhard; Göhlert, Stefan* (eds.) (2008a): *Parteifrei im Parteienstaat. Kommunale Wählergemeinschaften - Elektorale Verankerung und soziales Profil im Ost-West-Vergleich: SFB 580 Mitteilungen, No.25*.
50. *Reiser, Marion; Rademacher, Christian; Jaeck, Tobias* (2008b): Präsenz und Erfolg Kommunalen Wählergemeinschaften im Bundesländervergleich. In: Angelika Vetter (eds.): *Erfolgsbedingungen lokaler Bürgerbeteiligung*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, p. 123–148.
51. *Schedler, Andreas* (1996): Anti-Political-Establishment Parties. In: *Party Politics* 2 (3), p. 291–312.
52. *Schultze, Rainer-Olaf* (2009): Die bayerische Landtagswahl vom 28. September 2008: Betriebsunfall oder Ende eines Mythos? In: *Zeitschrift für Parlamentsfragen* (1), p. 34–55.

53. *Shikano, Susumu; Herrmann, Michael; Thurner, Paul W.* (2009): Strategic Voting under Proportional Representation: Threshold Insurance in German Elections. In: *West European Politics* 32 (3), p. 634–656.
54. *Stockinger, Hans-Gerhard* (1975): Die kommunalen Wählervereinigungen in Bayern. Hochschulschrift Universität Würzburg.
55. *Torcal, Mariano; Gunther, Richard; Montero, José Ramón* (2002): Anti-Party Sentiments in Southern Europe. In: *Richard Gunther, José R. Montero und Juan J. Linz (eds.): Political Parties. Old Concepts and New Challenges.* Oxford, New York: Oxford University Press, p. 257–290.
56. *Vetter, Angelika* (2002): Lokale Politik als Ressource der Demokratie in Europa? Lokale Autonomie, lokale Strukturen und die Einstellungen der Bürger zur lokalen Politik. Opladen: Leske + Budrich.
57. *Wehling, Hans-Georg* (1991): 'Parteipolitisierung' von lokaler Politik und Verwaltung? Zur Rolle der Parteien in der Kommunalpolitik. In: *Hubert Heinelt und Hellmut Wollmann (eds.): Brennpunkt Stadt. Stadtpolitik und lokale Politikforschung in den achtziger und neunziger Jahren.* Basel: Birkhäuser, p. 149–166.
58. *Wittmer, Marcel; Hoffmans, Heiko* (2012): Die Entstehungs- und Erfolgsbedingungen Kommunalen Wählergemeinschaften in Nordrhein-Westfalen. In: *Martin Morlok, Thomas Poguntke und Jens Walther (eds.): Politik an den Parteien vorbei. Freie Wähler und Kommunale Wählergemeinschaften als Alternative.* Baden-Baden: Nomos, p. 51–71.

НЕ-ПАРТИЙНЫЕ ГРУППЫ В НЕМЕЦКОЙ ЛОКАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ: МЕЖДУ ПОПУЛИЗМОМ И ПОЛИТИКОЙ

Майкл Ангенендт

Магистр в сфере гуманитарных наук, научный сотрудник Института сравнительной политики и партийных исследований Университета им. Генриха Гейне в Дюссельдорфе

В статье представлен обзор современного состояния исследований, посвященных успехам немецких непартийных групп в локальной политике. Показано, что их присутствие в немецких муниципалитетах возросло в период между 2008 и 2015 гг., и сегодня они активно присутствуют в политической жизни более чем 80% муниципалитетов. Эмпирические данные по периоду начиная с 2008 г. базируются в основном на данных проекта "Локальные списки независимых кандидатов как гибридные политические акторы" (Холтман, 2012; Райзер и др., 2008; Голерт и др., 2008). Данные по 2015 г. являются одними из первых исследовательских результатов проекта "Членство в независимых избирательных объединениях", который ведется в Университете им. Генриха Гейне в Дюссельдорфе автором и его коллегами. Кроме того, автор использует данные Государственного Бюро Статистики (Германия). Отдельно рассмотрены ситуа-

ции с представительством независимых групп в разных регионах Германии, особое внимание уделено политической ситуации в Южной Германии, где такого рода группы присутствуют с 1945 г. Также в статье автор сосредоточился на текущих проблемах определения локальных непартийных групп, что необходимо для межстрановых сравнений, и поднял вопрос о целесообразности анализа данных групп в связи с концепциями популизма (в трактовке Барра, 2009 г.) и партий антиистеблишмента (в трактовке Шедлера, 1996 г.). Автор обращает отдельное внимание на возможность эффекта перехода от успешной антипартийной риторики на локальном уровне к более высоким политическим уровням.

Ключевые слова: непартийные группы; локальные независимые избирательные списки; локальные партии; популизм; партии антиистеблишмента; локальная политика.

References (English standardization):

1. Aars, Jacob; Ringkjøb, Hans-Erik (2005): Party Politicisation Reversed? Non-partisan Alternatives in Norwegian Local Politics. In: *Scandinavian Political Studies* 28 (2), p. 161–181. (In English).
2. Angenendt, Michael; Schmitt, Johannes (2015): (Why) Do We Trust Politicians? Contextual and Individual Determinants of the Emergence of Political Trust. In: Crisis. Processes. Potentials. 4th Student Sociological Congress. Bamberg. (In German).
3. Barr, Robert R. (2009): Populists, Outsiders and Anti-Establishment Politics. In: *Party Politics* 15 (1), p. 29–48. (In English).
4. Baurmann, Michael; Zintl, Reinhard (2006): Social and Cultural Preconditions of Democracy. In: Michael Baurmann, Geoffrey Brennan and Reinhard Zintl (eds.): *Preconditions of Democracy*. Tampere: Tampere University Press, p. 19–74. (In English).
5. Bélanger, Éric (2004): Antipartyism and Third-Party Vote Choice: A Comparison of Canada, Britain, and Australia. In: *Comparative Political Studies* 37, p. 1054–1078. (In English).
6. Blais, A.; Erisen, C.; Rheault, L. (2014): Strategic Voting and Coordination Problems in Proportional Systems: An Experimental Study. In: *Political Research Quarterly* 67 (2), p. 386–397. (In English).
7. Boogers, Marcel; Voerman, Gerrit (2010): Independent Local Political Parties in the Netherlands. In: *Local Government Studies* 36 (1), p. 75–90. (In English).
8. Bordignon, Fabio; Ceccarini, Luigi (2013): Five Stars and a Cricket. Beppe Grillo Shakes Italian Politics. In: *South European Society and Politics* 18 (4), p. 427–449. (In German).

9. *Copus, Colin; Wingfield, Melvin; Steyvers, Kristof; Reynaert, Herwig* (2012): A Place to Party?: Parties and Nonpartisanship in Local Government. In: Karen Mossberger, Susan E. Clarke and Peter John (eds.): The Oxford Handbook of Urban Politics. New York: Oxford University Press, p. 210–230. (In English).
10. *Decker, Frank* (2006): The Populist Challenge. Theoretical and Cross-national Perspectives. In: Frank Decker (eds.): Populism. Threat or Useful Corrective for Democracy? Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, p. 9–32. (In German).
11. *Eith, Ulrich* (2012): Factual Politics without Ideology or Populist Protest? Free Voters at the Federal and State Level. In: Martin Morlok, Thomas Poguntke and Jens Walther (eds.): Politics beside Party Politics. Free Voters and Independent Local Lists as an Alternative. Baden-Baden: Nomos, p. 147–156. (In German).
12. *Eith, U.; Mikhaleva A.V.* (2014): Regional Political Identities and Milieus in Germany. Impacts of the Electoral Law, the Social Strata and the Economic Structure. In: Review of Political Science 28 (4). (In English).
13. *Elster, Jon* (2007): Explaining Social Behavior. More Nuts and Bolts for the Social Sciences. New York: Cambridge University Press. (In English).
14. *Faas, Thorsten; Blumenberg, Johannes N.* (2012): Free Voters at Federal Elections: A Potential Assessment based on the Baden-Wuerttemberg Federal State Elections in 2011. In: Martin Morlok, Thomas Poguntke and Jens Walther (eds.): Politics beside Party Politics. Free Voters and Independent Local Lists as an Alternative. Baden-Baden: Nomos, p. 181–196. (In German).
15. Free Voters Election Programme (2013): Take Citizens Seriously. Secure Prosperity. Shaping the Future. Programme for Germany. Available at: http://www.freiewaehler.eu/fileadmin/user_upload/Bundesvereinigung/Dokumente/Wahlprogramm_der_Bundesvereinigung.pdf. (In German).
16. Free Voters (2015): Homepage of the Free Voters Party. Available at: <http://www.freiewaehler.eu/startseite/>. (In German).
17. *Gabriel, Oskar W.* (1991): The Local Party System Between Competition and Consensus Democracy. In: Oberndörfer, Dieter; Schmitt, Karl (eds.): Parties and Regional Political Traditions in the Federal Republic of Germany. Duncker & Humblot, p. 371–396. (In German).
18. *Gendźwiłł, Adam* (2012): Independent Mayors and Local Lists in Large Polish Cities: Towards a Non-partisan Model of Local Government. In: Local Government Studies 38 (4), p. 501–518. (In English).
19. *Göhlert, Stefan* (2008): Independent Local Lists in Germany: An Election Study on Presence, Successes and Failures in the Light of Four Municipal Elections. In: Marion Reiser, Adrienne Krappidel, Everhard Holtmann and Stefan Göhlert (eds.): Party Independence in the Party State. Independent Local Lists - Electoral Anchoring and Social Profile in the East-West Comparison: SFB 580 Release, No. 25, p. 10–72. (In German).

20. Göhlert, Stefan; Holtmann, Everhard; Krappidel, Adrienne; Reiser, Marion (2008): Independent Local Lists in East and West Germany. In: Marion Reiser and Everhard Holtmann (eds.): Farewell to the Party Model? Independent Local Lists in East and West European Countries. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, p. 127–148. (In English).
21. Granovetter, Mark S. (1973): The Strength of Weak Ties. In: American Journal of Sociology 78, p. 1360–1380. (In English).
22. Grein, Armin (2007): 'Big Cities - a Difficult Terrain for the Free Voters?' Introduction to the Panel Debate, Bundesverbandstagung of the Free Voters on March 3rd, 2007 in Fallersleben. (In German).
23. Grundmann, Werner (1960): Town-hall Parties. Göttingen: Schwartz Verlag. (In German).
24. Haller, Hans-Martin (1979): The Free Voters in Local Politics. In: Helmut Köser (eds.): The Citizen in the Community. Local Politics and Civic Education. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, p. 335–368. (In German).
25. Holtkamp, Lars (2006): Parties and Mayors in Representative Democracy. Municipal Concordance and Competitive Democracy Compared. In: Politische Vierteljahresschrift 47 (4), p. 641–661. (In German).
26. Holtkamp, Lars (2008): Municipal Concordance and Competitive Democracy. Parties and Mayors in a Representative Democracy. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften. (In German).
27. Holtkamp, Lars; Eimer, Thomas R. (2006): There's Life in the Old Dog Yet.... Local Voter Communities in Western Germany. In: Uwe Jun, Henry Kreikenbom and Viola Neu (eds.): Small Parties on the Upswing. Shifts in German Political Landscape. Frankfurt am Main: Campus, p. 249–276. (In German).
28. Holtmann, Everhard (1992): Politicization of Local Politics and Shifts in the Local Political System. In: Aus Politik und Zeitgeschichte (22-23), p. 13–22. (In German).
29. Holtmann, Everhard (2008): Local lists in Europe. In: Marion Reiser and Everhard Holtmann (eds.): Farewell to the Party Model? Independent Local Lists in East and West European Countries. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, S. 11–19. (In English).
30. Holtmann, Everhard (2012): Party Independence in the Party State – Independent Local Lists in the Political Landscape of the Federal Republic of Germany. An Inventory. In: Martin Morlok, Thomas Poguntke and Jens Walther (eds.): Politics beside Party Politics. Free Voters and Independent Local Lists as an Alternative. Baden-Baden: Nomos, p. 25–50. (In German).
31. Holtmann, Everhard; Khachatryan, Kristine; Krappidel, Adrienne; Plassa, Rebecca; Rademacher, Christian; Runberger, Maik (2012): "The Others" – Party-independent Actors in the Local Risk Society. In: Heinrich Best and Everhard Holtmann (eds.): Awakening of the Unlocked Society. Germany after Reunification. Frankfurt, New York: Campus Verlag, p. 150–171. (In German).

32. Jüptner, Petr (2008): Local Lists in the Czech Republic. In: Holtmann, Everhard; Reiser, Marion (eds.): Farewell to the Party Model? Independent Local Lists in East and West European Countries. VS Verlag, p. 21- 37. (In English).
33. Krappidel, Adrienne (2012): Political Behavior of Democratic Parties and Extreme-right Independent Local Lists in Local Councils. In: Morlok, Martin; Poguntke, Thomas; Walther, Jens (eds.): Politics beside Party Politics. Free Voters and Independent Local Lists as an Alternative. Nomos Verlag, p. 197-225. (In German).
34. Landeswahlleiter des Freistaates Bayern (2013): State Election in Bayern on September, 15th 2013. Available at: <http://www.wahlen.bayern.de/lw2013/pm07.pdf>. (In German).
35. Lehmbruch, Gerhard (1979): The Janus-face of Local Party Branches. Local Politics and the Local Party System. In: Helmut Köser (eds.): The Citizen in the Community. Local Politics and Civic Education. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, p. 320–334. (In German).
36. Lütjen, Torben (2012): Beyond Partisanship? The Claim of Ideology-free Politics from the Free Voters. In: Martin Morlok, Thomas Poguntke and Jens Walther (eds.): Politics beside Party Politics. Free Voters and Independent Local Lists as an Alternative. Baden-Baden: Nomos, p. 157–172. (In German).
37. Mair, Peter (2014): Populist Democracy vs. Party Democracy. In: Peter Mair and Ingrid van Biezen (eds.): On Parties, Party Systems and Democracy. Selected writings of Peter Mair. Colchester, U.K: ECPR Press (ECPR essays), p. 513–530. (In English).
38. Morlok, Martin; Poguntke, Thomas; Walther, Jens (eds.) (2012): Politics beside Party Politics. Free Voters and Independent Local Lists as an Alternative. Baden-Baden: Nomos. (In German).
39. Naßmacher, Hiltrud (1996): The town-hall Parties. In: Oskar Niedermayer (eds.): Intermediary Structures in Eastern Germany. Opladen: Leske + Budrich, p. 173–191. (In German).
40. Naumann, Ingo (2012): Local Voter Associations in Party Democracy. Their Position in the Political System of the Federal Republic of Germany. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften. (In German).
41. Poguntke, Thomas (1996): Anti-Party Sentiment. Conceptual Thoughts and Empirical Evidence: Explorations Into a Minefield. In: European Journal of Political Research 29, p. 319–344. (In English).
42. Poguntke, Thomas; Scarrow, Susan E. (1996): The Politics of Anti-Party Sentiment: Introduction. In: European Journal of Political Research 29, p. 257–262. (In English).
43. Reiser, Marion (2006): Independent Local Lists in Eastern and Western Germany. An Analysis of the Presence of Party-independent Groupings in Four Federal States. In: Uwe Jun, Henry Kreikenbom and Viola Neu (eds.): Small Parties on the Upswing. Shifts in German Political Landscape. Frankfurt am Main: Campus, p. 277–297. (In German).

44. *Reiser, Marion* (2008): Independent Local Lists in East and West European Countries. In: Marion Reiser and Everhard Holtmann (eds.): Farewell to the Party Model? Independent Local Lists in East and West European Countries. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, p. 277–294. (In English).
45. *Reiser, Marion* (2012): Independent Local Lists – A German-wide or European-wide Phenomenon? In: Martin Morlok, Thomas Poguntke and Jens Walther (eds.): Politics beside Party Politics. Free Voters and Independent Local Lists as an Alternative. Baden-Baden: Nomos, p. 73–94. (In German).
46. *Reiser, Marion; Holtmann, Everhard* (eds.) (2008): Farewell to the Party Model? Independent Local Lists in East and West European Countries. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften. (In English).
47. *Reiser, Marion; Holtmann, Everhard* (2009): Old and New Localism - The Role and Importance of Party-independent Local Lists in Germany. In: Gesine Foljanty-Jost (eds.): Municipal Reform in Germany and Japan. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, p. 189–219. (In German).
48. *Reiser, Marion; Krappidel, Adrienne* (2008): Parties without Partisanship? An Analysis of the Profile of Non-party Groups. In: Marion Reiser, Adrienne Krappidel, Everhard Holtmann and Stefan Göhlert (eds.): Party Independence in the Party State. Independent Local Lists - Electoral Anchoring and Social Profile in the East-West Comparison: SFB 580 Release, No. 25, p. 74–102. (In German).
49. *Reiser, Marion; Krappidel, Adrienne; Holtmann, Everhard; Göhlert, Stefan* (eds.) (2008a): Party Independence in the Party State. Independent Local Lists - Electoral Anchoring and Social Profile in the East-West Comparison: SFB 580 Release, No. 25. (In German).
50. *Reiser, Marion; Rademacher, Christian; Jaeck, Tobias* (2008b): Presence and Success of Independent Local Lists Between Different Federal States in Germany. In: Angelika Vetter (eds.): Conditions for Success of Local Citizen Participation. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, p. 123–148. (In German).
51. *Schedler, Andreas* (1996): Anti-Political-Establishment Parties. In: Party Politics 2 (3), p. 291–312. (In English).
52. *Schultze, Rainer-Olaf* (2009): The Bavarian State Elections of September, 28th 2008: Accident or the End of a Myth? In: Zeitschrift für Parlamentsfragen (1), p. 34–55. (In German).
53. *Shikano, Susumu; Herrmann, Michael; Thurner, Paul W.* (2009): Strategic Voting under Proportional Representation: Threshold Insurance in German Elections. In: West European Politics 32 (3), p. 634–656. (In English).
54. *Stockinger, Hans-Gerhard* (1975): Local Voter Associations in Bavaria. University Paper of the University of Würzburg. (In German).
55. *Torcal, Mariano; Gunther, Richard; Montero, José Ramón* (2002): Anti-Party Sentiments in Southern Europe. In: Richard Gunther, José R. Montero and Juan J. Linz (eds.): Political Parties. Old Concepts and New Challenges. Oxford, New York: Oxford University Press, p. 257–290. (In English).

56. *Vetter, Angelika* (2002): Local Politics: A Resource for Democracy in Western Europe? Local Autonomy, Local Integrative Capacity, and Citizens' Attitudes Toward Politics. Opladen: Leske + Budrich. (In German).
57. *Wehling, Hans-Georg* (1991): 'Party Politicization' of Local Politics and Administration? The Role of Parties in Local Politics. In: Hubert Heinelt and Hellmut Wollmann (eds.): Focus City. City Policy and Local Policy Research in the Eighties and Nineties. Basel: Birkhäuser, p. 149–166. (In German).
58. *Winter, Marcel; Hoffmans, Heiko* (2012): The Conditions for the Emergence and Success of Local Voter Associations in North Rhine-Westphalia. In: Martin Morlok, Thomas Poguntke and Jens Walther (eds.): Politics beside Party Politics. Free Voters and Independent Local Lists as an Alternative. Baden-Baden: Nomos, p. 51–71. (In German).

УДК-324(470+571)

КАНДИДАТЫ НА МУНИЦИПАЛЬНЫХ ВЫБОРАХ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ: ТИПОЛОГИЯ УСПЕХА

*Н.Е. Шалаев*¹

В статье рассматриваются результаты конфигурационного анализа кандидатов на муниципальных выборах в г. Санкт-Петербург последних двух электоральных циклов (2009 и 2014 гг.) с использованием сведений, отражённых в архиве ЦИК РФ. Целью исследования являлось выведение стандартных типов успешных кандидатов.

Результаты исследования показали, что лишь для крупнейших участников выборов стабильно выделяемые «портреты успешных кандидатов» описывают большинство победителей. Для представителей более мелких участников избрание оказывается в большей мере случайным. Кроме того, было выявлено отсутствие надёжного канала рекрутирования молодёжи.

Ключевые слова: муниципальные выборы; факторы успешного участия в выборах; конфигурационный анализ; г. Санкт-Петербург.

Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что выборы муниципальных депутатов в Санкт-Петербурге – последняя оставшаяся у избирателей города возможность проголосовать за кандидатов, ориентируясь не исключительно на их партийную принадлежность, но и на их персональные качества как политиков. Выборы депутатов Законодательного собрания города, как и выборы депутатов Государственной думы, проходят по пропорциональной системе и создают все условия для того, чтобы избиратели ориентировались прежде всего на партийный бренд. В то же время система блокового голосования² в большинстве муниципальных округов города (существует и ряд одномандатных округов, где используется обычная система простого большинства), при всех её недостатках³, даёт избирателям возможность отдать голоса за выбранных ими конкретных кандидатов. Даже в условиях, когда блоковая

¹ Шалаев Никита Евгеньевич – аспирант, магистр политологии, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет политологии, кафедра политических институтов и прикладных политических исследований. E-mail: nikita.e.shalaev@gmail.com.

² Каждый избиратель имеет право проголосовать за любое количество индивидуальных кандидатов, не превышающее общее число распределяемых в избирательном округе мандатов. Победителями становятся кандидаты, набравшие наибольшее число голосов.

³ Прежде всего, способность переводить простое большинство на уровне электоральной поддержки в подавляющее большинство депутатов избираемого органа. [3, 44].

система обеспечивает подавляющее преимущество по результатам выборов для наиболее крупной партии, далеко не все кандидаты от неё (как и от остальных участвующих партий) оказываются победителями муниципальных выборов и становятся депутатами. Это позволяет говорить о том, что, в отличие от пропорционального распределения мандатов по партийным спискам, избиратели имеют возможность повлиять на то, кто именно займёт депутатские места, даже если результат в разрезе успеха партий в целом окажется предсказуемым. При этом роль выборов в органы местного самоуправления не стоит недооценивать. Как показывают исследования, даже в самых неблагоприятных условиях (однопартийное доминирование в КНР) избиратели в состоянии осмысленно и успешно использовать своё право голоса на муниципальных выборах [8, 1115–1139].

Каких кандидатов склонны предпочитать избиратели? Каково лицо «успешного кандидата» на муниципальных выборах Санкт-Петербурга? Ответить на этот вопрос и призвана данная работа. Разумеется, рассмотреть все-сторонне столь обширное число кандидатов не представляется возможным, но вполне доступными для исследования являются данные, предоставленные о себе кандидатами при регистрации, зафиксированные в архивах избирательных комиссий: эти данные доступны избирателям как в период предвыборной кампании, так и в день голосования, и вполне могут являться основанием для оценки депутата избирателем даже при принятии решения в самый последний момент – в день голосования на избирательном участке. Для работы с этими сведениями были собраны и обработаны данные архива Центральной Избирательной Комиссии РФ [2] по муниципальным выборам в Санкт-Петербурге (только основные выборы) за период с 2009 по 2014 гг. (первые данные по муниципальным выборам доступны с 2004 г., но лишь для нескольких округов и в более фрагментарном виде). Из всех сведений о кандидатах были отобраны те случаи, когда кандидаты доходили до участия в выборах (а не получали отказ в регистрации, снимались с выборов до дня голосования, и т. п.), и итоговое количество рассматриваемых случаев составило 7 440 кандидатов, распределённых практически поровну между двумя электоральными циклами (выборы 2009–2011 гг.¹ и выборы 2014 г.), из них 3 079 – победили на выборах и стали депутатами муниципального самоуправления.

Разумеется, одним из важнейших вопросов является выбор метода для построения классификации. В рамках данного исследования был выбран метод сравнительного качественного анализа, разработанного Чарльзом Рейджином [7], – также известного как «булева алгебра в сравнительной политологии», «конфигурационный анализ» и QCA [6]. Несмотря на необъяснимо низкую популярность в отечественной практике, данный метод (вернее – группа методов, объединяющая как использующийся здесь подход с дихотомическими

¹ Поскольку подавляющее большинство случаев относится к 2009 г., для краткости все выборы периода 2009–2011 гг. будут далее называться просто «выборами 2009 г.».

переменными, так и подход в логике нечётких множеств) является одним из наиболее перспективных направлений развития исследований в социальных науках. С одной стороны, он не требует «измеримости неизмеримого», введения непрерывных переменных для описания социальной действительности — вместо этого он позволяет операционализировать исследуемые случаи в рамках вхождения их в то или иное множество, или включения в ту или иную категорию. С другой стороны, он привносит в качественные по сути построения строгость и последовательность естественнонаучного, сугубо логического мышления. Если обратиться к конфигурационному анализу в дихотомических категориях, используемому в данной работе, то его наиболее близким аналогом в мире статистики будет, пожалуй, логистическая регрессия. Однако в отличие от логистической регрессии, стремящейся подобрать наиболее приемлемую для всех случаев модель, QCA стремится подобрать абсолютно точную модель, подходящую для большинства случаев [4]. Там, где в рамках статистики ищется «компромиссное» решение, QCA ориентируется на точность; там, где статистика предполагает симметричные причинно-следственные отношения, QCA различает условия, приводящие к наличию результата, и условия, приводящие к его отсутствию. Наконец, что немаловажно, ситуация с малым количеством наблюдений, фатальная для статистического анализа, является абсолютно приемлемой для QCA — что особенно ценно в условиях, когда количество депутатов от разных партий может отличаться на один, а то и на два порядка. Кроме того, в отличие от кластерного анализа, QCA предлагает исследователю категории, поддающиеся непосредственной интерпретации, выраженные в виде первичных импликант (т. е. сочетаний логических условий) — хотя это и достигается использованием упрощённой операционализации исходных данных по сравнению с принятой в статистическом анализе [5]. Если же говорить об объекте изучения, то исследование, наиболее близкое по концепции данному, было проведено в 2013 г. ассоциацией «Голос», но с применением исключительно описательной статистики [1] и с отличными от текущих целями исследования. Тем не менее, в указанном исследовании был проведён анализ распределения муниципальных депутатов по признаку поддержки различных кандидатов в мэры г. Москвы, что сближает его с данным исследованием, обращающимся к вопросу типологии муниципальных депутатов в г. Санкт-Петербург.

Для проведения типологизации с применением QCA потребовалось провести перекодировку данных о кандидатах, предоставляемых ЦИК РФ. И в данной связи возникло два типа затруднений: количество категорий и нечёткость определений. Первое затруднение было связано с ограниченными техническими средствами, доступными для проведения анализа, поэтому провести обработку массива данных с десятками переменных (максимальное количество первичных переменных составило 54) не представлялось возможным. Второе затруднение из упомянутых выше касается прежде всего сведений о трудовой

деятельности кандидата, описание которой даётся в свободной форме. Например, является ли главный врач больницы работником здравоохранения или работником управляющего аппарата организации? Является ли сотрудник Военно-медицинской академии работником науки и образования или же работником здравоохранения? Кем считать человека, указавшего себя одновременно «безработным» и «индивидуальным предпринимателем»? Для решения этой проблемы были выделены 14 базовых категорий занятости и разработаны дополнительные правила отнесения людей к ним. Так, например, работники на руководящих должностях, занимающиеся профильной деятельностью (главные врачи, директора школ и т. п.) относились к профильной деятельности, а занимающиеся общеорганизационными вопросами (бухгалтерия, заведование хозяйством, кадры) — к работникам управленческого аппарата. В силу необходимости снижения общего количества категорий, эти 14 базовых были объединены в 4 сферы, приведённые в табл. 1 и ставшие итоговыми переменными.

Таблица 1

Категории трудовой деятельности кандидатов

Сфера	Категория	Примечания
1. Неработающие	Безработные	В т.ч. домохозяйки и лица, не указавшие о себе сведений
	Студенты	До уровня аспирантуры
	Пенсионеры	Все категории пенсионеров
2. Сфера производственного труда	Рабочие, торговля и услуги	Виды деятельности, не требующие В/О; «ручной труд»
	Инженеры, технические специалисты	Все инженерные и технические посты, не вовлечённые в руководство предприятиями
	Офисные служащие	«Чистые» виды работ, в т.ч. требующие специальных знаний и В/О, «работники умственного труда»: адвокаты, дизайнеры...
	Предприниматели	ИП, ПБОЮЛ и т.п.
3. Сфера социально-значимого труда	Работники науки и высшего образования	Профессора, заведующие кафедрами, деканы и ректоры, доценты, аспиранты, лаборанты...
	Работники дошкольного, школьного и профессионального образования	Учителя, педагоги, директора школ, завучи, инструкторы, преподаватели ПУ и колледжей

Окончание табл. 1

Сфера	Категория	Примечания
3. Сфера социально-значимого труда	Работники культуры, досуга и спорта	Артисты, художники, тренеры, библиотекари, работники ДК и дворцов творчества юных...
	Работники здравоохранения	Врачи всех уровней, медсёстры, фельдшеры...
4. Политика, управление и регулирование	Работники силовых и правоохранительных ведомств	Военные, полицейские, пожарные, спасатели МЧС, ФСИН, приставы, прокуроры, таможенники...
	Работники управленческого аппарата организаций	Руководители организаций, кроме глав. врачей (и аналогов) и директоров школ
	Политические деятели и функционеры государственного управления	Депутаты, главы администраций, МО, их помощники и заместители, партийные активисты, члены общественных движений

Объединение категорий занятости в четыре группы позволило не только уменьшить число переменных, но и снять ряд конфликтов, возникающих при описанной перекодировке (например, при такой схеме нет проблем с классификацией персонала ВМА им. Кирова). Что же касается образования, то в данных ЦИК используются стандартные формулировки, сведённые к пяти группам: «без образования/начальное образование», «среднее полное образование», «профессиональное образование», «неполное высшее» и «высшее образование». Наконец, были выделены три возрастные когорты: «молодые кандидаты» (до 29 лет), «зрелые кандидаты» (от 30 до 59 лет) и «кандидаты солидного возраста» (старше 60 лет). Оставшиеся переменные описывают пол кандидата, декларированное место жительства кандидата (Санкт-Петербург, Ленинградская область или другие регионы), нахождение в статусе депутата¹ и наличие судимостей.

К выделяемым классам предъявлялись крайне простые требования: во-первых, включение не менее половины результативных случаев с указанным сочетанием условий (т. е. класс может выделяться тогда, когда для всех наблюдений с данным набором переменных результат – избрание – наблюдается не менее чем в половине случаев) и мощность не менее чем в 2 депутата. Учитывая пилотный, разведывательный характер данной работы, такие требования

¹ Здесь и далее это упрощённо называется «фактором инкубентства», хотя является ли кандидат депутатом именно в том округе, в котором баллотируется, не проверялось. Таким образом, понятие «инкубент» используется достаточно вольно как синоним для кандидата, уже являющегося где-то депутатом.

представляются вполне адекватными. Разумеется, для выведения каузальных зависимостей следует применять более жёсткие критерии. Здесь и далее «включение» (в таблицах сокращённо: «вкл.») означает долю кандидатов с наблюдаемым набором признаков, которые были избраны муниципальными депутатами, а «покрытие» (в таблицах сокращённо: «покр.») – долю от общего числа кандидатов, описываемых данным сочетанием признаков. Типы в таблицах упорядочены по убыванию покрытия, а типы с равным покрытием — по убыванию включения.

Выборы 2009 г.

Кандидаты на выборах муниципальных депутатов в 2009–2011 гг. представляют одну из четырёх крупнейших партий (Единая Россия, Справедливая Россия, КПРФ, ЛДПР) или же являются независимыми кандидатами. По числу победивших кандидатов лидирует Единая Россия (1190), следом идут независимые кандидаты (211), кандидаты от Справедливой России (112), наконец, от КПРФ (29) и от ЛДПР (13). Забегая вперёд, отметим, что во всех выделенных типах требуется отсутствие судимостей, поэтому в дальнейшем эта переменная просто исключается из рассмотрения: во всех случаях подразумевается «кандидат без судимостей».

В таблице 2 приведены типы депутатов (т. е. успешных кандидатов) от партии Единая Россия. Как видно из таблицы, большая часть (57%) депутатов покрывается типами 4 и 5, т. е. людьми зрелого возраста, живущими в Санкт-Петербурге, имеющими высшее образование и работающими в сфере Политики/ Управления или же занятыми в сфере Науки/ Образования/ Здравоохранения. Более того, 10 моделей с наибольшим покрытием исходных случаев (суммарно покрывающих 86% результата) — безразличны как к полу кандидата, так и к его статусу депутата. С другой стороны, эти же модели требуют, чтобы кандидат проживал именно в Санкт-Петербурге. Общее же покрытие для всех выведенных типов составляет 96,5% от всех рассмотренных случаев.

Таблица 2

Типология депутатов от Единой России (2009 г.)

№	Пол	Воз- раст	Адрес	Образо- вание	Род занятий	Депу- тат	Вкл.	Покр.
4		30÷60	СПб	Высшее	Политика/ Управление/ Регулирование		79,50%	32,00%
5		30÷60	СПб	Высшее	Социально значимый труд		85,40%	25,00%
6		30÷60	СПб	Высшее	Производительный труд		66,10%	6,10%
1		>60	СПб	Высшее	Политика/Управление/ Регулирование		87,30%	4,60%
2		>60	СПб	Высшее	Социально-значимый труд		87,90%	4,30%

Продолжение табл. 2

№	Пол	Воз- раст	Адрес	Образо- вание	Род занятий	Депу- тат	Вкл.	Покр.
8		30÷60	СПб	Профессио- нальное	Политика/Управление/ Регулирование		76,60%	4,10%
10		<30	СПб	Высшее	Политика/Управление/ Регулирование		84,80%	3,30%
9		30÷60	СПб	Профессио- нальное	Производительный труд		78,30%	3,00%
7		30÷60	СПб	Высшее	Неработающий		90,60%	2,40%
3		>60	СПб	Высшее	Производительный труд		94,10%	1,30%
23	Ж	30÷60	СПб	Профессио- нальное	Социально-значимый труд		84,20%	1,30%
20	Ж	>60	СПб	Высшее	Неработающий		92,30%	1,00%
28	М	<30	СПб	Высшее	Производительный труд		63,20%	1,00%
21	Ж	>60	СПб	Профессио- нальное	Неработающий		100,00%	0,90%
18		<30	СПб	Высшее	Производительный труд	нет	61,10%	0,90%
27	М	<30	СПб	Высшее	Социально значимый труд		61,50%	0,70%
14		30÷60	СПб	Профессио- нальное	Неработающий	да	85,70%	0,50%
17		<30	СПб	Высшее	Социально-значимый труд	нет	60,00%	0,50%
25	М	30÷60	СПб	Неполное высшее	Политика/Управление/ Регулирование		60,00%	0,50%
26	М	30÷60	СПб	Среднее	Политика/Управление/ Регулирование		71,40%	0,40%
13		30÷60	СПб	Неполное высшее	Политика/Управление/ Регулирование	нет	62,50%	0,40%
22	Ж	30÷60	ЛО	Высшее	Социально-значимый труд		62,50%	0,40%
12		30÷60	ЛО	Высшее	Политика/Управление/ Регулирование	да	100,00%	0,30%
16		30÷60	СПб	Среднее	Производительный труд	нет	80,00%	0,30%
11		>60	СПб	Профессио- нальное	Политика/Управление/ Регулирование	нет	75,00%	0,30%
24	М	>60	СПб	Профессио- нальное	Политика/Управление/ Регулирование		75,00%	0,30%
29	М	<30	СПб	Среднее	Производительный труд		75,00%	0,30%
15		30÷60	СПб	Среднее	Политика/Управление/ Регулирование	нет	57,10%	0,30%
19	М	30÷60	Не- СПб	Высшее	Политика/Управление/ Регулирование	нет	57,10%	0,30%
30	Ж	>60	СПб	Профессио- нальное	Социально значимый труд	да	100,00%	0,20%

Окончание табл. 2

№	Пол	Возраст	Адрес	Образование	Род занятий	Депутат	Вкл.	Покр.
31	Ж	30÷60	СПб	Среднее	Неработающий	нет	100,00%	0,20%
32	Ж	<30	СПб	Профессиональное	Политика/Управление/Регулирование	нет	100,00%	0,20%
33	М	>60	СПб	Профессиональное	Производительный труд	нет	100,00%	0,20%
37	М	<30	СПб	Среднее	Политика/Управление/Регулирование	нет	100,00%	0,20%
36	М	<30	СПб	Неполное высшее	Производительный труд	нет	66,70%	0,20%
34	М	30÷60	ЛО	Профессиональное	Политика/Управление/Регулирование	да	50,00%	0,10%
35	М	<30	СПб	Высшее	Неработающий	нет	50,00%	0,10%

Партия «Справедливая Россия» представлена втрое меньшим числом типов. При этом для большинства типов обязательным условием является существующий статус депутата, лишь для двух типов избрание не связано с инкубентством. Можно отметить также преобладание петербуржцев с высшим образованием. В целом покрытие для выделенных типов составляет 36,6%.

Таблица 3

Типология депутатов от Справедливой России (2009 г.)

№	Пол	Возраст	Адрес	Образование	Род занятий	Депутат	Вкл.	Покр.
2		30÷60	СПб	Высшее	Политика/Управление/Регулирование	да	73,70%	12,50%
3		30÷60	СПб	Высшее	Социально значимый труд	да	54,50%	5,40%
1		>60	СПб	Высшее	Социально значимый труд	да	100,00%	4,50%
4		30÷60	СПб	Высшее	Неработающий	да	83,30%	4,50%
6	Ж	30÷60	СПб	Профессиональное	Неработающий	да	75,00%	2,70%
10	М	30÷60	СПб	Высшее	Производительный труд	да	60,00%	2,70%
9	М	>60	СПб	Высшее	Производительный труд	да	66,70%	1,80%
5	Ж	>60	СПб	Высшее	Политика/Управление/Регулирование	да	50,00%	0,90%
7	Ж	30÷60	СПб	Среднее	Политика/Управление/Регулирование	нет	50,00%	0,90%
8	Ж	<30	Не-СПб/ЛО	Неполное высшее	Политика/Управление/Регулирование	нет	50,00%	0,90%

От кандидата от партии КПРФ в 2009 г. требовалось быть петербуржцем с высшим образованием не моложе 30 лет. При этом мужчинам необходимо было быть инкумбентами. Однако общее покрытие для выделенных типов составило 24,1%.

Таблица 4

Типология депутатов от КПРФ (2009 г.)

№	Пол	Возраст	Адрес	Образование	Род занятий	Депутат	Вкл.	Покр.
3	М	>60	СПб	Высшее	Социально значимый труд	да	100,00%	6,90%
2	М	>60	СПб	Высшее	Политика/Управление/Регулирование	да	66,70%	6,90%
4	М	30÷60	СПб	Высшее	Политика/Управление/Регулирование	да	50,00%	6,90%
1	Ж	30÷60	СПб	Среднее	Производительный труд	нет	50,00%	3,40%

Для партии ЛДПР в 2009 г. удалось выделить всего два типа, оба для кандидатов-женщин. Однако общее покрытие модели (15,4%) весьма невысоко.

Таблица 5

Типология депутатов от ЛДПР (2009 г.)

№	Пол	Возраст	Адрес	Образование	Род занятий	Депутат	Вкл.	Покр.
1	Ж	>60	СПб	Среднее	Неработающий	нет	50,00%	7,70%
2	Ж	<30	СПб	Высшее	Политика/Управление/Регулирование	нет	50,00%	7,70%

Последняя, но вторая по числу участников группа – независимые кандидаты. Их типы представлены в табл. 6. Для независимых кандидатов оказалась обязательной регистрация в Санкт-Петербурге, крайне желательными – высшее образование и фактор инкубентства. С другой стороны, перспективы молодёжи оказались сравнительно незавидными (2 типа из 14). Общее покрытие составило 41,2% от всех случаев.

Таблица 6

Типология независимых кандидатов (2009 г.)

№	Пол	Возраст	Адрес	Образование	Род занятий	Депутат	Вкл.	Покр.
1		30÷60	СПб	Высшее	Политика/Управление/Регулирование	да	67,60%	10,90%
2		30÷60	СПб	Высшее	Социально-значимый труд	да	73,90%	8,10%
3		30÷60	СПб	Высшее	Производительный труд	да	77,80%	6,60%

Окончание табл. 6

№	Пол	Возраст	Адрес	Образование	Род занятий	Депутат	Вкл.	Покр.
7	Ж	30÷60	СПб	Профессиональное	Производительный труд	нет	57,10%	3,80%
5	Ж	>60	СПб	Высшее	Социально значимый труд	да	100,00%	2,80%
11	М	30÷60	СПб	Профессиональное	Политика/Управление/Регулирование	да	75,00%	1,40%
4	Ж	>60	СПб	Высшее	Политика/Управление/Регулирование		60,00%	1,40%
9	М	>60	СПб	Высшее	Неработающий	да	100,00%	0,90%
10	М	30÷60	СПб	Высшее	Неработающий	да	100,00%	0,90%
13	М	<30	СПб	Высшее	Политика/Управление/Регулирование	да	100,00%	0,90%
6	Ж	30÷60	СПб	Профессиональное	Социально значимый труд	да	66,70%	0,90%
8	Ж	30÷60	СПб	Профессиональное	Неработающий	да	50,00%	0,90%
12	М	30÷60	СПб	Профессиональное	Производительный труд	да	50,00%	0,90%
14	М	<30	СПб	Неполное высшее	Политика/Управление/Регулирование	нет	50,00%	0,50%

Выборы 2014 г.

На выборах в 2014 г. ядро основных участников оказалось «разбавленным» кандидатами от миноритарных партий. Единая Россия получила 1186 мест, независимые кандидаты – 200, кандидаты от Справедливой России – 30, от КПРФ – 24, от ЛДПР – 58. Гражданская Платформа смогла получить 3 депутатов, «Великое Отечество» и «Трудовая Партия России» – по 7, «Коммунисты России» – 8 и «Родина» – одного.

В отличие от 2009 г., в 2014 г. в «топ» типов кандидатов прошёл тип 36 – зрелый мужчина с высшим образованием, не из Ленинградской области, уже являющийся депутатом и занимающийся управленческой деятельностью (12% случаев). В целом же «Топ-10» типов занимают люди зрелого возраста с высшим образованием, петербуржцы и «управленцы», безотносительно их депутатского статуса и пола – в двух моделях пол был выведен в качестве определяющего качества, чего не было в 2009 г. Общее покрытие случаев по-прежнему велико и составляет 95,4%.

Таблица 7

Типология депутатов от Единой России (2014 г.)

№	Пол	Воз- раст	Адрес	Образование	Род занятий	Депу- таг	Вкл.	Покр.
5		30÷60	СПб	Высшее	Политика/Управление/ Регулирование		82,20%	30,80%
6		30÷60	СПб	Высшее	Социально значимый труд		88,90%	24,20%
11	М	30÷60	СПб	Высшее	Политика/Управление/ Регулирование		79,60%	23,00%
36	М	30÷60	не-ЛО	Высшее	Политика/Управление/ Регулирование	да	84,50%	12,00%
1		>60	СПб	Высшее	Политика/Управление/ Регулирование		93,40%	8,30%
2		>60	СПб	Высшее	Социально значимый труд		89,90%	6,70%
7		30÷60	СПб	Высшее	Производительный труд		76,30%	6,00%
9		30÷60	СПб	Профессио- нальное	Политика/Управление/ Регулирование		85,00%	2,90%
10		30÷60	СПб	Профессио- нальное	Производительный труд		85,20%	1,90%
19	М	<30	СПб	Высшее	Политика/Управление/ Регулирование		85,20%	1,90%
15		<30	СПб	Высшее	Политика/Управление/ Регулирование	нет	84,60%	1,90%
3		>60	СПб	Высшее	Неработающий		74,20%	1,90%
4		30÷60	ЛО	Высшее	Политика/Управление/ Регулирование		80,00%	1,30%
8		30÷60	СПб	Высшее	Неработающий		72,70%	1,30%
30	М	<30	СПб	Высшее	Производительный труд	нет	68,80%	0,90%
23	Ж	30÷60	СПб	Профессио- нальное	Социально значимый труд	да	90,00%	0,80%
18	М	>60	СПб	Высшее	Производительный труд		76,90%	0,80%
17	Ж	>60	СПб	Профессио- нальное	Неработающий		70,00%	0,60%
20	М	>60	СПб	Высшее	Неработающий	нет	70,00%	0,60%
26	М	30÷60	ЛО	Высшее	Социально значимый труд	нет	85,70%	0,50%
29	М	<30	СПб	Высшее	Социально значимый труд	нет	83,30%	0,40%
12		>60	СПб	Высшее	Производительный труд	да	62,50%	0,40%
14		30÷60	СПб	Среднее	Производительный труд	да	100,00%	0,30%
16	Ж	>60	СПб	Профессио- нальное	Социально значимый труд		100,00%	0,30%
34	М	<30	СПб	Среднее	Политика/Управление/ Регулирование	нет	100,00%	0,30%

Окончание табл. 7

№	Пол	Воз- раст	Адрес	Образование	Род занятий	Депу- тат	Вкл.	Покр.
13		>60	СПб	Профессиональное	Политика/Управление/ Регулирование	да	66,70%	0,30%
28	М	30÷60	СПб	Среднее	Политика/Управление/ Регулирование	нет	66,70%	0,30%
21	Ж	>60	СПб	Среднее	Неработающий	нет	100,00%	0,20%
22	Ж	30÷60	ЛО	Высшее	Социально значимый труд	да	100,00%	0,20%
24	Ж	30÷60	СПб	Среднее	Неработающий	да	100,00%	0,20%
33	М	<30	СПб	Профессиональное	Производительный труд	нет	66,70%	0,20%
31	М	<30	СПб	Высшее	Неработающий	нет	50,00%	0,20%
25	Ж	<30	ЛО	Высшее	Политика/Управление/ Регулирование	нет	50,00%	0,10%
27	М	30÷60	ЛО	Высшее	Неработающий	нет	50,00%	0,10%
32	М	<30	СПб	Профессиональное	Социально значимый труд	нет	50,00%	0,10%
35	М	<30	СПб	Среднее	Неработающий	нет	50,00%	0,10%

Типология депутатов от «Справедливой России» в 2014 г. представлена пятью классами, три из которых – женщины и ни один из которых не является «молодёжным». Можно выделить тип кандидата-«варяга» – зрелый мужчина-управленец с высшим образованием, живущий не в Санкт-Петербурге и не в Ленинградской области. Однако в целом покрытие исходных данных выделенными типами составляет 33,3%, что немного.

Таблица 8

Типология депутатов от Справедливой России (2014 г.)

№	Пол	Воз- раст	Адрес	Образование	Род занятий	Депу- тат	Вкл.	Покр.
4	М	>60	СПб	Высшее	Политика/Управление/ Регулирование	нет	50,00%	10,00%
1	Ж	>60	СПб	Высшее	Политика/Управление/ Регулирование	да	100,00%	6,70%
2	Ж	>60	СПб	Высшее	Социально значимый труд	да	100,00%	6,70%
3	Ж	30÷60	СПб	Высшее	Социально значимый труд	да	66,70%	6,70%
5	М	30÷60	Не- СПб/ ЛО	Высшее	Политика/Управление/ Регулирование	нет	50,00%	3,30%

Типы кандидатов от КПРФ по сравнению с 2009 г. стали более «женскими» – в 3 случаях из 5 (а не в 1 из 4) депутат от КПРФ – женщина,

причём не являющаяся инкубентом. Однако общее покрытие составило 25%, что является довольно низким показателем.

Таблица 9

Типология депутатов от КПРФ (2014 г.)

№	Пол	Воз- раст	Адрес	Образова- ние	Род занятий	Де- путат	Вкл.	Покр.
1	М	>60	СПб	Высшее	Социально значимый труд		50,00%	8,30%
2	Ж	30÷60	ЛО	Высшее	Производительный труд	нет	50,00%	4,20%
3	Ж	30÷60	СПб	Высшее	Социально значимый труд	нет	50,00%	4,20%
4	Ж	30÷60	СПб	Профессио- нальное	Неработающий	нет	50,00%	4,20%
5	М	>60	СПб	Высшее	Политика/Управление/ Регулирование	да	50,00%	4,20%

Ещё меньшее покрытие наблюдается у типов, выделенных для кандидатов от партии ЛДПР: 17,3%. Как и в случае КПРФ, более половины типов женские, они же – не имеющие связей с политикой ни через сферу деятельности, ни через статус депутата.

Таблица 10

Типология кандидатов от ЛДПР (2014 г.)

№	Пол	Воз- раст	Адрес	Образова- ние	Род занятий	Депу- тат	Вкл.	Покр.
1	Ж	<30	не-ЛО	Высшее	Производительный труд	нет	57,10%	6,90%
5	М	30÷60	ЛО	Высшее	Политика/Управление/ Регулирование	нет	66,70%	3,40%
2	Ж	30÷60	СПб	Профессио- нальное	Социально значимый труд	нет	50,00%	1,70%
3	Ж	30÷60	СПб	Среднее	Производительный труд	нет	50,00%	1,70%
4	Ж	<30	СПб	Высшее	Социально значимый труд	нет	50,00%	1,70%
6	М	30÷60	СПб	Профессио- нальное	Политика/Управление/ Регулирование	да	50,00%	1,70%

В группе независимых кандидатов можно отметить увеличение типов, описывающих «пришлых» кандидатов – не живущих в Санкт-Петербурге, или даже не живущих в Ленинградской области. Увеличилось и число «молодёжных» типов. Но пожалуй, главное – фактор инкубентства в большинстве типов играет против кандидата: чтобы быть избранным, «не следует» уже являться депутатом.

Таблица 11

Типология независимых депутатов (2014 г.)

№	Пол	Возраст	Адрес	Образование	Род занятий	Депутат	Вкл.	Покр.
5	Ж	30÷60	СПб	Высшее	Социально значимый труд		54,50%	9,00%
4	Ж	>60	СПб	Высшее	Политика/ Управление/ Регулирование		63,60%	3,50%
2		30÷60	ЛО	Высшее	Политика/ Управление/ Регулирование	нет	54,50%	3,00%
1		>60	СПб	Высшее	Социально значимый труд	да	62,50%	2,50%
9	Ж	30÷60	СПб	Высшее	Политика/ Управление/ Регулирование	да	62,50%	2,50%
6	М	>60	СПб	Высшее	Социально значимый труд		66,70%	2,00%
7	Ж	>60	СПб	Среднее	Неработающий	нет	100,00%	1,00%
15	Ж	<30	СПб	Профессиональное	Неработающий	нет	100,00%	1,00%
17	М	30÷60	СПб	Высшее	Неработающий	да	100,00%	1,00%
8	Ж	30÷60	ЛО	Высшее	Социально значимый труд	нет	66,70%	1,00%
11	Ж	30÷60	СПб	Профессиональное	Социально значимый труд	нет	66,70%	1,00%
14	Ж	<30	СПб	Высшее	Неработающий	нет	66,70%	1,00%
3	М	<30	Не-СПб	Высшее	Производительный труд	нет	50,00%	1,00%
13	Ж	<30	СПб	Высшее	Социально значимый труд	нет	50,00%	1,00%
10	Ж	30÷60	СПб	Высшее	Производительный труд	да	50,00%	0,50%
12	Ж	<30	Не-СПб/ЛО	Среднее	Неработающий	нет	50,00%	0,50%
16	Ж	<30	СПб	Среднее	Производительный труд	нет	50,00%	0,50%
18	М	<30	СПб	Профессиональное	Политика/Управление/Регулирование	нет	50,00%	0,50%

Миноритарные партии на выборах 2014 г.

На выборах 2014 г. успешно участвовали и миноритарные партии: Родина, Гражданская Платформа, «Великое Отечество», «Трудовая Партия России» и «Коммунисты России» – с 1, 3, 7 и 8 депутатами соответственно. При столь малом количестве наблюдений пришлось снизить требования к выделяемым классам (с 2 случаев до 1). «Родину» же пришлось исключить вовсе из-за бессмысленности выделения класса из единственного представителя в силу возникающих противоречий между конфигурациями переменных.

Таблица 12

Типология депутатов от миноритарных партий (2014 г.)

Партия	Полн. покр.	№	Пол	Возраст	Адрес	Образование	Род занятий	Депутат	Вкл.	Покр.
ГП	33%	1	Ж	<30	СПб	Высшее	Социально значимый труд	нет	50,00%	33,30%
КР	75%	1	М	30÷60	СПб	Среднее	Политика/Управление/Регулирование		100,00%	25,00%
		2	Ж	30÷60	ЛО	Высшее	Производительный труд	нет	100,00%	12,50%
		3	Ж	<30	СПб	Профессиональное	Производительный труд	нет	100,00%	12,50%
		4	М	30÷60	СПб	Высшее	Производительный труд	да	100,00%	12,50%
		5 ¹	М	<30	СПб	Профессиональное	Политика/Управление/Регулирование	нет	100,00%	12,50%
ПВО	14,3%	1	М	30÷60	ЛО	Среднее	Политика/Управление/Регулирование	нет	100,00%	14,30%
ТПР	28,6%	1	Ж	>60	СПб	Высшее	Социально значимый труд	да	100,00%	28,60%

В целом типологизация успешно прошла для «Коммунистов России», где три четверти кандидатов оказались покрытыми непротиворечивыми типами, и для «Гражданской платформы», где процент покрытия составил 33%. Однако в силу малого количества случаев эти наблюдения представляют скорее любопытный результат, нежели значимое обобщение.

Выводы

Вопреки ожиданиям, сочувствующий коммунистической партии электорат оказался несклонным последовательно поддерживать «классические» коммунистические типы, как например, женщин-врачей, мужчин-рабочих или даже представителей технической интеллигенции. Традиционно не симпатизирует электорат КПРФ, ЛДПР и даже «Справедливой России» и молодёжи. При этом в корпусе независимых депутатов в 2014 г. наметился сдвиг к включению молодёжи в число успешных кандидатов, хотя в 2009 г. самовыдвижение отнюдь не являлось привлекательной стратегией для молодых кандидатов. Можно отметить и пристрастие петербуржцев к кандидатам-петербуржцам с

¹ Единственный тип, где кандидат имеет судимость.

высшим образованием. Наконец, «Единая Россия» является чуть ли не единственным (если не считать вышеупомянутых изменений в корпусе независимых депутатов) надёжным каналом рекрутинга молодёжи, позволяющим «вливать свежую кровь» в систему местного самоуправления. Можно говорить и о том, что проблема вовлечения молодежи в самоуправление стоит в Санкт-Петербурге довольно остро.

Однако следует отметить и низкую степень включения результатов в типологиях, полученных для менее масштабных групп депутатов. Фактически для всех групп, кроме депутатов от «Единой России», для выбранного наугад депутата вероятность не оказаться в стабильно выделяемом типе депутатов оказывается выше, чем попасть в одну из выделенных «ниш». Несмотря на то, что изначально задачи ориентироваться на каузальные суждения не стояло, можно предположить, что результаты малых партий носят скорее случайный характер, и мало определяются свойствами самих депутатов или предпочтениями электората относительно наиболее симпатичных им классов кандидатов. И в этом случае главным подозреваемым становится система блокового голосования, которая, предоставляя крупнейшим партиям огромное преимущество, вполне может нейтрализовать этим более тонкие тенденции в структуре волеизъявления граждан.

Разумеется, это исследование скорее подталкивает к дальнейшему, более глубокому изучению вопроса, нежели даёт окончательные, готовые ответы. В рамках конфигурационного анализа представляется продуктивным отойти от ориентации на социологическую классификацию специальностей и вместо этого разработать сравнительно-ориентированную схему признаков («техническая/гуманитарная сфера», «руководящая должность/ рядовой сотрудник» и т.п.). Кроме того, для перехода к поиску причинно-следственных связей следует как ужесточить требования к выделяемым конфигурациям, так и рассмотреть комплиментарную составляющую – а именно, свойства неудачных кандидатов. Наконец, многообещающим выглядит проведение параллельно регрессионного и конфигурационного анализа данных.

Библиографический список

1. Исследование структуры состава муниципальных депутатов, отдавших подписи в поддержку кандидатов в мэры Москвы. Ассоциация «Голос». 2013. URL: <http://www.golosinfo.org/ru/articles/157>.
2. Сведения о проводящихся выборах и референдумах. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. URL: <http://www.izbirkom.ru/region/izbirkom>.
3. Electoral System Design: The New International IDEA Handbook / ed. Reynolds A., Reilly B., Ellis A. International Institute for Democracy and Electoral Assistance. Stockholm, Sweden. 2005–2006. 224 P.

4. *Grofman, B., Schneider, C. Q.* An introduction to crisp set QCA, with a comparison to binary logistic regression. // *Political Research Quarterly*. 2009. 62(4). Pp. 662–672.
5. *Haynes P.* Combining the Strengths of Qualitative Comparative Analysis with Cluster Analysis for Comparative Public Policy Research: With Reference to the Policy of Economic Convergence in the Euro Currency Area. // *International Journal of Public Administration*. 2014. 37:9. Pp. 581–590.
6. *Ragin C. C.* Redesigning social inquiry: Fuzzy sets and beyond. Chicago. University of Chicago Press. 2008. 240 P.
7. *Ragin C. C.* The comparative method: Moving beyond qualitative and quantitative strategies. Berkeley, CA. University of California Press. 1987. 218 P.
8. *Tianjian Shi.* Voting and Nonvoting in China: Voting Behavior in Plebiscitary and Limited-Choice Elections // *The Journal of Politics*. Vol. 61. No. 4 (Nov., 1999). Pp. 1115–1139.

CANDIDATES FOR ST. PETERSBURG MUNICIPAL ELECTIONS: TYPOLOGY OF SUCCESS

N.E. Shalaev

Postgraduate Student, Master of Political Science, Department of Political Institutions and Applied Political Research, Saint Petersburg State University

The article researches into the results of qualitative-comparative analysis of the candidates for municipal elections in St. Petersburg during the last two electoral cycles (2009, 2014), using the data available through the online archive of the Central Electoral Commission of the Russian Federation. The primary goal of the research is to work out the standard types of successful candidates.

The research results show that the usually derived “portraits of successful candidates” can only be applied to candidates representing few major political parties. For representatives of less prominent parties, election success mostly appears to be a matter of chance. Moreover, the study revealed the lack of a stable recruiting mechanism for youth.

Keywords: municipal elections; factors of successful participation in elections; QCA; St. Petersburg.

References:

1. The study of structure of municipal deputies who gave their signatures in support of the Moscow mayor candidates. The «Golos» Association. 2013. Available at: <http://www.golosinfo.org/ru/articles/157>. (In Rus.).
2. Data on elections and referendums. The Central Electoral Committee of the

- Russian Federation. Available at: <http://www.izbirkom.ru/region/izbirkom> (In Rus.).
3. Electoral System Design: The New International IDEA Handbook / ed. Reynolds A., Reilly B., Ellis A. International Institute for Democracy and Electoral Assistance. Stockholm, Sweden, 2005–2006. 224 p. (In English).
 4. *Grofman, B., Schneider, C. Q.* An introduction to crisp set QCA, with a comparison to binary logistic regression // *Political Research Quarterly*. 2009. 62(4). P. 662-672. (In English).
 5. *Haynes P.* Combining the Strengths of Qualitative Comparative Analysis with Cluster Analysis for Comparative Public Policy Research: With Reference to the Policy of Economic Convergence in the Euro Currency Area // *International Journal of Public Administration*. 2014. 37:9. P. 581–590. (In English).
 6. *Ragin C. C.* Redesigning social inquiry: Fuzzy sets and beyond. Chicago: University of Chicago Press, 2008. 240 P. (In English).
 7. *Ragin C. C.* The comparative method: Moving beyond qualitative and quantitative strategies. Berkeley, CA: University of California Press, 1987. 218 p. (In English).
 8. *Tianjian Shi.* Voting and Nonvoting in China: Voting Behavior in Plebiscitary and Limited-Choice Elections // *The Journal of Politics*. Vol. 61. No. 4 (Nov., 1999). P. 1115–1139. (In English).

К сведению авторов

«Вестник Пермского университета. Серия Политология» – периодическое издание, в котором публикуются результаты исследований в различных субдисциплинах политической науки: политическая теория, политическая социология, политическая регионалистика, политическая философия, сравнительная политология, политическое управление.

Журнал входит в список ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

Журнал выходит 4 раза в год.

После выхода из печати полнотекстовые версии номеров размещаются на интернет-сайте журнала и на интернет-сайте научной электронной библиотеки – elibrary.ru

Обращаем внимание, что, посылая статью для публикации в журнале «Вестник Пермского университета. Серия Политология», автор тем самым дает согласие на ее размещение в открытом доступе на интернет-сайте журнала (в случае принятия к публикации).

Требования к оформлению статей:

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом не более 1 п.л. (40 тыс. знаков, включая пробелы, надписи и сноски). Тексты принимаются только в электронном виде по адресу: politvestnik-perm@yandex.ru.

Текст оформляется в формате Word через 1 интервал, шрифт Times New Roman, размер 14; поля: правое 2 см, левое 2 см, сверху и снизу также по 2 см.

Оформление ссылок: автор обязан оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется **Библиографический список**, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Вначале указываются источники на русском языке, затем – на иностранных.

Правила оформления: в тексте статьи ссылки оформляются в квадратных скобках, где указываются две цифры: первая – порядковый номер источника в списке литературы, вторая – страница [3, 68].

Библиографический список должен сопровождаться переводом русскоязычных источников на английский язык (References) с указанием в конце источника (In Rus.).

В начале файла с текстом статьи должны размещаться:

- название статьи на русском и английском языках.
- краткая (8–10 строк) аннотация и ключевые слова на русском и на английском языках;
- авторская справка на русском и английском языках с указанием места работы, должности, ученой степени и звания автора, адреса электронной почты.

Information for authors

Electronic submission:

Authors are invited to submit articles via e-mail to politvestnik-perm@yandex.ru.

Requirements for manuscripts:

Submitted articles must not exceed 40,000 characters (including inscriptions, notes and also spaces).

The title page should include:

- author's name (in Russian and English), affiliation, e-mail address and mobile phone number;
- title of the article (in Russian and English);
- abstract (700–800 characters) and 5- 6 keywords in Russian and English.

All texts must be prepared in Word format. Settings: font – Times New Roman; font size – 14 pt; margins – 2 sm.

At the end of the article should be placed a reference list.

Guidelines for formatting references:

Authors must refer to the sources of citation, statistics and other information used in their work. A reference list is placed at the end of an article under the heading References. All sources are listed alphabetically, provided with a sequence number for each position. In each bibliographic reference the place of publishing must be given with the publisher's name (except for periodicals), and the year of publishing. Russian-language sources must be listed first, followed by foreign ones.

In the text of an article, references are given in square brackets in the form of two numbers: first number stands for the sequence number of the source in the reference list, second – for the page number (for example, [3, 68]).

Articles that do not comply with the requirements and guidelines will not be considered.

Вестник Пермского университета.
Политология
2015. № 3

Review of Political Science
2015. № 3

Редактор *Л.Л. Савенкова*
Корректор *Л.Л. Соболева*
Компьютерная верстка *Н.М. Беляевой*

Подписано в печать 23.09.2015. Формат 60х84/16.
Усл. печ. 10,23. Тираж 500 экз. Заказ _____

Издательский центр Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, Пермь, ул. Букирева, 15